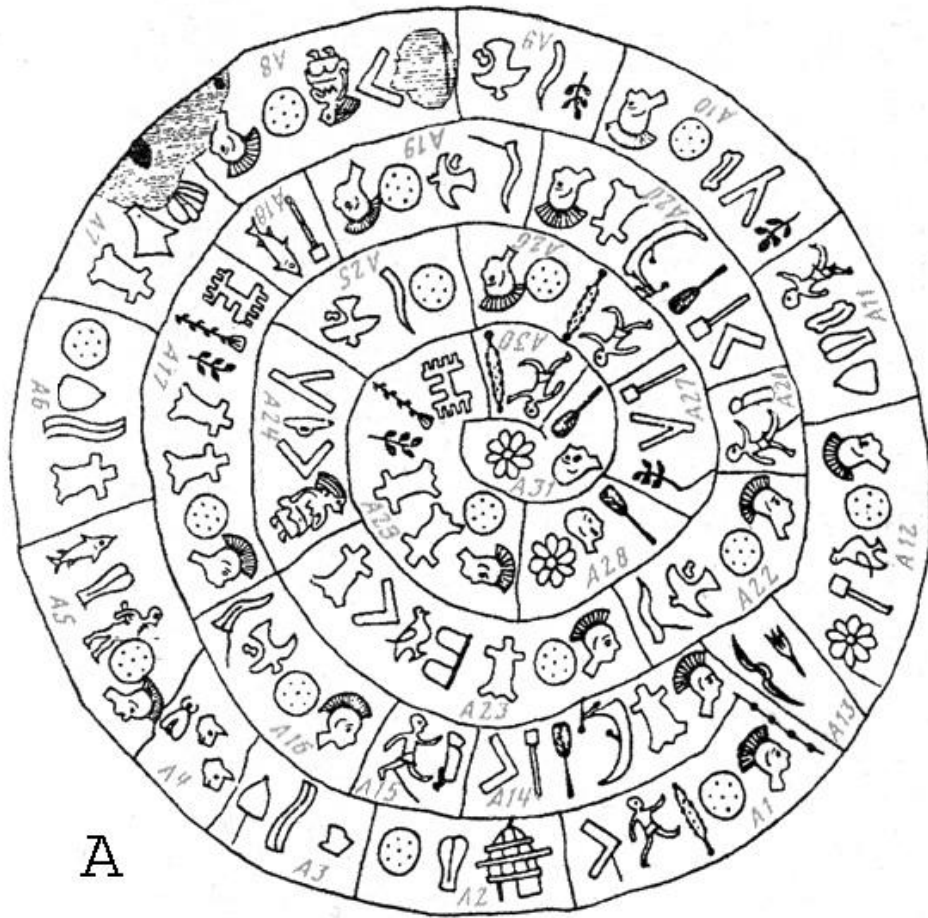

Я.А. Яралиев

**ДЕШИФРОВКА
«ФЕСТСКОГО ДИСКА»**

Дербент – 2001

A

B

Я.А. Яралиев

ДЕШИФРОВКА
«ФЕСТСКОГО ДИСКА»

Дербент – 2001

Дешифровка «Фестского диска»
Дербент, 2001 118с.

Рецензенты: Акимов К.Х. - доктор филологических наук, писатель
Нагиев Ф.Р. - поэт, писатель.

Редактор: Магомедов Н.Г. - доктор философских наук, профессор.

В работе приводятся результаты дешифровки и интерпретации одного из уникальных образцов критской письменности - «Фестского диска».

Рассмотрены также историко-мифологические аспекты и языковые особенности дешифрованного текста.

Автор выражает сердечную благодарность ректору института «ЮЖДАГ» акад. Османову Н.О. не только за постоянную моральную и материальную поддержку, но и за пристальное внимание и неустанный научный интерес к истории коренных народов Южного Дагестана.

Книга издается согласно решения Ученого Совета института «ЮЖДАГ». Она полезна всем тем, кто интересуется носителями древнейшей европейской цивилизации, и может быть использована как дополнительный материал по учебному курсу «История древнего мира».

*Эл. версия - добровольное патриотическое движение "ДУСТВАЛ"
(<http://vk.com/dustval>, э/почта dustval@mail.ru). Первая редакция.
08.12.2013*

© Яралиев Я.А., 2001.

ОТ РЕДАКТОРА

Изучение истории народа имеет важное значение в первую очередь для представителей данного народа. Знание истории своего народа необходимо, как говорят историки, не только для установления обычаев и нравов своих дальних предков, выявления их культурного наследия, но и для осмысления своего настоящего положения, а также для целенаправленного достижения еще лучшего будущего своих соплеменников. Однако в этом благородном деле возникают серьезные трудности, когда твой народ относится к «малочисленным», не имеет своих государственных структур, и следовательно не располагает достаточными возможностями для научного самосознания.

После распада Советского Союза «малочисленные» народы в лице своей интеллигенции приобрели самосознание, которое в какой-то мере способствовало новым историческим открытиям, позволяющие пересмотреть общеизвестные факты под другим углом зрения. Хотя эти открытия кое-где имеют случайный характер, они оказываются выражением закономерного приближения к объективной истине. К одной из таких «случайностей» относится дешифровка кавказско-албанской письменности, осуществлённая профессором института «ЮЖДАГ» доктором технических наук, химиком по специальности Яралиевым Ярали Алиевичем. Им убедительно доказано, что все до сих пор известные образцы письменности кавказских албан буква в букву идентифицируются и легко читаются на древнелезгинском языке, отличающемся от современного лезгинского в основном морфологически. Предыдущие исследователи этого языка, находились совсем рядом с истиной: они называли албанский язык лезгиноязычным (удинским). Но именно удинская трактовка албанской письменности направила специалистов по ложному пути. Методика и результаты дешифровки кавказско-албанской письменности на основе лезгинского языка изложены в монографии Я.А. Яралиева «Алупанская (кавказско-албанская) письменность и лезгинский язык» (Махачкала, 1995). Оппоненты Я.А. Яралиева ссылаются на его «некомпетентность», не отмечая при этом ни методических и ни научных ошибок дешифровки. Они забывают, что в мировой науке много примеров тому когда открытия совершаются именно неспециалистами в данной области наук: Шампольон - дешифровщик египетского письма - ни языковед и ни историк, Вентрис, автор дешифровки критского линейного письма Б, - архитектор, Шлиман, который обнаружил легендарный город Трои и тем самым доказал историческую реальность древних мифов, - не археолог и т.д.

«Случайность» дешифровки кавказско-албанской письменности провела проф. Я.А. Яралиева в увлекательный и почти не исследованный мир истории языка и письменности лезгинских народов. Лезгины (в широком смысле), как один из крупных кавказских народов, имеют почти пятитысячелетнюю историю (Е.Бокарев, М.Ихиллов) и их язык тесно связан с урартским и хурритским языками Передней Азии (И.Дьяконов, С.Старостин). И вот ещё одна «случайность»: лезгинский язык оказался родственным ... пелазгскому!

Разработанный проф. Я.А. Яралиевым метод дешифровки оказался приемлемым для дешифровки таинственного «Фестского диска». Неожиданно и для самого автора! В дальнейшем более близкое знакомство с крито-микенской культурой, взаимоотношениями Эгеиды с соседними странами усиливает убежденность автора в правильности дешифровки «Фестского диска». Ведь до появления индоевропейцев-греков на Южных Балканах и Эгейских островах, хеттов-неситов в Малой Азии, ассирийцев в Северной Месопотамии, семитских арабов и турков-азербайджанцев в Закавказье, земли от Средиземного моря до Каспийского населяли племена не индоевропейского, не семито-хамитского и не туранского происхождения, а именно: на Балканах, на Эгейских островах и в Италии жили пелазги и родственные им племена, в Малой Азии - хатты, в Северной Месопотамии - хурриты и урартийцы, в Закавказье албаны. Есть убедительные доказательства тому, что эти древние местные (субстратные) народы представляют единую этническую общность, называемую «хурритской», «алародийской» или «азианической».

О неопределимой важности изучения догреческой культуры Эгеиды написано достаточно много. Мы полагаем, что сейчас возникают реальные возможности для раскрытия тайн носителей древнейшей цивилизации Европы, и мы не сомневаемся в том, что в самое ближайшее время нового третьего тысячелетия научный мир получит ответы на соответствующие вопросы.

ВВЕДЕНИЕ

Догреческая крито-микенская культура оставила значительный след во всемирной истории человечества. Носители этой культуры в III и II тысячелетиях до н.э. существовали на Крите и других островах Эгейского моря, в материковой Греции и на западе Малой Азии. Изучение этой культуры и периода ее существования имеет важное значение, с учётом следующих соображений.

1. В середине II тысячелетия до н.э. на Крите, в Микенах и других центрах Эгейского мира впервые в истории Европы возникло рабовладельческое государство. Изучение ранней формы этого рабовладельческого уклада чрезвычайно важно для понимания процесса развития рабовладения в целом.

2. Жители Эгеиды умели выращивать хлебные злаки, виноград, оливки, изготавливать прекрасные сосуды из глины и камня и различные предметы из бронзы, серебра и золота. Они обладали прекрасными навыками мореплавания, строили великолепные дворцы. Эти и другие особенности догреческого населения Эгейского общества были заимствованы последующими поколениями, которые творчески их усовершенствовали. Позднее, в классическую эпоху, получили широкое развитие многие строительные приемы и архитектурные формы, применявшиеся на заре бронзового века носителями Эгейской культуры.

3. По мнению специалистов, необычайно велик вклад жителей Эгейского мира в сокровищницу мировой культуры. Фресковая живопись, впервые появившаяся в Эгейском мире получало широкое распространение в античном искусстве, а затем в монументальной живописи средневековья (в Византии, Древней Руси, Болгарии, во Франции и других странах) и в эпоху Возрождения.

4. Как показали новейшие исследования лингвистов, работающих над расшифровкой надписей на глиняных табличках, которые были найдены на острове Пилосса, в Кноссе и в Микенах и относящиеся к II тысячелетию до н.э., жители Эгейских областей дали первые образцы письменности. Изучение этих образцов должно сыграть существенную роль не только в развитии письма вообще, но и для определения языковой принадлежности народов, живших здесь до появления греков.

5. Специалисты не сомневаются в том, что истоки религиозных представлений жителей этой античной эпохи сложились значительно более раньше крито-микенской эпохи. Многие божества греческого пантеона - Зевс, Гера, Посейдон, Артемида, Дионис и другие -

упоминаются в надписях микенского времени. Мифы древних греков, оказавшие столь значительное влияние на мировую литературу, формировались в глубокой древности; некоторые из них начали складываться еще в крито-микенское время и в их основу легли события именно догреческой эпохи.

Настоящая книга посвящена помимо обобщения имеющейся в литературе информации о догреческом населении Эгеиды также и дешифровке-интерпретации надписи на известном, так называемом, «Фестском диске», принадлежность которого к догреческому Криту (или Эгеиды в целом) доказана однозначно. Предложенный для дешифровки этимологический метод максимально обоснован, исходя из работ лингвистов. Результаты данной дешифровки убедительно доказывают, что язык надписи - пелазгский, являющийся языком догреческого населения Эгеиды, имеет этимологическое родство с одним из крупных языков кавказской группы - лезгинским. Предлагаемая дешифровка позволяет не только ответить на все основные вопросы, исходившие из оставшейся долгое время тайной надписи на Фестском диске, но и выявить фонетические и грамматические особенности пелазгского языка, существовавшего около четырех тысяч лет тому назад.

Такое утверждение, возможно, не свободно от скептицизма относительно общих принципов сравнительно-исторической лингвистики и поэтому, естественно, будет источником разногласий. Учитывая, что истина рождается именно в спорах и дискуссиях, будем благодарны всем тем, кто выскажет свое мнение о предложенном в настоящей книге (на наш взгляд, окончательном) разрешении загадки «Фестского диска».

ГЛАВА I

ЭГЕИДА И ЕЁ СВЯЗИ С ЕГИПТОМ, ПЕРЕДНЕЙ АЗИЕЙ, МАЛОЙ АЗИЕЙ И КАВКАЗОМ

1.1. Крито-микенская культура

Эгейский мир своей загадочностью давно привлекал внимание историков и языковедов. Догреческое население островов Эгейского моря, юга Балканского полуострова и Италии, представляющее богатейшее культурное наследие, которое впоследствии выявлялось в составе греческой культуры, остается пока еще не разгаданным. Эта культура условно называется «крито-микенской», так как наиболее яркие археологические памятники этой культуры были найдены на Крите и в Микенах. Язык носителей этой культуры также условно (по предложению первого открывателя этой культуры английского археолога А.Эванса), называется «минойским», в честь легендарного царя-героя Миноса. «О том, что Крит являлся центром великой цивилизации, свидетельствует факт существования на Крите собственных письменностей. К какой же расе относились критский народ или народы? На каком языке говорили они? Откуда пришли? Какова была их история? На эти и на многие другие вопросы ответа нет. Мы даже не знаем, как назывался этот народ (или народы?)» - пишет Д.Дирингер /1/.

Египет, Двуречье, Индия, Крит - такова большая «четвертка» самых древних государств земного шара, самых ранних цивилизаций планеты.

Крит начиная с III тысячелетия до н.э. находился в исключительно оживленных отношениях с Египтом, затем во II тысячелетии до н.э. устанавливаются уже ясные связи с культурными центрами Малой Азии, в том числе с хеттами в Каппадокии, с Сирией и Палестиной, а также дальше на восток - с Месопотамией /2/. Следовательно, в истории Средиземноморья Крит был не только родиной древнейшей культуры Европы, но и местом, где эта культура ранее всего пришла в соприкосновение с цивилизациями Востока. Египетское влияние можно отметить с эпохи Древнего Царства (XXVIII - середина XXIII вв до н.э.), но особой интенсивности оно достигло ко время Нового Царства (XVI-XI вв до н.э.). По А.Эвансу: «то, что главный импульс был направлен с египетской стороны, не подлежит более никакому сомнению» и по Ч.Пикарду: «Минийская религия совершала заимствования поочередно, в большей или меньшей степени, то из Египта, то из Азии»

(по /3/). В свою очередь критские корабли проникают далеко на Восток, в Малую Азию и Египет. Имело место и финикийское влияние /3/.

Политические устройства Эгейских государств, близкие по своему характеру древневосточным государствам, религиозные культы, находящие параллели в древневосточных религиях, сходство мифологических традиций, те факты, которые установлены сейчас на основании анализа документов линейного Б (см. далее), сравнительное изучение хетто-хурритского и греческого мифологического эпоса и археологические находки в Анатолии и Северной Месопотамии - все это неопровержимое подтверждение теснейших связей эгейского мира с древнейшими цивилизациями Востока /4/. Древняя Анатолия и древняя Месопотамия обнаруживают настолько многообразные и глубокие связи с эгейской цивилизацией, что это позволяет теперь думать не только о широком развитии контактов, но и о генетическом характере этих связей.

По мнению автора работ /4/, важно не только то, что сейчас связи эгейского мира с древним Востоком можно еще более расширить, но и то, что сам этот вопрос может быть поставлен несколько иначе. Связи критского искусства XVII-XV вв до н.э. и более раннего искусства протодворцового периода с искусством передневосточных государств, как это можно теперь показать с большей убедительностью, имеют значительно более древние истоки, уходящие еще в эпоху неолита и ранней бронзы. По-видимому, сейчас уже речь может идти не столько о заимствованиях, которые не исключаются, сколько о параллельном развитии этих культур на общих генетических основах. Это применимо ко всем областям критского искусства.

Как известно /5/, в период неолита остров Крит значительно уступал материковой Греции в своем развитии. Положение изменилось в III тысячелетии до н.э., особенно во второй его половине, и в 2200-2000 гг до н.э. культурное развитие сосредотачивается на севере и в центре Крита.

Крито-микенская культура распределяется по следующим периодам /5/:

1. Неолит - 8000-3400 гг до н.э.
2. Энеолит - 3400-3000 гг до н.э.
3. Минойская культура:

- A. Древне-минойский период 3000-2100 гг до н.э.
- Древне-минойский I   3000-2800 гг до н.э.
- Древне-минойский II   2800-2400 гг до н.э.

Древне-минойский III 2400-2100 гг до н.э.

Б. Средне-минойский период 2100-1580 гг до н.э.

Средне-минойский I 2100-1900 гг до н.э.

Средне-минойский II 1900-1700 гг до н.э.

Средне-минойский III 1700-1580 гг до н.э.

В. Поздне-минойский период 1580-1250 гг до н.э.

Поздне-минойский I 1580-1550 гг до н.э.

Поздне-минойский II 1550-1400 гг до н.э.

Поздне-минойский III 1400-1250 гг до н.э.

Крито-микенская культура называется также эгейской культурой. Это условное название культуры Древней Греции (материковой Греции и острова Крит Эгейского архипелага), охватывающей эпоху бронзы (3000-1200 гг до н.э.). Различия в памятниках культуры отдельных частей Древней Греции позволили выделить географические варианты: культура о. Крит получила название минойской культуры, материковой Греции - элладской культуры, Эгейского архипелага - кикладской культуры.

1.2. Догреческое население Эгеиды

Предполагают, что народ мореплавателей пришел на необитаемый до того остров с востока, скорее всего с юго-западного побережья Малой Азии. Лежащий на перепутье морских дорог, связывающих Европу, Азию и Африку, Крит в силу своего географического положения должен был стать центром коммуникаций Восточного Средиземноморья.

Впервые человек появился на Крите в неолите примерно в VII тысячелетии до н.э. Никаких письменных источников, которые могли бы рассказать нам об общественном строе, хозяйстве, религиозных представлениях этих древнейших жителей Эгейского бассейна у нас нет. Древнейшие памятники Эгейских областей обычно датируют периодом от VI до конца IV тысячелетия до н.э. Это - поселения или жилища, отдельные каменные орудия, сосуды, статуэтки из камня и др. Эта эпоха в Эгейских областях лежит за пределами того времени, к которому относят эгейскую культуру, т.е. второй половины III тысячелетия до н.э., когда люди в этих областях стали применять изделия из меди, а позже бронзы.

Вопрос о населении Греции и других Эгейских областей III тысячелетия до н.э. один из самых сложных. Лингвисты прослеживают

не только их культурную, но и языковую общность. Конечно, никаких письменных источников, сохранивших язык раннеэлладского населения Греции или Малой Азии III тысячелетия до н.э., нет. Однако ученые заметили, что многие названия поселений, рек, гор, островов во всех областях Эгейского мира и некоторые другие слова имеют такие суффиксы и окончания, которые не свойственны ни греческому, ни другим индоевропейским языкам. Сами древние греки считали древнейшее население Греции и островов негреческим и называли этих древних жителей пеласгами, карийцами и лелегами.

«... Почти все согласны в том, что пеласги - это древнее племя, которое распространилось по всей Элладе, - пишет Страбон /6, V, 2, 4/. Пеласги - первобытные Аркадяне, которые избравши военный образ жизни и обратившие к нему многих других, передали всем прочим свое название, что они приобрели громкую славу и у эллинов, и вообще у всех, на кого только когда-нибудь нападали. Действительно они имели поселения и на Крите, как говорит Гомер...». Далее, «так как многие герои назывались Пеласгами, то впоследствии многие народы получили их название. Так назван был Пеласгией Лесб, и соседей киликийцев, что в Триаде, Гомер называет Пеласгами». «Рассказывают, что некогда эта местность (Регисвилла - Я.Я.) была резиденция Пеласга Малея, который когда-то господствовал в этой стране и отсюда вместе с единоплеменниками Пеласгами перешел в Афины. К этому же племени принадлежат и те Пеласги, которые владели Агиллею» /6, V, 2, 8/. Как из сказаний Гомера, так и вообще из истории можно с вероятностью заключить, - пишет Страбон, - что Пеласги жили непосредственно за киликийцами. Слова Гомера указывают на значительную численность Пеласгов, потому что поэт говорит не о племени, а о племенах; причем местом жительства их считается Лариса /6, XIII, 3, 2/ Что Пеласги были народ многочисленный, ясно видно из следующих свидетельств другого источника. Так Менекрат Елантский в трактате «О сооружениях» замечает, что все нынешнее Ионийское побережье начиная от Микале, занято было первоначально Пеласгами, также как и соседние острова. Лесбийцы рассказывают, что они во время троянской войны находились под властью Пилая, которого Гомер изображает начальником Пеласгов... Вообще этот народ (пеласги), много странствовавший и склонный к переселениям, достиг большого могущества и затем быстро упал, преимущественно во время выселения в Азию Эолян и Ионян /6, XIII, 3, 3/.

О ранне-неолитовом периоде сохранились лишь смутные воспоминания, отразившиеся в легендах. Об этих легендах в античных греческих мифах есть достаточно обширный материал. Здесь мы считаем необходимым упомянуть некоторые моменты из этих легенд и

мифов, которые, на наш взгляд, имеют отношение к излагаемому материалу.

По сказанию, записанному военачальником V в. до н.э. Павзанием (по /7, с. 226/), в Аркадии (т.е. в центральной области Пелопоннеса /8/, см. рис. 1.) первый человек был Пелазг, которого поэт и летописец Гезиод называет автохтоном. О том, что Пелазг, по одному из мифов, является первым человеком, читаем и в /9, с. 257/. Он стал родоначальником расы пелазгиев, древнейшего населения Греции. Пелазг указал людям как строить хижины и одеваться в свиные кожи. Пелазг научил также жителей Аркадии питаться желудями, что переносит нас в мир преданий самой глубокой древности, т.е. того периода, который можно было бы назвать медным веком, ибо третье медное поколение не знало еще хлеба.

Одним из первых богов Пелазгов был Зевс. Гомер называет Зевса Додоны Зевсом Пеласгическим и отмечает, что пелазгов надо отделять от греков и что первые издавна жили в стране Аргос. И Эсхил указывает, что место исхода пеласгов был Аргос, близ Микен /7/. Поэтому в древнейших преданиях Пелазг считался отцом и Аргосских пелазгов и всех пелазгов Пелопоннеса и даже Северной Греции.

Рассказ Геродота о почитании в Додоне пелазгами богов, не наделенных еще именами, также относится к весьма древнему периоду в истории религиозного мышления, отвечающему столь же примитивной стадии состояния общества (по /10, с. 30/). Вот что пишет «отец истории» Геродот: «Первоначально пеласги совершали всякие священнодействия и молились богам, как мне рассказывали, в Додоне, не называя по имени ни одного из богов, потому что никаких имен они не знали... Только много времени спустя пелазги узнали имена богов, перешедшие из Египта, а Диониса узнали лишь гораздо позже... Когда пелазги обратились с вопросом к додонскому прорицателю, принимать ли им имена богов варварские, оракул отвечает утвердительно. С того времени они при совершении жертвы называли богов по именам; от пеласгов обыкновение это заимствовали впоследствии эллины» /11, II. 52/

По мнению переводчика «Истории» Геродота Ф.Г. Мищенко, Геродот представлял пеласгов народом варварским, но близким, как бы родственным эллинам, особенно ионянам. Он приводит две гипотезы по этнографическому отношению пеласгов к эллинам: первая состоит в понимании термина пеласгов как обозначения древнейшего периода истории тех же эллинов, как названия одного из эллинских племен, когда-то возобладовавшего над прочими и сообщившего им свое

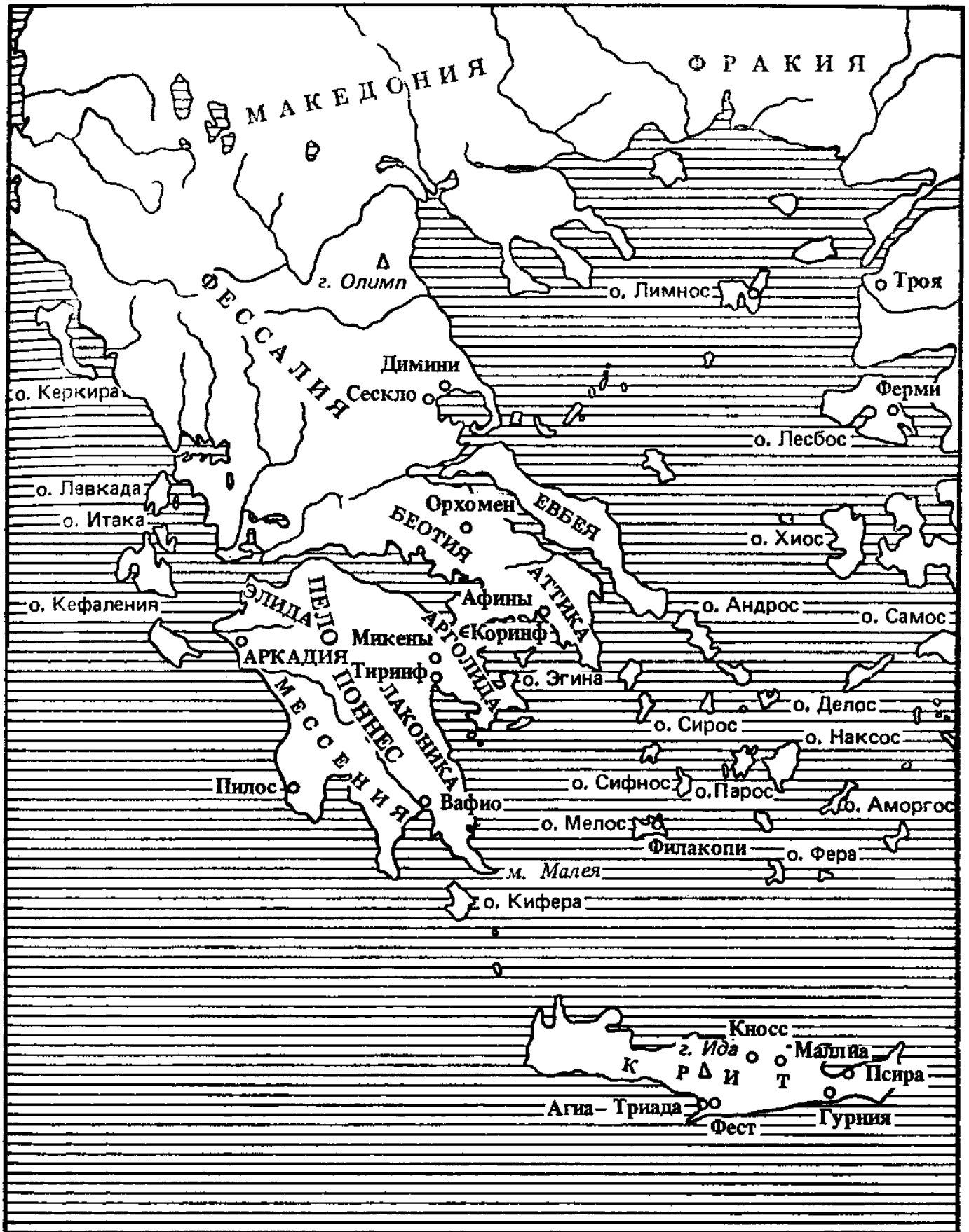

Рис.1 Карта эгейского мира (II тысячелетие до н. э.)

имя. Вторая гипотеза, главным сторонником которой должно считать известного географа Киперта, представляет пеласгов как расу отличающуюся от эллинов, раньше последних занимавшую территорию Эллады. Переводчик замечает, что у Геродота понятие пеласгов имеет в некоторых местах II, 52, 56; VIII, 44 общее значение древних, доисторических обитателей Эллады.

Интересно отметить, что пеласги существовали еще во времена Геродота, т.е. V в. до н.э.: «Если позволительно делать заключение по тем из пеласгов, которые уцелели еще до нашего времени, живут выше тирренов в городе Крестоне...» /11,1,57/.

Пелазги чтут Небо и Землю, как верховные божества, с которыми связаны Бог-Небо «Зевс» и Мать-Земля «Деметра» (рим. «Церера»). Мать-Земля научила пелазгов, которые питались желудями, земледелию.

Позже на Балканском полуострове и на окружающих его островах поселились также родственные по крови многочисленным пелазгам арийские племена. К этим двум древнейшим частям населения Греции надо присоединить еще ионян, родных братьев арийцев, ранее вышедших из общей арийской родины. Ионяне рано заняли берега Малой Азии, острова и Аттику (область древней Греции, заселенная с эпохи неолита /8/, -Я.Я.) и, по-видимому, во время ахейского периода не только сочувствовали пелазгам, но и поддержали их /7/. О принадлежности ионян к пелазгическим племенам говорит и Геродот. От пелазгов выделялись и эллины /2/. Как высказывался Фукидид (древнегреческий историк), «...Эллада (территория в Фессалии - Средней Греции /8/, -Я.Я.) не носила еще этого имени (до троянской войны). ...название ей давали... пелазги» (по [7]). К пелазгическому языку относится и ликийский язык /12/. Часть первоначально живших на Крите варваров-пелазгов потом выселилась в Малую Азию и была известна под именем ликийян.

Пелазгов, заселявших Италию несколькими волнами, начиная середины II тысячелетия до н.э. называют этрусками или же по греческому названию тиренами /13/.

В исторических преданиях Эллады (по /10/) упоминаются кары (карийцы) и близкородственные им лелеги, которые однозначно отождествляются с пелазгами. «Что касается Лелегов, - пишет Страбон, - то некоторые утверждают, что они никто иной, как карийцы... Во многих местах Карики встречаются гробницы Лелегов и запустевшие крепости, называемые крепостями Лелегскими. Нынешняя Иония населена была вся карийцами и лелегами, которых ионяне выгнали,

занявши сами их страну; еще прежде покорители Трои выгнали лелегов из окрестностей /6, VII, 7, 2/. «...между лелегами и киликийцами с одной стороны и троянцами, с другой, существует родство» /6, XIII, 3, 1/.

Фукидид сообщает, что кары обитали на Кикладских островах (см. рис.2) до тех пор, пока их не изгнал Минос. Кария страна в западной Малой Азии между Ликией и Лидией (см. рис.1). Это еще раз свидетельствует о том, что пелазгическое население было не только в Греции, на Эгейских островах, но и в Малой Азии - на ионийском побережье и прилегающих к нему островах.

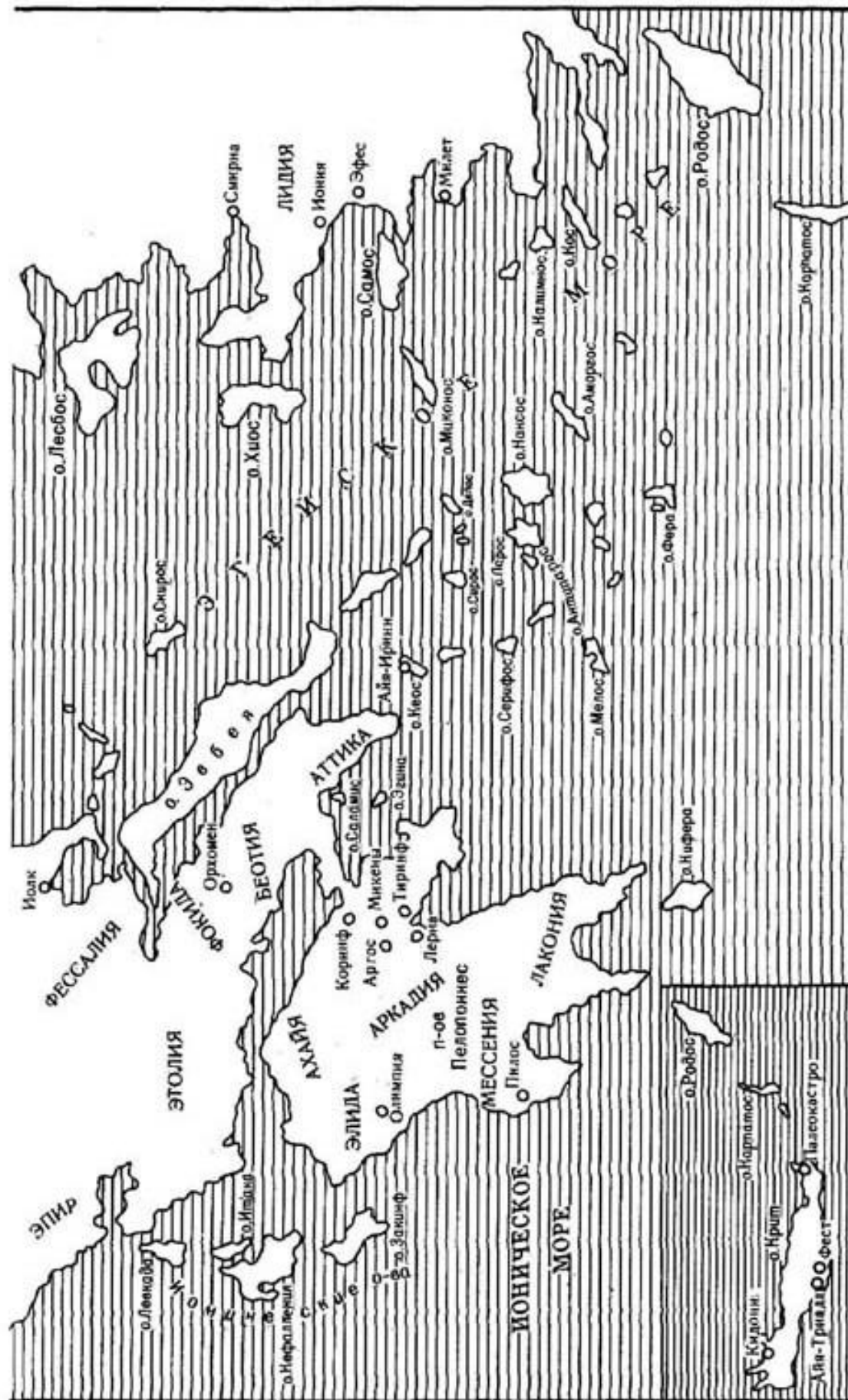

Рис.2 Карта средней и южной Эгейды

1.3. Этническая общность древнейших народов Эгеиды, Малой и Передней Азии и Кавказа.

«Алародийские языки». Имеется сведение (Л.Харматта; по /14/) о близком родстве пелазгического с языками хеттской семьи и считается возможным переселение хетто-язычных племен с Балканского полуострова в Малую Азию в начале III тысячелетия до н.э. Очевидно здесь речь идет о хаттах или протохеттах, так как носители индоевропейских хетто-лувийских языков (неситы) пришли в Анатолию после 2000 г. до н.э. /14/. К хаттской (протохеттской) языковой группе принадлежали, по-видимому, и племена касков, которые в XV-XII вв до н.э. активизируются на северо-востоке малоазийского полуострова /15/. Отождествление хеттского божества на коне Пирва с Образом Иштар на коне может представлять особый интерес для выяснения корней греческого мифа об амазонках, давно уже связываемых с хаттами /16/.

Согласно с /17/, не вызывает никакого сомнения существование более и менее единой в языковом и этническом отношении группы народов, которая задолго до вторжения индогерманцев и семитов в Средиземноморье, в смежные с ним части Передней Азии и еще дальше была оседлой. Немецкий ученый Гоммель (по /18/), обозначая эту несемитскую группу народов, которые другие ученые условно называют хаттийскими (в /19/ они названы «хурритскими»), термином «алародийцы» (название древнейшего урартийского населения у Геродота), выдвигает гипотезу, что вся огромная полоса народов, простирающихся от Кавказа через Армению, горную Мидию к Эламу, принадлежали одной лингвистической семье, представители которой сохранились в современных «кавказских» языках (картвельских, лезгинских).

Этот доиндоевропейско-досемитский пласт населения («алародийцы») ставится в связь с древними малоазийскими племенами. К этой группе, кроме хаттов, относятся: арцави в Малой Азии, митанни (хурриты - Я.Я.) и Месопотамии, халди (урартийцы - Я.Я.) Ванского царства. Сюда же относят киликийцев, морской народ ликийцев, лидян, а следовательно, этрусков, а также племена, появляющиеся на историческом горизонте в первой половине последнего тысячелетия восточной истории: тубал, маску, куммух и т.п. Некоторые причисляют к этой же группе и догреческое население Эллады и островов, так называемых носителей островной, эгейской и троянской культур /17/.

Тщательными лингвистическими исследованиями И.М. Дьяконова, С.А. Старостина, В.В.Иванова и др. установлено, что некоторые из

древних языков Передней Азии, а именно, хаттский [20], хурритский и урартский языки [21, 22] принадлежат к восточно-кавказским языкам. Они выявили свыше 100 общих корней хуррито-урартских и северо-восточно-кавказских языков [21, 22]. Предположения о родственных связях хурритского и урартского языков с кавказскими высказывались еще в XIX веке. На научную основу это вопрос был поставлен только в 1954 г. Я.Брауном и Г.А.Климовым, приводившими факты, свидетельствующие в пользу родства урартского языка с на-хско-дагестанскими языками.

Имеются убедительные предпосылки того, что к «северо-восточно-кавказской» языковой семье относятся также языки кроме древних хаттов (живших во II тысячелетии до н.э. несколько западнее на черноморском побережье), и пелазгов (живших с IV по I тысячелетие до н.э. на юге Балканского полуострова и островах Эгейского моря). Таким образом, ареал родственных «северо-восточно-кавказских» языков выходит за рамки Кавказа, т.е. в целом эти языки были ни северными, ни восточными, и при этом не только кавказскими. Поэтому известный востоковед, историк и лингвист И.М.Дьяконов поддерживает и развивает введение специального названия «алародийские» и предлагает отказаться от обозначения «северо-восточно-кавказские», так как этот термин часто вводит в заблуждение [23].

Болгарский акад. В.Георгиев [24] делает вывод о необходимости изучения хаттского, хурритского и др. языков в связи с кавказскими языками. Их разрешение поможет, по мнению академика, в деле выяснения проблем генезиса эгейско-малоазийских и переднеазиатских племен и народов. Автор подтверждает тот известный факт, что языки древнего догреческого и малоазийского населения (ликийцев, карийцев и пр.) не были ни индоевропейского, ни семитического происхождения, а составляли языковую семью «своего рода». К ней был перечислен и этрусский язык, так как античная традиция свидетельствовала о том, что этруски ведут свое происхождение из западной части Малой Азии.

О связи этрусков с Анатолией (и не только с Лидией, но также с Карией и Ликией) свидетельствуют также бесчисленные параллели в названиях мест [25]: «Наибольшее количество таких названий в Кари и Ликии говорит о том, что здесь дольше всего удерживались доэллинские языки. Их более широкое распространение указывает на то что некогда Эгейский бассейн, по-видимому, представлял собой однородную в лингвистическом отношении область, являющуюся продолжением Анатолии» (выделено мною, - Я.Я.).

Обобщая существующий литературный материал по обсуждаемой теме, авторы работы /26/ отмечают прямую связь между культурами Передней Азии и Восточного Средиземноморья (особенно с островами Крит и Кипр и Пиренейского полуострова). Связующим звеном этих культур, по мнению авторов, являются хурриты. Так родилась теория о существовании особой эгейско-малоазийской, или «азианической» (термин французских лингвистов), группы языков древнего автохтонного населения Греции и Малой Азии /24/.

«Яфетические» народы. Многочисленные народы «алародийских» языков составляют одну по крови родственную семью - яфетическую /27, с.68-69/. К яфетическим племенам относятся и «касы» или «каспы», господствовавшие в Вавилонии 1700-1200 гг до н.э., ближайшие родичи эламитов или галлов (геллов) /17/. Племя «гелов» упоминается в /2/ как племя с матриархальными признаками общества.

В работах лингвистов разных стран неоднократно высказывалось мнение о кавказских языках как о сохранившейся группе когда-то обширной языковой семьи, распространенной на территории от Передней Азии до Пиренейского полуострова и включавшей языки Малой Азии и Средиземноморья. Н.Я.Марр рассматривал это единство в рамках яфетической семьи языков /28/.

Н.Я.Марр в конце XIX в. доказал существование третьей ветви в семье семито-хамитских языков и предложил называть ее яфетической от имени третьего сына легендарного Ноя - Яфета (Иафета). В яфетическую группу Н.Я.Марр включает кавказские языки. Он объявляет «яфетидов» создателями древнейших цивилизаций Ближнего Востока. Яфетическая теория Марра согласуется с археологическими данными Стасова (по /27/) о существовании третьего элемента, не семитского и не индоевропейского. Существование этого третьего элемента находит все больше и больше доказательств и Н.Я. Марр его считает первоначальным населением.

По теории Н.Я. Марра, яфетический язык есть древнейшая стадия развития языка вообще, а языки индоевропейские и семито-хамитские представляют позднейшие стадии. В.В. Бартольд утверждает «...в древности было однородное население в Европе и в Передней Азии, это именно и есть то население, которое называется, по теории Н.Я.Марра, яфетическим» /29, с.656/. По акад. Н.Я. Марру все языки мира были когда-то яфетическими. И понимать этот термин надо не как указание на родство, а просто как особую, древнейшую стадию развития. По мнению Н.Я. Марра, вообще нет никаких семей, ветвей и т.д. - есть лишь определенные стадии развития языка, соответствующие стадиям развития человеческого мышления и

общества. Акад. Н.Я. Марр игнорировал достижения сравнительно-исторического языкознания, а изучение древних связей языков подменял особым методом «анализа по элементам». Элементов этих - во всех языках мира - Марр нашел всего четыре: сал, бер, йон, рош /30/.

Однако «новое учение о языке» было подвергнуто серьезной критике - как философской, так и лингвистической /31/. Было показано, что прямой связи между стадиями в развитии общества и устройством языка, его фонетикой, грамматическим строем и т.д. нет и не может быть. Но следует отметить, что некоторые вопросы, которые затрагивало «яфетическое языкознание», а именно проблемы древнего родства языков Кавказа с живыми и мертвыми языками Ближнего Востока и Средиземноморья, остались.

Куро-араксская культура. Вышеуказанные твердо установившиеся в истории факты хорошо согласуются с известной «куро-араксской культурой». Некоторые ученые /32/ относят куро-араксский энеолит к эпохе ранней бронзы (III тысячелетие до н.э.). Эта культура отличается поразительным единством составляющих его компонентов. К общим признакам «куро-араксской культуры» относятся: 1) заселение городища скученными круглыми жилищами, 2) определенные формы кубка; 3) орнамент в виде двух расходящихся спиралей; 4) оригинальная разноцветная керамика; 5) высокоразвитое бронзолитейное производство, продукция которого включает оригинальные предметы вооружения, орудия труда и украшения; 6) так называемые «рапиры»¹; археологи склонны думать что они – заимствование некой «моды» из крито-микенской культуры; эта «мода» держалась чуть ли не тысячелетие; 7) типичный орнамент - выгнута вверх или вниз черта с круглым или спиральным завершением на обоих концах (особенно характерен спиралообразный орнамент); 8) орнамент в виде свисающих треугольников; 9) кремация.

---

¹ Обратите внимание на начало этого слова - «рап», идентичному лезгинскому «раб» (игла).

Отдельно взятый признак может стать модным и переключиться к носителям соседней культуры, но если существует таких общих 7-10 признаков, то этническую (культурную и языковую) принадлежность носителей данной археологической культуры можно определить с достаточной уверенностью.

Ареал куро-араксской культуры включает почти все Закавказье. Северо-западный Иран, Восточную Анатолию и Северо-восточный Кавказ. На юге и юго-западе границы ее достигают Урмии и простираются южнее до районов Хамадана и Керманшаха. Эрзерума, бассейна Вана и далее вплоть до Малатии /34, с. 14/. Элементы куро-араксской культуры прослеживаются вплоть до Восточного Средиземноморья, Сирии и Палестины в комплексах, характеризующих кирбет-керакскую культуру. На северо-востоке границы этой культуры переходят Кавказский хребет и охватывают Дагестан, Чечню и отдельные районы Ингушетии и Северной Осетии. Северо-западные же границы куро-араксской культуры доходят до реки Ингури, районов Кутаиси и Самтредиа. В собственно причерноморской зоне памятники этой культуры неизвестны.

Таким образом, ареал куро-араксской культуры весьма обширен, он выходит далеко за пределы междуречья Куры и Аракса. Но наибольшая концентрация памятников этой культуры наблюдается все же на территории куро-араксского двуречья, в Центральном Закавказье. В то же время большая группа куро-араксских памятников сосредоточена в Восточной Анатолии.

С самого начала открытия куро-араксской культуры в науке остро обсуждается вопрос о ее происхождении. Возникла ли она на всей территории ее распространения одновременно или существовал некий перичный ареал ее формирования, откуда возможно она распространилась постепенно на обширные территории Кавказа и Передней Азии? Окончательно эти вопросы до сих пор не решены, несмотря на то, что изучение этой культуры у нас и за рубежом посвящена обширная литература. Но большинство исследователей считают, что центром ее распространения является именно Закавказье /33 с.21-22/.

Памятники этой культуры встречаются как в равнинных районах, так и горных и даже высокогорных, расположенных на отметке более 2 тыс. метров над уровнем моря. На этом основании предполагается, что в эпоху ранней бронзы почти все районы Закавказья и Северо-восточного Кавказа были освоены и довольно густо заселены. Плотнo и густо заселенными оказываются, напр., Араратская равнина в Армении, Шида-Картлинская низменность в Грузии, бассейны ряда

притоков Куры в Азербайджане. Прикаспийская равнина в Дагестане и т.д. Поэтому надо полагать, что отсюда, из куро-араксского двуречья, в связи с усиленным развитием земледелия и овцеводства и ростом численности населения началось расселение куро-араксских племен, что и привело в конечном итоге к сложению на обширной территории Закавказья и некоторых сопредельных областей единой в своей основе материальной культуры, относящейся к эпохе ранней бронзы /34. с. 150-151/.

На указанных территориях с конца III по конец II тыс. до н.э., т.е. в течение всего периода кавказской средней бронзы - письменными источникам засвидетельствованы, во-первых, хурриты от верховьев Ефрата до гор Загроса к востоку от Северной Месопотамии, включая северо-мессопотамскую низменность (Митанию); во-вторых, кутии: в Иранском Азербайджане и восточном Иране, которые (уды, удины) позже в составе около 30 лезгинских племен населяют Кавказскую Албанию. Установлены также лингвистические связи шумеро-хуррито-лезгинских языков /26/.

Албаны на Балканах и Кавказе. «Куро-араксская культура», «алародийские языки» и «яфетические народы» связывают с древней Анатолией, Восточным Средиземноморьем и, может быть, и Эгейским миром древнюю Кавказскую Албанию, на что имеется непосредственное указание в «Албанской книге» /35/. «При разделении владений земли от нижнего (по-видимому, Каспийского - Я.Я.) и верхнего (Средиземного - Я.Я.) морей и от нижних (т.е. Иранских - Я.Я.) до верхних (Кавказских - Я.Я.) горбыли переданы Алупу». Алуп - один из потомков Яфета. Земли и культурные достижения потомков Алупа неоднократно были разрушены и, наконец, один из потомков Алупа Ран (вспомним, что первым правителем объединенного Урарту был царь Араму - 864-845 гг до н.э./15, с.196/) из оставшихся племен, примерно в IX в. до н.э., в междуречье Куры и Аракса создал государство и дал ему имя «Алупан квал» (Дом-Государство Алупа).

Очевидно, название «Алупан» в дальнейшем в различных источниках претерпело изменение: Алупан - Алпан - Албан. Эта версия причисляет кавказских албан к марровской яфетической группе народов (потомки Яфеза или Иафета).

Многие из упомянутых выше племен - прямые или косвенные родственники пелазгов - напоминают племена Кавказской Албании. В «Албанской книге» /35/ приведены названия более тридцати крупных албанских племен, среди которых имеются: гарг (в виде «кар» напоминает карийские племена; название города Аргос в видг «Арг+ос» характерным для греческого языка окончанием «ос» также напоминает

«гарг»), Мик (созвучно с названием города Микен, который можно трактовать как «Мик+ен», «Мик+ан», где «ан» - окончание, показывающее принадлежность на лезгинском языке), лезг (ведь это - тот же самый «пелазг», с непонятным префиксом «пе»), лег («лелег» с непонятным префиксом «ле»), гел (это название почти не изменилось. «гел» или «гал»), кас (повторяется с окончанием множественного числа - «каспи»), муш («мушки» по урартской передаче), арц («арцави» в Малой Азии), куммух - название лезгинского селения в Южном Дагестане и др. Греческое название этрусков «тиррены» («тир-ен») напоминает албанское племя «кирк» или «куьр», «лик» («ликийцы») можно отождествлять с «лекь», а «килийцы» - с «гили». Среди древнеиталийских имен упоминается «рутульские племена», родственные этрускам /36, с.7/. Рутульский язык входит в современную лезгинскую группу кавказских языков.

Датский ученый Томсен (по /18/) выдвинул остроумную гипотезу о родстве этрусского языка, главным образом, с лезгинскими языками. При просмотре почти всего материала этрусских текстов оказалось, что этрусский язык сближается в некоторых формах склонения именно с лезгинскими языками. Кроме сходства некоторых грамматических форм Томсен находит совпадение первых пяти этрусских числительных с кавказскими. Немецкий ученый Гоммель пришел к убеждению, что язык кашшу (из пелазгских племен) был в родстве с эламским языком, следовательно, и с кавказскими.

Наконец, идентичность названий древнего кавказского государства «Албания» и нынешнего балканского государства «Албания» вряд ли можно называть случайностью.

ГЛАВА II

КРИТО-МИКЕНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Первые археологические исследования на Крите были проведены в 1876 г., когда местный житель, тезка легендарного критского царя, Минос Калокеринос частично раскопал неподалеку от города Гераклиона руины огромного здания, в котором американский ученый Уильям Стилмен в 1884 г. узнал знаменитый кносский лабиринт /37/. С 1884 г. на южном побережье Крита начала работать экспедиция итальянских археологов. Особенно большое значение имели многолетние раскопки грандиозного дворца в Кноссе, которые с 1900 г. до 1930 г. вел выдающийся английский ученый Артур Эванс. В 1935 г. он завершил публикацию своего капитального труда, в котором заложены основы периодизации критской культуры бронзового века /38/.

Археологические находки показывают, что балканский массив догреческих племен создал свою самостоятельную письменность почти в то же самое время, что и шумеры в Месопотамии, у которых древнейшее письмо известно в середине IV тыс. до н.э. Что касается египетской пиктографической системы, созданной во второй половине IV тыс. до н.э., то она одновременна с балканской пиктографией. Тем самым окончательно устраняется давно уже устаревшая гипотеза о появлении письменности в древней Греции под действием Египта /10, с. 114/.

В слоях, относящихся к началу III тыс. до н.э., найдены печати, покрытые рисунками и символами. Позже появляются более сложные комбинации - из двух и более знаков-рисунков. Все это, несомненно, пиктограммы. В Лерне, Тиринфе и Зигуриесе были найдены оттиски одной и той же печати со спиральным орнаментом. Памятники этой фазы письменности были найдены во многих местах Крита, но особенно важны надписи, обнаруженные в Фесте в слое «Древнего дворца», датируемого 1900-1700 гг. до н.э. Но вот на более поздних печатях - уже не просто рисунки, а знаки, передающие слова или части слов. А еще позже письменность была упорядочена и приведена в систему, причем ввели новый принцип употребления знаков: пиктограммы, обозначавшие раньше целые отдельные слова (понятия), приобрели значение только начальных слогов этих слов. Таким образом, возникло слоговое письмо, называемое обычно силлабарием. Со временем часть из логографическо-словесных знаков начала использоваться и как слоговые знаки - силлабограммы, с применением так называемого «акрофонического» принципа, т.е. с использованием

Начального слога данного слова. По аналогии с ними были затем подобраны знаки для передачи всех других слогов, встречающихся на языке древних обитателей Крита - «минойцев» (пелазгов).

Затем возникает «линейное письмо А», которое перестает употребляться в конце позднеминойского периода, т.е. около середины XV в. до н.э. Это происходит одновременно с крушением самой догреческой критской цивилизации, которое связывают как с последствиями стихийного бедствия - катастрофического извержения вулкана около 1450 г. до н.э. на острове Фера (современный Санторин) в 110 км к северу от Крита (по мнению греческого археолога С.Маринатоса) или с гибелью легендарной Атлантиды, сопровождавшейся разрушительным землетрясением, цунами и выпадением толстого слоя пепла, так и с вторжением на Крит с материка греков-ахейцев. Поскольку язык пришельцев (греческий) стал теперь господствующим на Крите, для составления документов хозяйственной отчетности перешли на использование приспособленного для него «линейного письма Б».

Как было указано неоднократно, наличие доиндоевропейского языкового слоя на юге Балканского полуострова (включая Крит и другие острова Эгейского моря) в настоящее время уже не может вызвать никаких сомнений. Античная лингвистическая балканистика пришла к установлению этого факта двумя различными путями. С одной стороны, в результате последовательного анализа субстратной догреческой лексики данного региона, для части которой индоевропейские этимологии явно отсутствуют, выделяется особая группа языков, объединяемых под общим условным названием «эгейских». С другой стороны, прочтение критских текстов «линейного письма А» (после дешифровки родственного ему «линейного Б»), хотя и не привело к полной интерпретации их содержания, позволило все же составить некоторое представление об их языке, получившем условное название «минойский».

Имеются лингвистические, археологические и исторические данные о сложном, многоэтническом составе населения Крита раннеминойского и среднеминойского периодов, включавшего как минимум три компонента: минойский, пелазгский и анатолийский. Только после сложения примерно к XVI в. до н.э. единой кносской державы мог окончательно оформиться общекритский минойский язык. В основу его лег раннеминойский язык III тыс. до н.э., впитавший в себя элементы побежденных им на Крите других языков /39/. Выяснения соотношения между языком его создателей - «минойским» и «эгейским» является одной из самых насущных проблем для лингвистической миноистики.

На глиняных табличках, на домашней гончарной утвари, на стенах, на коже, на пальмовых листьях писали древние жители Крита свои письма /41/. Естественно до нас дошли те из них, которые были написаны на глине. Это - или глиняные таблички, имеющие квадратную форму или форму пальмового листа, большинство из которых (168 из общего числа 220 по данным /41/) найдено в Агия-Триаде, или же надписи на сосудах. Надписи состояли не только из знаков, обозначающих слоги, но и идеограмм - знаков, слов и понятий (животное, человек и др.), поясняющих предшествующее им слоговое написание.

В критской иероглифике не было принято строго определенное направление письма: иероглифы писали сверху вниз, справа налево и слева направо /37/. Довольно распространенным способом написания иероглифических текстов являлся и тот, который древние греки позднее называли «бустрофедон» («как ходят в пашне вола»). Для него характерен поворот каждой следующей строки в противоположную сторону, отчего надпись шла «змейкой». Нередко встречается и спиральное расположение ленты надписи.

Эванс показал, что из других письменностей Крита II тыс. до н.э., непосредственно происходящим от иероглифики, являлось так называемое «линейное письмо А». Ему удалось разгадать систему числовых обозначений, разработанную минойцами - создателями критской иероглифики и линейного А. Эта система была десятичной и включала отдельные цифры только для обозначения чисел 1 (вертикальная черта), 10 (горизонтальная черта), 100 (круг), 1000 (круг с четырьмя расходящимися в разные стороны лучами), 10000 (круг с четырьмя расходящимися в разные стороны лучами и горизонтальной чертой внутри него), с помощью которых передавались все другие числа. Они умели не только складывать, вычитать, делить и умножать целые числа, но и знали дроби и умели вычислять проценты.

С давних пор критяне основали свои колонии и на острове Кипр. И здесь, уже в эпоху бронзы, как установил А.Эванс, возникла особая разновидность письма, называемая кипро-минойской («кипрское» ответвление линейного письма А). Тексты кипро-минойского письма еще не прочтены. Общее количество знаков в нем немного более 50. А что наводит на мысль, что древнейшее письмо Кипра было слоговое (возможно в нем имелись и детерминативы, как в линейном А и Б). Греки, поселившиеся на Кипре, реформировали эти письма. Ни детерминативов, ни, тем более, логограмм в кипрском письме нет, оно является чисто фонетической системой. Только в отличие от алафавитной системы записи, ее знаки передают не звуки, а слоги.

Таким образом, критская археологическая эпиграфика включает в себя: а) «рисуночные знаки» на печатях, чей возраст равен 40-45 векам до н.э. и поздняя надпись на «Фестском диске», по своей форме штемпельное письмо, которое относится к последней фазе среднеминойского периода (XVII-XVI вв до н.э.); б) линейное письмо А, которое продолжает существовать в XVI в. (и даже в XV в. /41/) до н.э.; в) линейное письмо Б раннегреческого периода, т.е. это письмо относится примерно к 1400 г. до н.э.

Некоторые таблички, написанные коренными жителями острова линейным письмом А, датируются XIX в. до н.э. /42/. В линейном письме А - 80 знаков, а в его позднем греческом варианте - линейном Б - 89. Все эти знаки передают открытые слоги: либо «чистый гласный» (Г), либо «согласный и гласный» (СГ). Некоторые знаки в линейном Б передают даже слог из двух согласных + гласный звук (ССГ). Линейные А и Б имеют 55 общих знаков; 5 знаков линейного А не имеют соответствий в линейном Б, а 10 знаков линейного Б - в линейном А.

Фонетическую значимость слоговых знаков линейного письма исследователи устанавливали на основании следующих принципов /43, с. 11-13/.

1. Идентичность или сходство со знаками кипрского силлабария.
2. Идентичность или сходство с финикийско-греческо-этрусскими буквами.
3. Комбинаторные соображения, основывающиеся на данных из надписи.
4. Логография, т.е. идентичность фонетической значимости знака со словом, обозначающим предмет, выраженный при помощи пиктограммы. Акрофонический способ, т.е. идентичность фонетической значимости знака с начальным слогом слова, обозначающего предмет, выраженный при помощи пиктограммы (идеограммы).
5. Комбинаторно-этимологические соображения.
6. Совпадения мнений среди специалистов относительно фонетической значимости знаков.

Исходя из того, что древнейшие жители Эгейского моря Малой Азии, Сицилии, Италии, Испании, Франции не говорили на языках индоевропейской группы /44, с. 157/, лингвисты-дешифровщики считали, что при попытках прочесть древние надписи с острова Крит

следует исходить из того факта, что язык этот может быть любым, но только не «арийским», а уж тем более не греческим. Ведь именно греки-ахейцы разгромили цивилизацию Крита и Микен.

Следует отметить, что критские иероглифические письма на печатях и на глиняных табличках не удалось прочесть пока ни одному ученому в мире. Во-первых, иероглифические тексты очень кратки - несколько знаков, во-вторых, и самих текстов мало и, следовательно, невелик и набор критских знаков - их менее 150. Пока неизвестно, на каком языке следует читать эти тексты.

В 1931 г. была сделана попытка прочесть крито-микенские письма с помощью языка обитателей Пиренейского полуострова басков. Позднее привлекались и другие неиндоевропейские языки, с помощью которых дешифровщики хотели прочесть загадочные тексты, но все эти попытки были безуспешны. Чешский ученый Б.Грозный сделал в 1949 г. попытку прочесть крито-микенские знаки, сравнивая их со знаками хеттов, шумеров, жителей долины Инда, финикийцев, древних киприотов; однако к успеху она не привела. На деле у Грозного получился весьма странный язык: в нем смешались самые разнообразные элементы. Содержанке же текстов, вычитанное Грозным из табличек, было лишено ясного смысла. В 1943-1950 гг. американский математик Алиса Кобер провела исследования загадочных писем Микен и Крита под новым углом зрения: составив таблицу из устойчивых сочетаний знаков, она смогла обнаружить окончания для мужского и женского рода, а также установить грамматические окончания. Но ей не удалось прочесть с полной уверенностью ни одного слова или даже слога.

В 1951 г. молодой английский архитектор Майкл Вентрис продолжает исследования Алисы Кобер. На основе подсчетов повторяемости знаков и сочетаний одного знака с другим, умело используя достижения других исследователей, Вентрису удалось составить «сетку»; из 88 различных знаков в «сетку» попало 66. Тщательные исследования Вентриса показали, что греческий язык превосходно укладывается в «сетку», хотя многие получаемые слова звучали странно, ведь язык, на котором они написаны, древнее гомеровского на несколько сот лет.

Таким образом, после длительных поисков, догадок и предположений М. Вентрису в сотрудничестве с Джонсом Чедвиком, специалистом по древним греческим диалектам, удалось убедительно доказать, что язык крито-микенских надписей, исполненных линейным письмом Б, греческий /45/. Исходя из возраста надписей, предполагается, что греки обосновались в Греции довольно

рано - XIV-XIII вв до н.э. По мнению специалистов, дешифровка линейного Б - это исходная база для атаки на линейное письмо А, кипроминойское и древнейшее кипрское письмо. Действительно, произведенная М.Вентрисом дешифровка письма не только позволила прочесть древнейшие греческие тексты второй половины II тыс. до н.э., но и создала основу для плодотворного исследования памятников письменности Эгеиды догреческого периода.

Исходя из того, что многие знаки линейных писем А и Б одинаковы, можно читать почти все тексты, написанные линейным А, не понимая почти ничего. Важно, что в линейном Б имеется несколько минойских слов (таких же, как и линейном А; видимо, имена или географические названия). Такие параллели подтверждают вывод о том, что знаки линейного А и линейного Б читались одинаково.

Довести до конца дешифровку текстов линейного А, составленных на «минойском» языке, не удастся прежде всего из-за того, что не доказано родство этого языка с каким-либо другим известным языком. Все попытки читать по-гречески (как в случае линейного Б) тексты линейного А оказались безуспешными. П.Кречмер (по /46/) в солидной монографии, вышедшей в 1896 году, доказал, что древнейшее население Эгеиды говорило на языке, не имеющим ничего общего с греческим и вообще с индоевропейской семьей. Позже болгарский акад. В.Георгиев выдвигает другую теорию: пелазги не были греками, но говорили они на языке, который восходит к индоевропейскому языку-основе /47/ (подробно см. далее).

Однако большое количество данных свидетельствует против гипотезы о индоевропейском характере минойского языка. По мнению автора /48/, тезис В. Георгиева о том, что в Греции вообще никогда не было неиндоевропейского населения, кажется весьма странным, а его стремление всей догреческой ономастике дать индоевропейские этимологии выглядит крайне неубедительным. Вообще в высказываниях В. Георгиева по поводу генетических связей между отдельными древними языками Балкан, Эгеиды и Малой Азии довольно трудно бывает разобраться. Тем более, что относящиеся к разному, а иногда даже к одному времени отнюдь не одинаковые высказывания делаются обычно в одинаково категорической форме.

«Дело в том, что линейное письмо состоит из слоговых знаков двух типов. Одни знаки передают Г (гласные звуки), другие - СГ (сочетание согласного с гласным). Это значит, что создатели линейного письма говорили на языке, отличавшемся от индоевропейских по слоговой структуре. В индоевропейских языках сплошь и рядом встречаются слова, в которых по соседству располагаются два и более согласных,

причем многие слова начинаются с двух или трех согласных» /49/. Критское линейное письмо не приспособлено для передачи языка с консонантными группами: мы встречаем регулярное чередование согласных и гласных, которое совершенно адекватно передается слоговым письмом и для которого «как будто создана критская линейная письменность» /50, с.99/. Именно характер фонетической структуры (СГСГСГ) догреческого критского языка должен помочь успешному применению этимологического метода для полной дешифровки и интерпретации документов линейного А. При этом следует, по мнению А.А.Молчанова /51/, уделить большое внимание вероятному сходству минойского языка с доиндоевропейскими субстратными языками Малой Азии и родственными им.

По мнению Дж. Пендлбери, крупнейшего после А. Эванса специалиста по археологии Крита, «характер языка критян до сих пор определить невозможно, ясно лишь то, что он не был греческим... и что в расовом отношении между обоими народами лежит целая пропасть. Все, что мы можем сказать, это что критский язык, всего вероятнее, имеет анатолийское происхождение, возможно, он родствен ликийскому, киликийскому или карийскому, поскольку из этих мест, по-видимому, происходит и само племя» /52/.

Таким образом, по-прежнему нерешенной остается загадка минойских надписей Крита. Поэтому не удастся отыскать желанный ключ к разрешению проблемы языка и письменности Фестского диска.

Griechenland und die Ägäis während der »Dunklen Jahrhunderte« (12. – 9. Jh.v.Chr.). Die wichtigsten Fundorte

● bedeutende Siedlung	Chronologie:	Importfundplatz:
⊙ Siedlung (mit/ohne Architekturfund)	▣ Späthelladisch (12./Anfang 11.Jh.)	⊥ Orient
⌂ Nekropole/Grab	▣ Submyk./Submin. (Anfang – Mitte 11.Jh.)	⌘ Kypros
⌂ Heiligtum	▣ Protogeometrisch (Mitte 11.Jh. – ca. 900 v.Chr.)	⌘ Italien, Europa
⌂ Zentrum der Keramikproduktion	▣ Geometrisch (Früh-, Mittelgeometrisch) (9. – Anfang 8.Jh.)	Mykenai antiker Name
? ⌂ Identifizierung unsicher	▣ Datierung, sicher, unsicher	Çömlekçi moderner Name
		(Rhodos) Inselname

Греция и Эгеида во время "темных веков" (XII-IX вв. до н.э.). Места важнейших археологических находок

ГЛАВА III

«ФЕСТСКИЙ ДИСК» И ПОПЫТКИ ДЕШИФРОВКИ НАДПИСИ

III.1. О надписи на Фестском диске.

Вечером 3 июля 1908 года при археологических раскопках древнего минойского дворца, находившегося неподалеку от критского города Фест, итальянский археолог Л. Пернье рядом с разломанной табличкой линейного письма А обнаружил диск из обожженной глины диаметром 15,8-16,5 см и толщиной 1,6-2,1 см (в настоящее время этот диск хранится на Крите, в археологическом музее Гераклиона [53]). Диск был условно датирован 1700 г. до н.э. - эпохой третьего среднеминойского периода; к этой эпохе относилась лежащая рядом с диском табличка. Обе стороны диска покрыты различными изображениями предметов, птиц, животных и людей (рис. 3). Изображения были оттиснуты на диске при помощи особых штемпелей. Таким образом, диск представляет древнейшую штампованную надпись. Весь текст состоит из 241 знака, причем разных знаков в тексте встречается 45 (рис. 4). ^

О структуре надписи, т.е. о числе и расположении рисуночных знаков, наличии вертикальных линий между словами, слоговом характере письма, названиях изображенных знаков (правда, не всех) написаны достаточно подробно /55,56/. Однако однозначно не установлено ни начало и ни конец письма, ни направление чтения, ни происхождение или предназначение диска, ни язык надписи, ни связь изображенных знаков с текстом и многое другое, которое имеет первостепенное значение для дешифровки.

Изображениям на диске (рис. 4) даны следующие названия: 1- мужчина /55/; бегущий человек /56/; 2-голова с перьями /55, 56/; 3-голова /55/; 4-пленный /56/; 5-мальчик /55/; 6-женщина /55/; женщина с обнаженной грудью /56/; 7-шлем /55/; 8-рукавица /55/, рука /56/; 9-изгиб /55/, тиара /56/; 10- ?; 11- ?; 12-щит /55/; 13-кипарис /55/; 14-коромысло /55/; 15-секира /55/, топор /56/; 16-отвес /55/, нож /56/; 17-кухонная утварь с рукояткой - «рукоятка» /55/; 18-угол /55/; 19-«вилка» /55/; 20- ?; 21- ?; 22- «корень» /55/, двойная флейта /56/; 23-колонна /55/; 24-дом /55, 56/; 25-корабль /55, 56/; 26-рог /56/; 27-шкура /55, 56/; 28- ?; 29-львиная голова /55, 56/; 30-голова газели /55/; 31-сокол /56/; 32 - птица /55/, сидящий голубь /56/, 33 - дельфин /55/, рыба /56/; 34 - пчела /55/; 35 - ветвь /55, 56/; 36-куст /55/, 37-лилия /55/; 38 - розетка /56/;

Рис.3 Фестский диск. Наверху – лицевая сторона (А),
снизу - обратная сторона (Б)

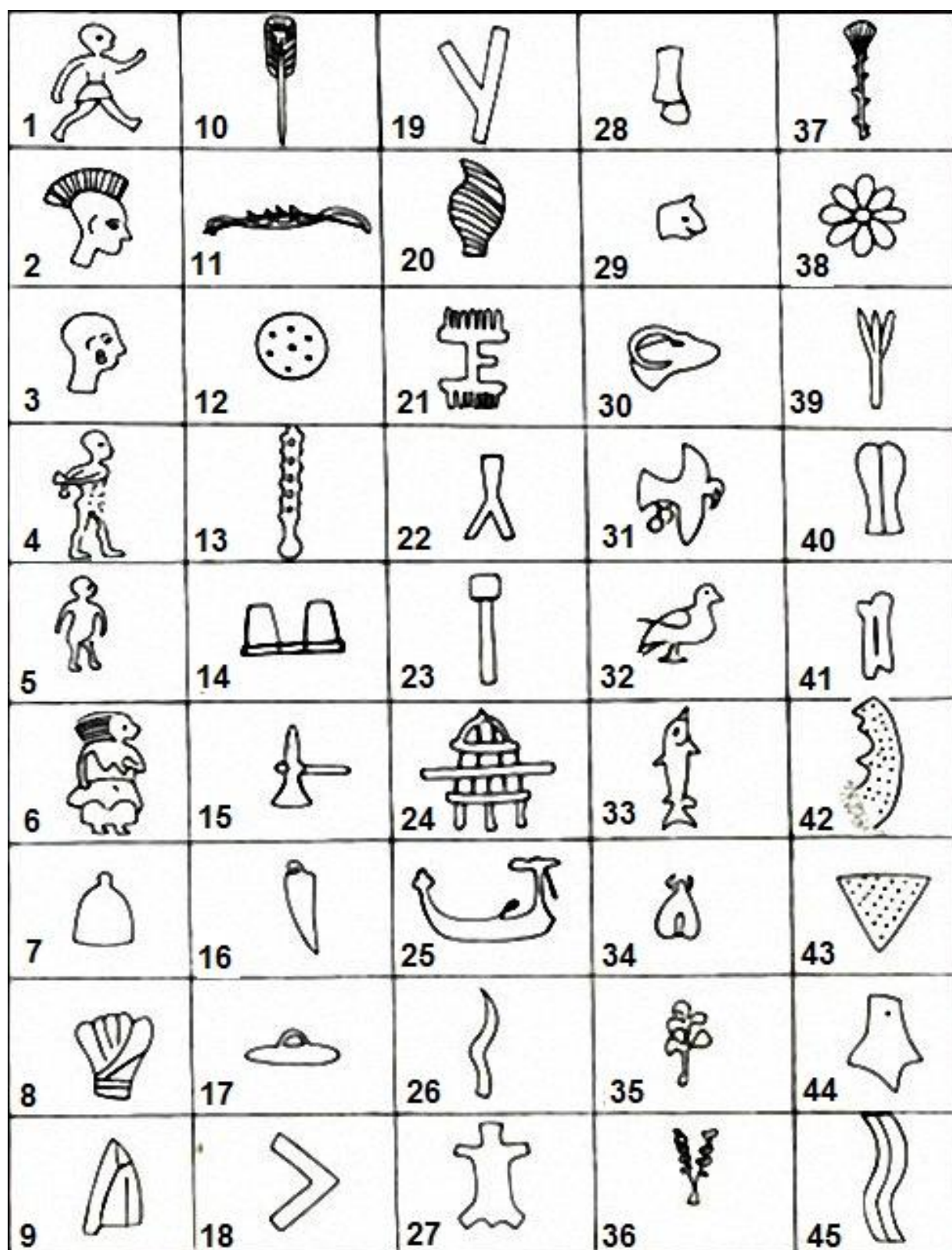

Рис. 4. Репертуар знаков

39 - фокус /55/, цветок крокуса /56/, 40 - «сумка* /55/; 41 - ?; 42 - гусеница /55/; 43 - треугольник /55/, разрисованный треугольник /56/; 44 - ?; 45 - «волна» /56/.

Долгое время открытым оставался вопрос о месте изготовления Фестского диска - был ли он сделан на острове Крит или кем-то привезен сюда? /57/. Французский ученый А. Кюни сравнивал знаки надписи диска с египетскими иероглифами. По мнению английского ученого Макензи, глина, из которой изготовлен диск, является анатолийского происхождения. Последняя версия была принята А. Эвансом и большинством других исследователей. Сходство знаков письменности Фестского диска и лувийской иероглифики ищут и некоторые современные исследователи. Л. Пернье сравнивал глину диска с материалом керамических изделий кносских дворцовых мастерских, а знаки надписи - с критскими иероглификами. К. Эппесен и Р. Макалистер приписывают его какой-то североафриканской культуре, близкой к египетской (по /56/). По Г. Ипсену /55/, диск представляет эгейским мир, для которого характерны и спиральный орнамент и смелость выдумки. Все, что нарисовано на диске: «люди, оружие, предметы домашнего обихода и орудия труда - это мир южный с характерными для него растениями и животными. Некоторые рисунки дают и более определенные свидетельства: мы узнаем головной убор из перьев, какой носили филистимляне и родственные им «народы моря», которые через несколько столетий соприкоснулись с египтянами; мы видим на рисунках также критский женский костюм, определенно эгейский тип корабля, орнамент по форме розетки, ритоны в виде звериных голов, которые египтяне называли «дарами Кефти», т.е. Крита (на кавказско-албанском языке «кеф» означает «север» /35/, а на лезгинском языке «кефер пад» - «северная сторона» - Я.Я.). Наряду с этими отдельными соответствиями в содержании существуют также соответствия в стиле с критской росписью стен и ваз и с критскими миниатюрами на печатях и фаянсе: дерево, куст, лилия, крокус (шафран), колонна нарисованы именно таким образом, как рисовали на Крите. Итак, детальное рассмотрение рисунков удостоверяет эгейское происхождение диска» /55, с. 33-34/. Однако наличие на надписи словораздела показывает все-таки на малоазийский характер диска /там же, с. 42/.

На Центральном Крите при раскопках в середине 1930-х годов пещерного святилища в Аркалохори (кстати, имеет форму лезгинской топонимии: «Аркала (н) хуър» - село Аркала - Я.Я.) была найдена культовая медная секира с гравированной надписью в которой встречались и знаки Фестского диска. Еще один знак диска обнаружен на глиняном ярлыке, происходящем из града Феста. Как показало изучение других археологических находок, критским керамистам еще

задолго до времени изготовления Фестского диска была известна техника нанесения на поверхность глиняного предмета до его обжига изображений, оттиснутых специально изготовленными материалами.

Среди всех спорных вопросов более и менее уточненным является вопрос о направлении чтения письма. Еще в 1909 г. итальянский исследователь А. делла Сета по-своему решил это принципиальный вопрос: в каком направлении справа налево или слева направо (от края диска к его центру или наоборот) - читался текст диска? Во-первых, все изображения людей и животных, встречающихся среди рисунков - знаков, повернуты вправо. А поскольку рисуночные знаки в других системах письма Восточного Средиземноморья II тыс. до н.э., в том числе и в критской иероглифике, обычно обращены к началу строки и смотрят навстречу чтению, закономерно возникает предположение, по мнению Сеты (по [55]), что текст диска читали справа налево, т.е. от края предмета к его центру. Во-вторых, сделав первый ровный виток по самому краю предмета, лента спиральной надписи резким скачком переходит на второй виток (причем крайние поля-ячейки помечены несколькими крупными точками, возможно, отмечающими начальные слова). В-третьих, судя по тому, что левый край матриц оттискивался глубже правого, знаки надписи наносились на поверхности сырой глины левой рукой, в противном случае пишущая» рука закрывала бы только что отпечатанные знаки, полностью лишая писца-печатника возможности продолжать правильно и точно выполнять его кропотливую работу. И, наконец, в-четвертых, часто повторяющиеся в тексте знаки (напр., «голова с перьями») считались идеограммами. Исходя из всех соображений, считалось, что текст читается от края диска к его центру.

III.2 Попытки дешифровки надписи на Фестском диске

Что касается дешифровки надписи на диске, то как раньше, так и теперь знаменитый диск из Феста представляет собой неразрешенную загадку науки о критских древностях. Вот уже около 90 лет предпринимаются попытки дешифровать надпись на Фестском диске, как со стороны специалистов (Эванс, Порциг, Ипсен, Нойман, Грумах, Нам, Шертель, Зиттиг, Шварц, Эфрон, Гордон, Дэвис и др.), так и еще больше неспециалистов. Его «читали», причем по-гречески, по-хеттски, на семитских языках, на языке жителей Пиренейских гор, басков, трактовали его как «историко-астрологическое письмо», говорящее о гибели Атлантиды, как военный «победный гимн», как «календарь», как песнь в честь Миноса, царя Крита», как «посвящение богам», наконец, просто как набор слов. Например: «Бог, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, звезда-каратель, пеннистая пучина вод, псо-рыба, каратель на ползучем цветке; бог, каратель лошадиной шкуры (или поверхности скалы), пес, взбирающийся по тропе, пес, лапой осушающий кувшины с водой, взбирающийся по круговой тропе, иссушающий винный мех...». Так «перевел» начало текста диска английский исследователь Ф.Гордон (по /42/).

В /58/ излагается краткий обзор попыток дешифровки надписи Фестского диска различными исследователями. Мы представляем читателю этот обзор с некоторыми сокращениями.

За основу дешифровки многие исследователи считали необходимым принимать сравнение рисуночных знаков диска и критских иероглифов. Однако применение одного лишь иконографического метода не могло удовлетворить исследователей. Ведь слишком незначительным оказывалось количество знаков, достаточно схожих со знаками письменности Фестского диска, которое удавалось найти в репертуаре графем других письменностей. Чтобы претендовать на доказательность своих гипотез, авторы различных дешифровок использовали в той или иной мере еще два метода статистический и акрофонический.

Первый из них предполагает учитывать общую частотность встречаемости и дистрибуцию знаков при их иконографическом отождествлении. Казалось бы, объективный математический характер этого метода должен внушать к нему серьезное доверие, хотя он и играет у использовавших его дешифровщиков сугубо вспомогательную роль. Но применительно к Фестскому диску он не способен дать достоверные результаты, ибо текст диска слишком мал по объему, чтобы получить на основе его анализа достоверные и точные статистические характеристики употребления отдельных знаков.

Другой метод, акрофонический, основывается, в сущности, на простом угадывании пиктографического значения знака, которое затем отождествляется с каким-либо словом одного из известных языков Восточного Средиземноморья, а первый слог полученного слова принимается за фонетическое значение данного знака. В настоящее время ученым действительно известны примеры приобретения слоговыми знаками своего фонетического значения по принципу акрофонии в некоторых письменностях Эгеиды эпохи бронзы (в критской иероглифике и линейном А, в лувийской иероглифике). Но достоверно установить такое акрофоническое соответствие пиктографического значения рисуночного знака и изображаемой им силлабемы можно лишь тогда, когда чтение слогового знака установлено каким-то иным способом. В противном случае легко впасть в ошибку даже там, где принцип акрофонии на самом деле действовал и язык письменности известен, поскольку трудно предугадать ход мысли изобретателя письма, т.е. какое именно слово (называющее непосредственно сам изображаемый предмет или же одно из связанных с ним понятий) ассоциировалось у него с тем или другим рисуночным знаком.

Неудовлетворительность методических приемов, применявшихся дешифровщиками текста Фестского диска, вполне закономерно привела к тому, что, несмотря на сходства методик, конечные результаты у всех исследователей получались каждый раз совершенно различными. Даже беглый обзор предложенных ими дешифровок рисует безотрадную и вместе с тем поучительную картину того тупика, в который зашли многие ученые, пытавшиеся описанными выше способами найти легкое решение труднейшей проблемы Фестского диска.

Одним из первых исследователей, рискнувших форсировать разгадку тайны диска, был Джордж Хемпль. Он попытался прочесть надпись на диске по-гречески по правилам кипрского силлабария. Верно определив по числу употребляемых знаков, что письмо диска слоговое, Хемпль предложил для двух знаков, чаще других стоящих в начале слов, значения гласных «а» и «е», как наиболее употребительные в этой позиции в словах греческого языка. Потом с их помощью он отыскал два характерных предлога и две грамматические частицы. Обратившись затем к акрофоническому методу, он получил фонетические значения такого количества знаков, которое позволило ему полностью прочесть и понять первые 19 строк стороны А диска (рис 3; до нас все исследователи считали нижнюю часть рис. 3 лицевой стороной, - Я.Я.), переведенные им следующим образом: «Вот Ксифо пророчица посвятила награбленное от грабителя пророчицы. Зевс защиты. В молчании отложи лучшие /части еще/ не изжаренного

животного. Афина-Минерва, будь милостива. Молчание! Жертвы умерли. Молчание!...». Согласно толкованию Хемпля, в этой части надписи речь шла об ограблении святилища пророчицы Ксифо на юго-западном побережье Малой Азии греком-пиратом с острова Крит вынужденным впоследствии возместить стоимость награбленного имущества подлежащим жертвоприношению скотом, а также содержались предупреждения о необходимости соблюдения молчания во время церемонии принесения жертв. Остальную прочтенную им часть текста Хемпль уже не рискнул ни переводить с греческого, ни как-либо толковать.

Акрофонический метод в сочетании со статистическим для прочтения текста Фестского диска по-гречески применил также проф. Эрнст Зиттиг незадолго до своей смерти в конце 1955 г. Он вычитал на одной стороне диска указания о раздаче земельных наделов, а на другой - наставления по поводу ритуальных действий, относящихся к номинальным обрядам и к празднику сева.

Американским ученым Сайрусом Гордоном в 60-е годы принцип акрофонии был использован при попытке доказать семитический характер языка надписи диска. Еще раньше, в 1948 г., с помощью собственных статистических подсчетов греческий ученый К.Ктистопулос получил целый семитический текст, даже краткая выдержка из которого красноречиво говорит о крайней сомнительности чтения и перевода:

Всевышний - это божество, звезда могущественных тронов,

Всевышний - это надежность утешительных слов,

Всевышний - это белок яйца...

В том же 1948 г. та же статистика подсказала немецкому исследователю Эрнсту Шертелю путь к пониманию записанного на диске текста как гимна в честь Зевса и Минотавра - гимна, который был якобы составлен на некоем индоевропейском языке, близком латинскому.

Американец Бенджамин Шварц и англичанин Генри Эфрон, будучи, подобно своим предшественникам Дж. Хемплю и Э. Зиттигу, убежденными сторонниками греческой теории, применили в своих исследованиях иконографический и статистический методы. Но сколь различны их переводы текста диска, опубликованные почти одновременно в 1959 и 1962 гг.:

«/Сторона. А:/ Святилище Маройо и город Эрато суть истинные святилища. Могущественно Ка...но, святилище Зевса. А которое есть святилище Месате, это - для эпидемии. Святилище Филиста - для голода. Святилище Акакирийо есть... Святилище, которое есть святилище Халкатесе... Геры. Святилище, которое есть Акакирийо, есть... Святилище, которое есть святилище Каяпи, - божественное зрелище. Святилище, которое есть Маро, есть менее достопримечательное, тогда как святилище Халкатесе... более достопримечательное. /Сторона Б:/ Эти суть также святилища: могущественная Асерия, Ака, Эваки, Мирийота, Марурове,... томаройо и Се..а. И этот город Авениту превосходит, но Эваки осквернен. Храм, расположенный против Филии, есть Энитоно по имени. Имеется три храма: Эрато, Энитоно и Эсирия. И это именно Эрато - для обрядов с быками, и Энитоно - для умиротворения и для свободы от забот - третья, веселая Эсирия.»

«/Сторона А:/ ...Исполненное по обету приношения для Са.. и Диониса, исполнение по обету приношение для Туи и Са... жертвоприношение Ви... и жрецам, и жертвоприношение... /неким божествам/, и жертвоприношение Са... и Дионису, и жертвоприношение... /неким божествам/... Агвии и ее сыну, жертвоприношение и ... богине Тарсо, и .../нечто, некоему атрибуту/ божественной Тарсо и самой богине. /Сторона Б:/ Иасн бесстрашный из Сард вызвал чтимую богиню Тарсо, дочь Теарнея, на состязание. Божественный Теарней, сын Тарсо, дочери Теарнея, приготовляя жертвенный пир и Сардах на азиатский манер, убеждая человека из Азии: «Уступи богине, вырази почтение Гигиее, дочери Галия». Сын Тарсо просил красноречиво от имени богини. Иасн бесстрашный пришел к соглашению с Тарсо и Агвием».

Методом иконографического сопоставления вместе с принципом акрофонии пользовались и те ученые, которые в самое последнее время повели атаку на Фестский диск со старых, «анатолийских» позиций, стремясь приписать языку и письменности диска хетто-лувийское происхождение. Один из них, проф С. Дэвис, обнаружил на диске следующий текст, по его мнению, религиозно-церемониального характера:

«/Сторона А:/... Оттиски печатей, оттиски, я отпечатал оттиски, мои оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал оттиски печатей, я оттиснул, я поставил печать, я поставил печать, я оттиски печатей эти, оттиски, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей ровные, я поставил печать, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей, спирали, оттиски, оттиски печатей, я сделал оттиски, оттиски печатей, прекрасные оттиски. /Сторона Б:/ я поставил

печать, я отпечатал, я поставил печать, оттиски, много я отпечатал моих отпечатков прочных, я оттиснул, я отпечатал оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал отпечатки ясные, мои оттиски, оттиски печатей, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул, я отпечатал, я оттиснул отпечатки, я поставил печать, я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать».

Даже человек, малосведущий в области дешифровки древних письменностей, засомневается в возможности такого утомительно однообразного содержания текста. Особенно странно выглядит смысловая скудность надписи при том разнообразии слов, которое ясно выступает в их графическом написании. У Дэвиса выходит, что многие разнящиеся по написанию слова имеют почему-то одно и то же значение.

Намного интересней содержание текста диска в переводе с лувийского В. Георгиева, автора одной из самых последних по времени дешифровок. В. Георгиев [59] предлагает следующие предварительные положения дешифровки. 1. Язык текста диска из Феста лувийский или, точнее, древнетермилский (исходя из сведений древних греческих писателей, автор констатирует, что на Крите жил народ, называемый термилами, которые, после эмиграции в Ликию, получили название ливийцев); 2. Письменность диска из Феста родственна трем критским письменностям и лувийской пиктографической письменности. Это силлабические (слоговые) письменности, основанные на акрофоническом принципе. 3. Текст диска из Феста надо читать слева направо как линейное письмо Б.

Текст имеет следующее содержание.

«/Сторона А:/ Когла Яра отправился в поход на Лилимува, когда отравился и не успел, Ярамува его устранил, прогнал своего любимца, и он сам уничтожил Лилимува. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых. Тархумува был в пл этих отношениях с этим Лил и му вой. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых во дворце. Он /Тархумува/ напал на границу области Сандалии. Апиумува убежал. Упарамува встречает меня, разгневанный из-за своих интересов, однако Рунда применил насилие и отразил его. Сармасу удалился к Ярамува. /Сторона Б:/ Сарма обдумывает и свободно готовит свой план: он натравливает. Илион его подстрекает, однако я берегусь. Сарма, разгневанный на Эфес, принял решение в свою пользу. Илион его подстрекает. Сармасу освободился, пришел и применил насилие. Илион его поощряет. Для унижения Ярину он отправился в Ялисос, наложил тяжелую дань, однако проявил снисхождение, взял ему глаза и удалился в Газену. Однако Яра

гневаются из-за унижения. Яра собрал урожай, обеспечил мне счастливое пребывание и клянется, что не будет создавать неприятностей, так как это не и его интересах. Сандатимува».

В.Георгиев так комментирует свой перевод: «Содержание текста Фестского диска представляет собой краткую историческую хронику. Самые важные личности, чьи имена отражены на лицевой стороне диска - Тархумува и Ярамува, вероятно, владельцы двух разных областей. На обороте самые важные личности - это Сарма и Сармасу. Сандатимува, вероятно, автор текста. Текст Фестского диска, представляет собой рапорт о событиях, происшедших в Юго-Западной Малой Азии ...

Этот документ имеет большое историческое значение для выяснения отношений между Критом и Троей в домикенскую эпоху: ведь в те времена главными силами в Эгейской области были Крит на юге и Троя-Илион на северо-востоке».

Среди других методов, применявшихся для дешифровки Фестского диска, необходимо назвать еще метод, впервые использованный А. Эвансом. Он заключается в идеографическом толковании смысла знаков надписи. Следуя ему, Эванс принял текст диска из-за частой повторяемости в нем рисуночных знаков, напоминающих военные сюжеты, за победный гимн (этой точки зрения до настоящего времени придерживается известный советский историк Т.В. Блаватская).

Воспользовавшись тем же методом, французский атлантолог Марсель Омэ отыскал на диске рассказ о гибели в морской пучине легендарной Атлантиды, а англичанин Ф. Гордон, считающий, кстати сказать, минойский язык родственным баскскому, предложил вышеупомянутый перевод текста диска (с. 36).

Сам автор книги /58/, отделяя друг от друга корни и окончания в отдельных словах, получил несколько названий городов и имена различных царей. Сделана также попытка дешифровки надписи на секире из Аркалохори.

По мнению авторов книги /46/, задавшись какой-то определенной целью, можно, толкуя тот или иной знак «в свою пользу», вычитать на диске любое содержание. К примеру, авторы /46/ приводят возможность прочтения текста, подставляя слоговые значения его изображений на русском языке: «Предположим, что диск читался от центра к краям. Начнем чтение с первого знака - 38 (Здесь, имеется в виду знак № 38, рис. 4 - Я.Я.). Присвоим ему слоговое значение «го». Второй знак - 03 - получит чтение «во», третий - 10 - чтение «рят». В

целом первое слово (группа из трех знаков, отделенная вертикальной чертой, которая, по всей видимости, является знаком словораздела) будет прочтено нами как «го-во-рят». Следующая группа знаков, отделенных вертикальной чертой, - следующее слово состоит из двух знаков - 01 и 13. Прочтём их как слоги «ца» и «ря». Получим чтение двух слов: «Говорят царя». Следующая группа из семи знаков может быть прочтена как имя царя + слово «слова» переданное сочетание двух знаков - 12 и 02, которое очень часто повторяется в тексте. В целом группа из семи знаков может быть прочтена как «Мор-ми-ка-та-та-сло-ва», а все три слова, с которых начинается диск: «Говорят царя Мормииатата-слова».

Далее следует знакомая нам группа знаков - 38-03-10, которую мы читаем как слово «го-во-рят»; следующая группа из трех знаков может быть прочтена как слоги «на-ве-ки»; далее идет слово, состоящее из двух, более коротких слов, которые мы прочитали как «царя» и «слова». В целом получается такой текст: «Говорят царя Мормиката-та-слова, говорят навеки царя-слова». Далее следует группа из трех знаков, начинающихся знаком 12, который мы условились читать как слог «сло». Следующие два знака прочтем как слоги «ве» и «са» и получим слово «словеса»; группу из четырех знаков, которая следует за ней, прочтем как слоги «му-дрей-ши-е»...

Итак, у нас получился связной текст: «Говорят царя Мормикатата-слова, говорят навеки царя-слова, словеса мудрейшие». Сомнение вызывает имя царя Мормикатата; хотя оно и похоже на Митридата, однако в анналах истории такое имя не числится. Можно, пользуясь такой же «методикой», обнаружить в тексте имя легендарного Миноса, царя Крита, создателя Лабиринта. Перевернем диск и будем читать текст на оборотной стороне от краев к центру (ведь большинство исследователей высказывается именно за такое направление чтения).

Читаем первое слово, первую группу знаков: «ца-ря Ми-но-са»; второе слово: «ве-ле-ни-ем»; третье: «ца-ре-ви-чу»; четвертое: «Ми-шу-ве»; пятое: «сы-ну мо-ря»; шестое: «пе-ре-везти»; седьмое: «грузов ко—рабль»; восьмое: «хра-ни гру-зов вес»; девятое: «ми-лость нашу». Как видите, получился весьма содержательный текст, приказ царя Миноса своему сыну: «Царя Миноса велением, царевичу Мишуве, сыну моря; перевезти грузов корабль. Храни грузов вес, милость нашу!» То, что получается в общем-то бессмыслица, обычно дешифровщиков не смущает: они почему-то считают, что, чем непонятное, тем лучше!»

В статье Г. Александровского [53] приводится сообщение из немецкого журнала «Шпигель», где указана разгадка диска немецким филологом Дерк Оленротом. По мнению немецкого филолога на

Фестском диске отдельными знаками указаны буквы древнегреческого алфавита. Другими словами, надпись сделана не реально существовавшей в те времена письменностью, а всего лишь знаками, использованными древним писцом, чтобы зашифровать буквы древнегреческого алфавита. Однако почему-то, по мнению Д. Оленрота, одна и та же буква греческого алфавита указана разными знаками: «розетка», «голова с перьями», «угол» указывают одну греческую букву «сигма»; «рыба», «лилия», «женщина», «копыто» обозначают букву «А»; «щит», «коромысло» - букву «О»; «сокол» на трех местах обозначает букву «сигма», а на одном - букву «К»; буква «К» обозначается также знаком «бегущий человек» и т.д. (см. рисунок в статье [53]).

Текст на обеих сторонах диска, по мнению Д. Оленрота, сообщает о двух святилищах, находящихся не на Крите, а в континентальной Греции. На одной стороне - фразы, составленные как магическая, колдовская формула, призывают ночь для поклонения богине земли и плодородия Деметре и заклинаят выполнить обряд строго по ритуалу: «Зажги кругом оструганное дерево, в кольце жертвенного дыма, ударь о землю и издай ржание внезапно, как пара лошадей». Вторая сторона диска повествует о микенском городе Тиринсе и о находящемся там культовом храме в честь верховного бога Зевса. Надпись предупреждает, что каждый, кто проникает внутрь святилища, обречен на смерть и будет проклят.

В [60] приводятся следующие принципиальные возражения по поводу дешифровки Фестского диска немецким филологом Д. Оленротом.

1. Вопреки мнению автора, большинство последователей считают систему письма, примененную на диске, не алфавитной, а слоговой. Посчитано, что в слоговой письменности Фестского диска было 60-70 знаков, 45 из которых встречаются на самом диске.

2. По мнению автора, некоторые знаки Фестского диска выражают не единые звуки, а дифтонги. Дифтонги же в греческом языке всегда писались отдельно.

3. Согласно предложенной Оленротом дешифровке, одна и та же греческая буква почему-то может выражаться на диске разными знаками. Так, букве «сигма» (с) соответствуют 4 непохожих друг на друга знака, букве «йота» (и) - три, «омикрон» (о) - два... Каков смысл в применении такого рода странного шифра?

4. Греческий алфавит возник не ранее IX в. до н.э. Он сложился по образцу финикийского письма, о чем говорит сходство и в начертании букв, и даже в их названии. Но и само финикийское письмо... возникло все же позже Фестского диска. Что дало ученому основание отодвинуть возникновение греческого алфавита в более древнее время?

5. Оленрот считает, что родина Фестского диска не Крит, где он был найден, а материковая Греция. Далее автор приводит мнение ученых об островном (Критском) происхождении диска.

Еще один вариант дешифровки приводится в [61]: «... выходящий в Кракове иллюстрированный еженедельник «Пшекруй» («Обозрение») рассказал о работе Бенона Збигнева Шалека - инженера-экономиста, доктора наук...». По Шалеку первая сторона диска (рис. 3Б), древним писцом сначала использована щедро, подходя к середине, начал «лепить» знаки теснее; начало надписи украшено орнаментальной чертой. Следовательно, эта сторона читается с края к центру. Вторая же сторона выполнена более расчетливо, словно писавший уже набрался опыта. Текст на этой стороне читается в противоположном направлении.

Шалек приводит следующий перевод текста (молитвы!) на древнегреческом языке:

Первая сторона. «Если боги Талос, и Спаситель, и Покрытый Бронзой... если до? лоев [бывший] Благим Спасителем так часто, если моление мое выслушает... если могущий Биодорос, если выслушает эти просьбы мои... если выслушаешь... если [ты], Эвесидаон милостивый, если выслушаешь просьбы мои, если выслушаешь... если Дивно сделает так, что станется [то, о чем я прошу]... если Эвесидаон - Дивно сделает, [что я получу то, о чем прошу]...

Вторая сторона. Если ты, герой Благого Спасителя защитишь свой Итанос-город... [то] богам: и? богу Обороняющемуся, и Галосу, судьбы вершащему над Итанос-городом, и Сильным всем богам быков колотых (то есть находивших в ярме - от стрекала, которым их кололи, погоняя), а точно так же и Спасителю некоторых (то есть не ходивших в ярме), подобно [тому], как [нами] приносилось в дар Спасителю, превосходнейших двух быков? [принеси в дар], если царю Халкелевсу поможет».

Шалек предполагает, что над городом Итаносом нависла какая-то беда (эпидемия? нашествие врагов?), и царь обещает богам мзду за избавление от напасти. В тексте начинается все со слова «если» - *aige* (голова в уборе из перьев и кружок с семью дырками).

То, что получился логически связанный текст, где каждому знаку все время сопутствует то же значение, выглядит убедительно, но это еще, по мнению автора [61], не доказательство. В том же самом «Пшекруе» в 1972 году сообщали «новость»: диск из Феста заговорил! Вот начало надписи: «Сва-ро-жы-цо-вэ не-по-вэ-то Сва-нет-ви-т жы-чэ-не...» Язык - польский. По-русски это значит: «Сварожищево не новое это Свантевит желание...» У каждого знака - свое постоянное значение. А ниже - полный текст одной из сторон: короткое, написанное силлабическим размером стихотворение о споре богов Свантевита (Святовита) и Сварожица. Славяне на древнем Крите!

Среди существующих дешифровок основным исследованием, построенным на строгом комбинаторном методе, считается статья Г.Ипсена /55/. Ипсен дал, по мнению специалистов, лучший из существующих до сих пор анализ надписи на Фестском диске (анализ, разумеется, формальный, без идентификации отдельных знаков и слов) /62, с. 15/. Ипсен /55/ определил письмо Фестского диска как слоговое, затем он выделил в составе «слова» (т.е. группы знаков между вертикальными штрихами) корни и грамматические форманты; их передают как сочетания знаков, так и отдельные знаки. Корни слов получены при помощи принципа перекрестных рядов: там, где из целых слов может быть выделено устойчивое соединение нескольких знаков таким образом, чтобы оставшиеся знаки в свою очередь выступали как устойчивое сочетание в определенном положении. Перекрестные ряды, таким образом, «могут служить одновременно для определения корня и форманта».

Далее Ипсен выделил устойчивое сочетание из двух знаков: они появляются несколько раз в различных окружениях. «С корнями их объединяет многосложность, с формантами - способность присоединяться к другим корням. Поэтому с лингвистической точки зрения здесь может идти речь о сложных словах или образованиях, сходных со сложными словами». В качестве фэрмантов, т.е. грамматических показателей, Ипсен определил знак 02 и группу из двух знаков - 12-02 (02-12, если читать надпись от края к центру), причем оба форманта (02 и 02-12) определяются им как префиксы (приставки). По мнению Ипсена, знак 02 - «голова с перьями» - является не слогом, а графическим формантом, т.е. детерминативом. Знаки 12 и 36 Ипсен определил как суффиксы, которые «связаны между собой многообразными отношениями правильного чередования». Знак 27 - «шкура» по Ипсену, представляет все возможные пояснения слога в слове. Его «значение нигде нельзя определить точно, так как ни разу не встречаются точно определенные корни». Однако знак 27 обнаруживает определенное структурное сходство с двумя другими формантами - знаками 29 и 07; для них всех как для префиксов

является общим начальное положение в слове, а также распределение в тексте, ибо все три форманта чаще встречаются на оборотной стороне, чем на лицевой. Наконец, «все три форманта повторяются, иногда два или три раза подряд при разных корнях, следующих непосредственно друг за другом (аллитерация)». Ипсен определил все три знака как «флексии предикативного характера»...

В дальнейшем немецкий ученый Гюнтер Нойман /56/ дополнил анализ Ипсена новыми наблюдениями: он предложил значение детерминативов еще для некоторых знаков.

Несмотря на все эти исследования, «в настоящее время произвести полную или хотя бы частичную транскрипцию надписи не представляется возможным» (А.Ф. Деянов /55, с.31/). К такому же выводу приходит и Г. Нойман /56/: в настоящее время нет никаких шансов дешифровать его полностью. Для этого, по его мнению, имеются следующие основания:

1) диск является единственным памятником представленной им системы письменности;

2) текст диска слишком краток для проведения достаточного количества статистических исследований;

3) ни обстоятельства находки диска, ни сам диск как предмет не дает нам достаточно точных указаний на содержание текста;

4) диск относится к такому раннему времени, что в нашем распоряжении не имеется никаких данных из критских собственных имен или глосс из иных источников, которые мы могли бы, с некоторой долей вероятности, обнаружить на диске.

Место, где был найден Фестский диск

ГЛАВА IV

ДЕШИФРОВКА И ИНТЕРПРИТАЦИЯ НАДПИСИ НА ФЕСТИВАЛЬНОМ ДИСКЕ

IV.1. Этимологический подход при помощи лезгинского языка.

Лезгинский язык (в составе лезгинской подгруппы языков) входит в состав восточно-кавказской группы иберийско-кавказских языков. «Иберийско-кавказские языки - группа родственных самобытных языков, пережиточно сохранившихся ныне лишь на Кавказе и являющихся живыми представителями обширного круга хеттско-иберийских (или азиатических) языков, не родственных ни индоевропейским, ни семитическим, ни туранским (тюркско-татарским) языкам» /63/. О древности лезгин имеется достаточная аргументация в монографии /64/. Общеизвестны сведения о принадлежности языка кавказских албан лезгинской группе кавказских языков /35/.

Нами разработана особая методика дешифровки, которая была успешно продемонстрирована при дешифровке кавказско-албанской письменности /35/. По принципу она относится к этимологическим методам дешифровок, а именно неизвестное письмо раскрывается при помощи предполагаемого родственного известного языка. Принимается /62/, что этимологический метод имеет серьезные недостатки и поэтому обычно не возлагают большие надежды на него. Одни и те же слова обычно претерпевают со временем огромные изменения даже в близко родственных языках, совершенно меняя как свою звуковую форму, так нередко и значение. По мнению И.М. Дьяконова [62], между дешифровкой неизвестного языка и прочтением известного языка, записанного неизвестным письмом (например, древнегреческого языка Кипра), существует ряд промежуточных звеньев. Они, несомненно, отчасти зависят от степени родственных связей дешифруемого языка с известными. При этом следует принимать в расчет и хронологический момент: если дешифруемый язык отдален от своего хорошо известного потомка большим отрезком времени (много сотен лет), то перед нами, считают специалисты, скорее дешифровка языка, родственного известному, нежели прочтение известного языка, записанного неизвестным письмом. Кроме того, следует доказать, находится ли дешифруемый язык в родстве с каким-либо из известных языков или нет. И.М. Дьяконов /62, с. 25/ приводит печальный пример дешифровки кенигсбергской школой лингвистов, на годы затормозившей интерпретацию ликийского, лидийского и других языков своими попытками «увязать» эти языки с кавказскими.

Следовательно, этимологический метод, безусловно, требует большой осторожности и проверки внутренним комбинаторным анализом, однако, как указывает И.М. Дьяконов, отвергать его не следует. «Предубеждение против этимологического метода часто возникает потому, что многие дилетанты абсолютизируют его возможности, не подвергают свои первичные наблюдения над поверхностными сходствами надлежащей проверке, а иногда пытаются связать дешифруемые языки с теми из известных языков, которые в действительности относятся к совсем иной языковой семье» /62/.

Очевидно, предъявление такой строгой осторожности к этимологическому методу оправдывается тем, что пока науке неизвестны случаи сохранения в достаточной для сравнения форме древнего языка (по фонетическому составу слов, по лексической специфике языка и, наконец, по стилю выражения мыслей) в каком-то незаметном современном языке, несмотря на несколько тысячелетний разрыв между ними. Если такие случаи действительно имеют место в истории, то не исключена возможность дешифровки неизвестного письма при помощи какого-нибудь современного языка, естественно, генетически связанного с языком письма, независимо от профессиональности дешифровщика и метода дешифровки. Если определена более или менее обоснованная акрофоническая связь между названиями знаков письма и их звуковой идентификацией с соответствующими слогами, если такие соответствия знаков и слогов соблюдаются по всему объему текста и при этом получают вполне определенные слова со своими корнями и окончаниями, характерными для сопоставляемых языков, и, наконец, если совокупность определенных слов дает соответствующие предложения, из которых складывается значения всего текста, то, без всякого сомнения, такую дешифровку можно считать правильной и окончательной. Окончательной потому, что вероятность изложения письма с одинаковыми знаками, но на разных языках почти равна нулю, так как в противном случае мы получили бы столько же вариантов дешифровки, сколько испытано языков. Параллельные варианты, по смыслу близкие друг к другу, вероятно, могут иметь место, если дешифруемый язык является праязыком нескольких родственных языков современности. Несомненно, в данном случае играет существенную роль и интерпретация (историческая и языковая) уже полученного текста, в отличие от некоторых исследователей, которые сначала «подбирают» топонимические названия данной местности (напр., Крита) и имена исторических личностей, а затем «подыскивают» эти слова в надписи.

Имеет ли какое-нибудь логическое основание то, что так называемый «минойский» и современный лезгинский языки являются этимологически родственными и может ли лезгинский язык быть

использован для дешифровки письма на Фестском диске? Как было указано выше, мнения большинства исследователей минойского языка сходятся в том, что эгейский мир имел своеобразный язык; он не является ни индоевропейским, ни семитическим. Близость «минойского» языка к кавказским недостаточно выяснена. В языкознании давно было известно, что язык кавказских албан относится к кавказской группе языков и высказывались мнения о преемственности языка кавказских албан удинским языком, входящим в лезгинскую группу кавказских языков. Применение нашего метода дешифровки /35/ к мингечаурским (Республика Азербайджан) и другим памятникам кавказско-албанской письменности показало поразительные результаты: все известные до сих пор образцы кавказско-албанской письменности легко дешифровываются при помощи одного из крупных кавказских языков - лезгинского. Было обнаружено поразительное сходство современного, сильно искаженного за счет влияния персидского, арабского, тюркского и русского языков, лезгинского с кавказско-албанским языком, считавшимся почти вымершим. Это дает основание полагать, что государственным языком Кавказской Албании является древний лезгинский язык и Кавказскую Албанию уверенно можно назвать Лезгистаном [65].

Установлена генетическая связь между языками хуррито-урартскими и лезгинским /21, 22/. Интерпретация уже дешифрованных урартских текстов при помощи лезгинского языка дает положительные результаты в установлении исконного кавказского характера урартского языка /66/. В работе А.Камменхубер /14/ можно найти достаточно большое количество хаттско-лезгинских слов /35/, хотя автор не приводит никаких хаттско-лезгинских параллелей.

Она признает: «мы до сих пор не в состоянии перевести и трех строк однозначного (т.е. не снабженного еще в древности переводом на хеттский язык) хаттского текста, что на хеттские переводы хаттских текстов можно полагаться лишь с соблюдением крайней осторожности» /14/.

Приводятся некоторые примеры хатто-лезгинских [35], хуррито-лезгинских (кроме работ И.М. Дьяконова, С.А. Старостина) [19, 23, 67], урарто-лезгинских [19, 23, 66, 67], «минойско» (пелазгско) - лезгинских [35], шумеро-лезгинских [26] параллелей. Существуют неопубликованные работы лезгиноведов по древнегреко-лезгинским, славяно-лезгинским параллелям. Обратите внимание на следующие лезгино-русские параллели: гла+ун - ор+ать; аха+рун - аха+ивать; бади - бадья; буза - буза; вар - вор+ота; гум - дым; йад, йатар - вода; кавча - ковш; канаб - конопля; ккал - кор+ова; кафан - саван; кек - коготь; куркур

- колокол; кyuлyт - чулок; кьил (кьил+ева) - гол+ова; кIир - крюк; кIус - кус+ок; мез - яз+ык; метI - мёд; мили - милый; мич - ночь; нар - нос; окв - ока; паб - баба; ппел (в перевертыше «леб») - лоб; сад - од+ин; сив - зев+ать; ттар(ттар+ава) - дер+ево; цуьк - цве+ток; цуьлез - селез+ёнка; цIар - цар+апина; ша кван - иди ка; сад+вал - единст+во: сад+ра - один раз. Чем объяснить такое обилие лезгино-русских параллелей в отличии от других дагестанских языков?

Незадолго до завершения дешифровки крито-минойского письма В. Георгиев /68/ произвел сопоставление финикийских букв с близкими к ним по значению крито-минойскими слоговыми (силлобарическими) знаками. Сопоставление финикийского и «минойского» писем показало чрезвычайную близость формы финикийских букв и крито-минойских слоговых знаков. Еще Артур Эванс выдвинул гипотезу о критском происхождении финикийского алфавита: «...четыренадцать из двадцати двух знаков финикийского письма почти полностью совпадают со знаками линейных писем острова Крит» (по /43, с. 147/). Что касается названий финикийских букв то, согласно В. Георгиеву, они были образованы путем замены крито-микенских названий семитскими словами, хотя бы и иными по смыслу, соответствующими по форме заимствованной букве и начинающимися с того же звука, который обозначала эта буква. Интересно заметить, что «минойские» названия 13 букв из 4 финикийских (с «минойскими» соответствиями) идентичны лезгинским словам не только по произношению, но и по смыслу /35/, хотя сам В.Георгиев не упоминает их сходства с лезгинским языком. Названия двух букв финикийского алфавита повторяются в кавказско-албанском (рукопись 7117, Матенадаран, Ереван, Армения).

Как известно /1, 54/, греческий алфавит, от которого происходит латиница и кириллица - финикийского происхождения. Самые древние финикийские памятники датируются временем с XI в. до середины IX в. до н.э. Ученые (А.Эванс, Х.Шнейдер, Ф.Чапутиер, М. Даулет и др.) обратили внимание на сходство между финикийскими и «минойскими» знаками и попытались вывести финикийские буквы из «минойских» знаков. В. Георгиев подтверждает: «финикийское письмо - это дальнейшее развитие «минойского» слогового письма» /68/.

Название следующих финикийских букв, имеющих «минойское» происхождение /68/, можно интерпретировать исходя из лезгинского языка.

1. Финикийская буква 'l' (l) и греческая «А» происходит от «минойского» знака «а», который акрофонически связан с «минойским» словом «алева» (хижина, палатка). Первый слог этого «минойского» слова «ал» (более вероятно, 'ал) идентичен слову «хал» (или «кIвал» -

«дом» по-лезгински¹). Как пишет М.Ихиллов /64/, у грузин-горцев под названием «сахали» подразумевается «дом, семья, род, общество». Это слово похоже на лезгинское «сихил» - род. В буквальном переводе «сахали» означает «(люди) одного дома» («са» - один, «хал» - жилище, «и(н)» - окончание, показывающее принадлежность).

2. Финикийская буква «g» и греческая «Г» происходит от «минойского» языка «ко», «го», который представляет пиктограмму «рогатый скот» «вол», «корова». На лезгинском языке «корова» означает «ккал» (по произношению звук «кк» занимает промежуточное положение между «г» и «к»).

3. Финикийская буква «d» и греческая «д» представляют дальнейшее развитие «минойской» пиктограммы «тала» - пята. На лезгинском языке «пята» называется также «таъ» (фиярский диалект).

4. Финикийская буква «z» представляет упрощенную форму «минойской» пиктограммы «вода, река, волна, море = ZO». Такой знак встречается на Фестском диске и соответствует слогу «си» (см. далее). Может быть, со словом «волна» связано лезгинское слово «сирнав» (плавание).

5. Финикийская буква «h» и греческая «Н», представляют «минойскую» пиктограмму «ограда» - «ha» от «минойского» слова «нали» (ограда). На лезгинском языке «гъас+ар» с добавлением окончания множественного числа означает «ограда». Интересно, что такое же название («hёт») имеется и в кавказско-албанском алфавите.

6. Название десятой финикийской буквы «йод» (рука) встречается и в кавказско-албанском алфавите («йуд»). Даже в начертаниях этих букв много общего.

---

¹ «хал» на арчинском языке (из лезгинской подгруппы кавказских языков) означает «гнездо».

7. Финикийская буква «к» и греческая «К» происходят от «минойской» пиктограммы «стрела, копье» - «ка». С учетом семитизированного названия «каф» (ладонь) и греческая «капа» (стрела), предполагается, что «минойское» слово «капа» означает «стрела, копье». На лезгинском языке «кап» - ладонь, а «капа» - в ладони.

8. Финикийская буква «т» и греческая «М» происходят от «минойской» пиктограммы «гора, вершина» - «ми». «Минойское» слово звучало «мина» - вершина, гора. На языке кавказских албан слово «минал» означает «высочайший», «величественный» /35/.

9. Финикийская буква «п» и греческая «N» происходят от «минойской» пиктограммы «нос» - «на». На лезгинском языке - «нар», «наьр» означает «нос».

10. Финикийская буква |'| (ларингал) и греческая «O» происходят от «минойской» пиктограммы «глаз» - «о**». На «минойском» языке слово «глаз» звучало «о**» от иероглифического «окво». Эти слова идентичны лезгинским «о**л» или «уьл» - «глаз» и «о**кв» = «эkv» - свет.

11. Финикийская буква «S» происходит от «минойского» знака «са» - тростник. «Минойское» слово звучало «самак» или «самек» -тростник. На лезгинском языке «сам» («самар» во множественном числе) означает «соломина» или «ц|ам» - хворост.

12. Финикийская буква «S,» происходит, вероятно, от «минойского» знака «са». Предполагается, что финикийская буква представляет дальнейшее развитие минойского знака «су» или же «са**». По форме этот знак похож на гребень. На Фестском диске «гребень» дает слог «за» и мы предполагаем, что соответствующее ему слово звучит как «загья» - гребень по-лезгински (см. дальше).

13. Финикийская буква «q» («коф») происходит от минойской пиктограммы «голова» - «ку». На лезгинском языке «голова» звучит как «кьил». Но более подходящим может быть «к|ук|» - верхушка.

14. Финикийская буква X=t и греческая «Т» происходит от минойского знака «та» или «та**». Финикийское название «таw» - «знаю» есть, вероятно, осмысленное по народной этимологии слоговое значение «минойского» слова «т(т)аму» - знак. На лезгинском языке «ттамгья» («т1амгья») - знак..

Таким образом, в названиях минойских пиктографических знаков встречается 13 лезгинских соответствий. Следует отметить, что «минойские» (пелазгинские) слова интерпретированы из частично дешифрованных текстов на древнегреческом языке, предполагая, что они заимствованы греческим языком из линейного письма. Надписи на «минойском» (пелазгинском) языке, как и в случае Фестского диска, не сопровождаются билингвами и, следовательно, они не дешифрованы. Естественно, при воспроизведении слов «особого догреческого» языка греческим или каким-либо другим индоевропейским языком они более или менее искажаются, что меняет его первоначальное озвучивание (смысл). Среди интерпретированных при помощи знаков линейного письма Б минойских слов наблюдается много лезгинских эгимологий (см. IV.5.).

Приведенные параллели убедительно доказывают этимологическую состоятельность нынешнего лезгинского и древнего пелазгинского («минойского») языков для дешифровки надписи на Фестском диске.

IV.2. Дешифровка надписи на Фестском диске.

Итак, допустим, что «диск» или полностью или же частично читается на лезгинском языке как этимологически родственном древнему пелазгинскому языку. Независимо от существующих дешифровок мы приступаем к логическому разбору (по внутреннему комбинаторному методу) расположения знаков так, что мы имеем перед собой неизвестное письмо, написанное известным языком, близким к лезгинскому языку. Мы исходим из того, что пока не знаем какая сторона диска первая и какая вторая (но, разумеется, между ними должна быть какая-то связь или последовательность), а также читается ли каждая сторона с краев к центру или наоборот.

На первый взгляд бросается в глаза неоднократное повторение знака «голова с перьями» и этот знак только со знаком «щит» повторяется 13 раз. Обратите внимание (рис. 3) «щит» + «голова с перьями» на верхнем рисунке наблюдается только один раз (в начале или в конце надписи), а на нижнем - 12 раз, причем один раз опять в начале (или в конце) надписи. Можно предположить два варианта. По первому варианту эти, часто повторяющиеся, знаки («щит» + «голова с перьями») находятся в начале слов. Следовательно, они являются детерминативами и текст читается от краев к центру, как предполагало большинство предыдущих дешифровщиков. По второму варианту предположения, они находятся в конце слов и, следовательно, являются окончаниями, т.е. текст читается от центра к краям против часовой стрелки. Мы следовали по второму варианту (первый вариант у предыдущих дешифровок не давал положительных результатов): на обеих сторонах текст читается по раскручиванию спирали, а именно начало текста - в центре, а конец - на крае диска. Кроме того, установлено, что в четырех ячейках (словах) конечные знаки исправлены (на трех местах - «щит» + «голова с перьями» и на одном - «женщина» + «голова с перьями») /55, 56/; это позволяет предположить, что слова Фестского диска имели грамматически изменяющиеся окончания /54, с. 215/. Таким образом, более вероятно, что «щит» + «голова с перьями» являются окончаниями. Тогда почему эти окончания на одной стороне диска только в конце (!) текста, а на другой - не только в конце, но и в 11 других местах? С другой стороны, знак «голова с перьями» с другими («женщина», «рог», «кожа» и др.) встречается в 4 раза на верхнем и в два раза на нижнем рисунках (рис. 3). Если во всех случаях знак «голова с перьями» стоит в конце слова, то нет никакого сомнения в том, что он соответствует достаточно часто повторяющемуся окончанию. Так как текст на обеих сторонах диска заканчивается именно этим окончанием, очевидно, можно допустить, что на многих местах и предложения заканчиваются этим же знаком. Теперь, какое окончание на лезгинском языке (как приравниваемом с

древним неизвестным языком) часто повторяется в конце предложения?

В «Албанской книге» /35/ дается краткая характеристика некоторым выдающимся мужьям древней Алупании (Кавказской Албании), которая каждый раз заканчивается словами благодарности и добрых пожеланий (упоминаний). Урартские тексты в большинстве случаев начинаются с обращения к Богам и упоминанием их величия, а заканчиваются пожеланием вечной славы своим царям и порой словами даже проклятия тем, кто осмелится уничтожить данную надпись /69/. На лезгинском языке слова, выражающие благодарность, пожелание, проклятие и т.д. заканчиваются окончанием «-урай»: «авурай» - пусть сделает, «атурай» - пусть приходит, «гъурай» - пусть приносит, «рекъирай» - пусть убивает, «хъурай» - пусть будет, «хурай» - пусть ломает и т.д. Опираясь на такую логику, предполагаем, что «щит» означает слог «у», а «голова с перьями» - слог «ра». Создается такое впечатление, что «голова с перьями» напоминает «фараон», в название которого входит и слог «ра». Ра, египетский бог Солнца, лезгински тоже означает «солнце» («Рагъ»). Если наши рассуждения верны, то нет сомнения и в том, что на языке «диска» слова, передающие «щит» и «голова с перьями», начинаются именно со слогов «у» и «ра» соответственно. Эти слова нам не известны: на современном лезгинском языке их нет. Поэтому пока условно принимаем такую версию: «щит» = «у», «голова с перьями» = «ра», предполагая, что на диске имеет место акрофонический принцип.

Здесь уместно отметить одно довольно интересное обстоятельство. Н.Н.Казанский [70] отмечает: «Любопытно чисто формальное совпадение вариантов знака №181 лувийского иероглифического письма, обозначающих «хлеб», со знаком №73 линейного письма Б и с письменностью Фестского диска (знак №12), понимавшимся до сих пор (по нашему мнению, ошибочно) как «щит». Совпадение знаков, отчетливо передающих самый предмет, говорит в пользу распространения единого типа хлеба в Эгеиде, Малой Азии и также в Италии». Знак №12 на Фестском диске, согласно нашей дешифровке, дает слог «у», что близко по произношению с лезгинским словом «фу», означающий «хлеб». Это дает основание предполагать, что буква «ф» на пелазгском языке или отсутствовала или же она произносилась более мягко, напр., как «хъ» или «гъ», а не как губно-зубной «Ф» современного лезгинского языка. Такое предположение согласуется с мнением одного из известных специалистов по лезгинскому языку Фаиза Куреви (Нагиева Ф.Р.), который утверждает: «этимология слова «фу» (хлеб) исходит из слова «хъу» (от глагола «хъун» - приготовленный, готовый, испеченный). Фонема «Ф» в лезгинский язык проникла позже под влиянием ирано-язычных племен»

[71]. Исходя из этого обстоятельства, предполагаем, что знак №12 на Фестском диске обозначает не «щит», а «хлеб».

Несомненный научный интерес для лингвистов, возможно, представляет следующее логическое умозаключение. «Хлеб» на табасаранском языке называется «уъл» и, с другой стороны, «уъл» по лезгински означает «глаз», тогда как «глаз» по-табасарански - «ул». Учитывая, что «хлеб» по-пелазгски - «у...», можно предполагать «объединение» лезгинских и табасаранских слов в пелазгском «праязыке» в виде «уъл» - глаз и «ул» - хлеб. Такое же «объединение» лезгинских и агульских слов в пелазгском языке наблюдается в других критских пикто-слоговых (по Эвансу, «иероглифических») надписях - критских печатях: по-лезгински - «сикI» (лиса) и «руьц» (уж), по-агульски «сул» (лиса) и «раш» (уж), а по-пелазгски - «сукI» - лиса и «рац» - уж. При помощи этих слов получается новое слово - «су-ра», т.е. «в могиле» (дешифровка «критских печатей» в настоящее время продолжается).

Учитывая, что на лезгинском языке пожелания, благодарности и др. с окончанием «-урай» обычно встречаются к концу текста, мы принимаем, вопреки мнениям предыдущих дешифровщиков, верхнюю часть рис. 3 как первую или лицевую (ее обозначаем буквой «А»), а нижнюю часть, где часто Повторяются знаки №№12 и 2 (рис. 4) - как вторую или обратную сторону диска (ее обозначаем буквой «Б»). Отдельные группы знаков (слова текста), выделенные друг от друга вертикальными черточками, пронумеровываем римскими цифрами От центра к краю диска (рис. 5).

На лицевой стороне (на «А») очень часто повторяется знак «шлем» (15 раз!). Первое слово на лицевой стороне, т.е. АI (рис. 5), состоит из двух знаков: «шлем» и «волна». Почти все урартские надписи /69/ начинаются с «Халди» - главного урартского Бога. Подобно такой практике, принимаем еще одно предположение: слово в поле АI есть «минойское» название Бога - «Аис», согласно /58/. Действительно буква «а» в лезгинском языке повторяется очень часто не только в составе отдельных слогов, но и в качестве отдельного слога.

Знак «волна» (№ 45, рис. 4) по Георгиеву дает слог «зо» /68/. На лезгинском языке «аси» (точнее в виде «гласи» - 'аси) означает «богохульствующий», но есть также устаревшее выражение «аси луклар» (рабы божьи) /72, с. 225/. Учитывая и особенность «минойского» слогового письма (т.е. Г+СГ), слово АI (рис. 5) принимаем как «Аси» (Бог). На лезгинском языке «син» означает «гребень, грань» («дагьдин син» - гребень горы). Имеет ли отношение это слово со

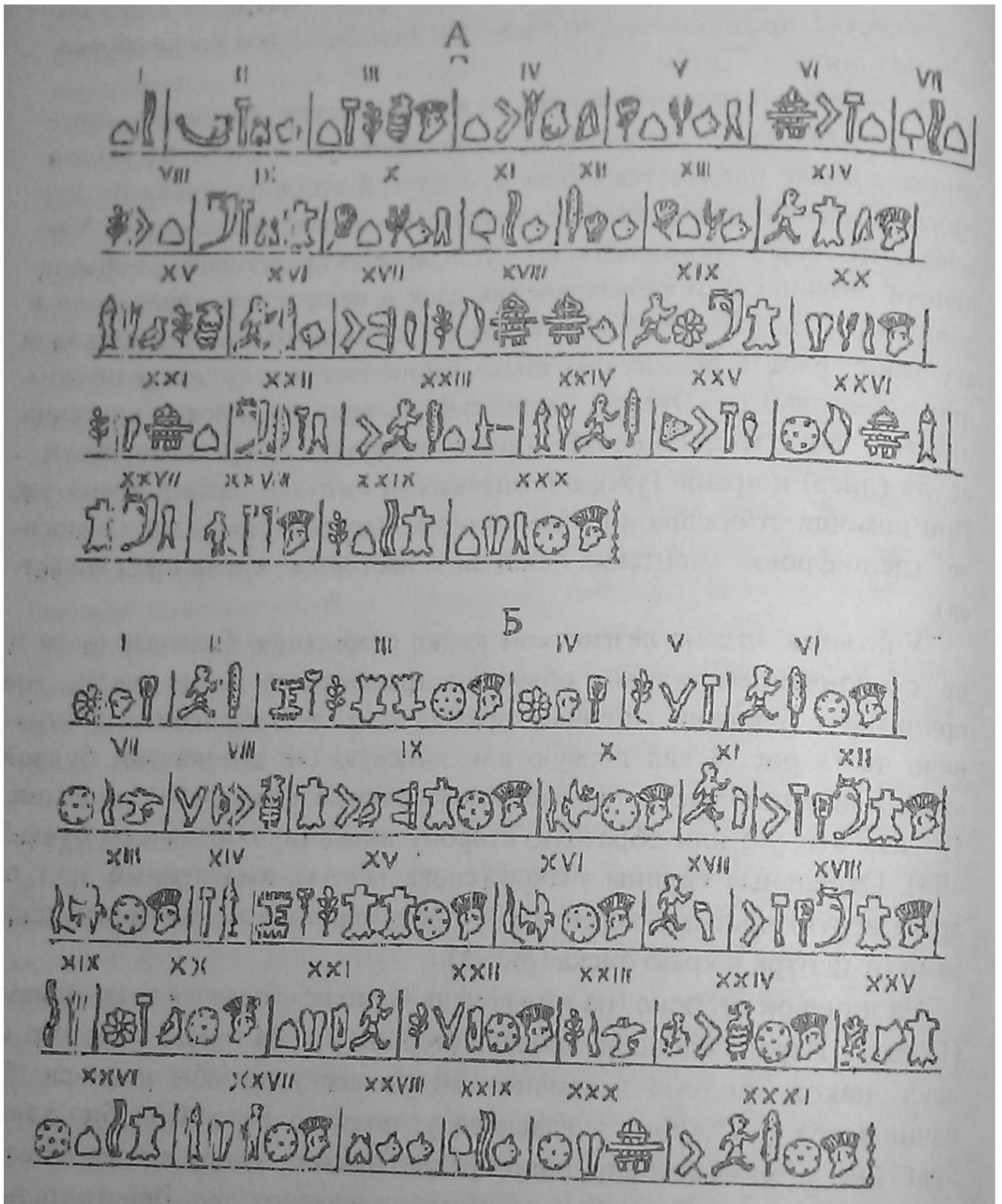

Рис.5. Текст надписи на Фетском диске.
 (А) Лицевая, (Б) обратная стороны.

словом «волна»? (употребляемое лезгинами слово «лепе», означающее «волна», естественно, не лезгинского происхождения). Может быть со словом «син» (или подобным ему другим словом - «си..») связано лезгинское слово «сирнав» - плавание.

К слову A1 имеет близкое отношение слово AVII (рис. 5), состоящее из знаков «шлем» + «волна» + «шлем», причем знак AVII,1 внизу имеет черточку, подобную «вираме» в индейское письмо (шип по Нойману или черта по Эвансу /56/). Такая черточка на диске встречается еще в 15 случаях и по всей видимости она не впечатана, а добавлена от руки: она стоит в разных позициях (сравните знаки AX,I и AXIII,I на рис. 5). В литературе существуют разные мнения о необходимости применения такой черточки: она является флексией или же отмечает синтаксические или метрические отрезки текста; несет функцию суффикса; это - знак, разделяющий предложения, или же обозначающий отсутствие гласного в соответствующем слоговом знаке; имеет морфологическое значение и т.д. /55, 56/. По В. Георгиеву [59] черточка дает отдельный слог. По-нашему мнению, эта черточка имеет следующую фонетическую значимость. С целью максимального снижения числа употребляемых рисунков в письме этим путем выражались разные слоги, но близкие по произношению. Например, если «шлем» без нижней черточки означает слог «а», то «шлем» с черточкой, по-видимому, означает или «о>» (в случае получения более «мягкого» слога) или же «г1а» ('а, в случае - более «жесткого, грубого» слога). Мы принимаем второй вариант, исходя из лезгинского «г1аси». Тогда слово AVII читается как «г1асиа». Последняя буква «а» (т.е. «шлем» без черточки) является окончанием или эргативного падежа «г1аси+а» или же показывает принадлежность, т.е. чей? - «г1аси+а(н)».

В слове AXI (рис. 5) к известным нам знакам (слогам «г1а» и «си») примыкает знак №29 (рис. 4, «львиная голова»). В современный лезгинский язык «лев» переводится как «аслан», «тигр» - как «пеленг». Естественно, эти слова не являются исконно лезгинскими: применение слога «ас» или «пе» вместо знака № 29 не дало удовлетворительных результатов. Строго говоря, изображение № 29 в большей степени похоже на рысью голову, нежели на львиную (В. Георгиев [59] его принимает - «собачья голова» с фонетическим значением - «су» от лувийского «сувана» - собака). «Рысь» в лезгинском языке переводится как «машах» или «вашах» (В настоящее время слово «вашах» в значении «рысь» употребляется и в азербайджанском языке. Однако такого слова нет в древнетюркском словаре /73/, что свидетельствует о заимствовании слова «вашах» турками-азербайджанцами из лезгинского языка).

Применение слогаита «ма» вместо знака № 29 не увенчалось успехом. Более всего подходит слог «ва»: «гласива». Если это слово принимать в качестве подлежащего в эргативной конструкции, то корнем слова получался «гласи», как и в случае AVII, что соответствует Богу «Аси».

Для лезгинского языка (также и кавказско-албанского /35/ и урартского /69/ языков) характерна назализация согласных букв «н», «к» и др. При назализации сам согласный звук ясно не слышится и вместе с предыдущим гласным звуком переходит в носовое произношение. Например, в предложении «Марата келна» (Марат читал) все звуки «а» в слове «Марата» произносятся одинаково, а в выражении «Марата(н) буба» (отец Марата) последняя «а(н)» - более открытая и «н» не слышится (назализируется). На «Гунибском камне» из кавказско-албанских письменных памятников /35/ приводятся специальные слова с назализованными согласными в конце, чтобы продемонстрировать эту особенность лезгинского (албанского) языка. Если такая же специфика языка имеет место и на Фестском диске, то слово AXI звучит «гласива(н)», «гласива(к)» и др.

Обратите внимание на слово BXXVIII, где после знака «пчела» (№34) два раза повторяется слог «ва»; последующее слово (BXXIX «гласива») идентично AXI. Нетрудно догадаться, что «пчела» соответствует слогу «ца», при котором получается: «цавава(й) гласива», т.е. «аси, который находится на небесах» («цав» по-лезгински означает «небо»). Однако «пчела» по-лезгински - «члиж», что в данном случае совершенно не подходит «ца». Уточнить название изображения № 34, которое начинается со слога «ца», нам не удалось. Условно можно принимать, что знак №34 не «пчела», а «бык», что по-лезгински означает «йац» (перевертыш этого слова дает слог «ца»).

Возьмем слово BXXVI, в котором из четырех слогов известны три («у-а-си...»). Знак XXVI, 4 (т.е. знак № 27) имеет название «шкура». Соответствующий ему слог в данном слове, вероятно, играет роль окончания. Знак «шкура» на надписи наблюдается довольно часто (15 раз) и в начале, и в середине, и, особенно, в конце слова. Обращает на себя внимание нахождение знака «шкура» перед знаком «голова с перьями» (BXII = B XVIII) и «шит» + «голова с перьями» (BIX, BIII = BXV). «Шкура» на лезгинском языке передается как «хам», «хъицикь», а «кожа» - «ли», «тумаж» /72/. В лезгинском языке есть еще слово «ттагъар» (или «тагъар») - мешок или мешочек, изготовленный из цельной кожи /72/. Зиттиг (по /56/) знаку «шкура» приписывает слог «та», согласно чему мы остановились на слове «ттагъар», что дает слог «тта», близкий по произношению к «да». Тогда слово BXXVI читается

как «Уаситта(й)», т.е. из Уаситта, а слово БIII = БХV - «... ттаттаура(й)», БIX - «... ттаура(й)», БXII = БХVIII - «... ттара(й)» и т.д.

Таким образом, для подбора правильных слогов, соответствующих отдельным изображениям, мы пользовались следующими соображениями:

а) принимаются известные в литературе обозначения знаков, если они согласуются с дешифруемым текстом;

б) первый слог лезгинского названия данного предмета (или животного) приравнивается искомому слогу, если этот предмет или животное полностью идентифицируется и, наконец,

в) неизвестный слог выявляется из частично дешифрованного слова, если все остальные слоги в нем и само слово в целом точно устанавливаются.

Употребление первого слога названия данного предмета для получения слога, изображаемого этим предметом, И.М. Дьяконов считает мало применяемым в истории письма (примечание к статье Г. Ноймана /56, с. 73/). При дешифровке Фестского диска Зиттиг (по /56/) применяет такой принцип акрофонии: «голова с перьями» - «а» от греческого «аркос» (вождь), «шкура» - «та» от греческого «тавьрос» (бык), «волна» - «у» от греческого «удор» (вода) и т.д. При дешифровке кавказско-албанской письменности было установлено /35/, что для указания звука, соответствующего данной букве в кавказско-албанском алфавите (Матенадаран, рук. № 7117), название буквы подобрано таким образом, что первая буква этого названия точно передает необходимый звук. Как известно, в лезгинском языке различают три фонемные звучания каждого из согласных звуков «к», «п», «т», «ч», «ц»: придыхательные (к, п, т, ч, ц), непридыхательные (кк, пп, тт, чч, цц) и взрывные или смычные (кI, пI, тI, чI, цI). В таких случаях без подбора соответствующих слов, содержащих в начале именно требуемый звук трудно передать каждому знаку характерное ему точное звучание. В алфавитных письмах это осуществляется сравнительно легко. В слоговых же письмах дело осложняется сильным увеличением числа слогов. Например, для выражения всех возможных слоговых вариантов, получаемых из 37 согласных (включая и «дж») и 5 гласных (а, е и, у, уь) букв лезгинского языка, теоретически требовалось бы 190 знаков только системы СГ, а если учесть возможность еще системы ГС, то число знаков достигает фантастических величин. Очевидно, на практике не все эти слоги встречаются и, с другой стороны, можно уменьшить число знаков, обозначая разные, но близкие по произношению, слоги одним и тем же знаком и различать их при

помощи нижней вертикальной черточки, как это и сделано на Фестском диске.

Продолжаем дешифровку. Слово АХХІХ отличается от БХХVІ только первым слогом: «щит» заменяется на «ветвь». По Г. Нойману /56/ знак «ветвь» дает слог «ни», а по В. Георгиеву /68/ - слог «пи». Тогда слово АХХІХ читается «ниаситта(й)» или «пиаситта(й)». Последнее слово напоминает г. Пилос (Пиаситтай, т.е. из г. Пилоса), но в словах БІІІ = БХV «...питтаттаура(й)» не дает определенного значения, несмотря на то, что первые два слога неизвестны. Есть в лезгинском языке слово «киттаттаурай» (пусть не трогает) в таком случае «ветвь» соответствует слогу «ки», может быть от слова «кипарис» или «ветвь кипариса». Г. Ипсен /55/ «кипарисом» называет знак № 13 (рис.4).

Знак №10 в словах БІ = БІV и БХІІ = БХVІІ по Г. Нойману соответствует слогу «ме» /56/, а знак № 3 (см. БІ,2 = БІV,2) - по В. Георгиеву /68/ - «ку». В. Георгиев связывает слог «ку» с «минойской» пиктограммой «голова», что близко к лезгинскому значению, но не точно: слог «ку» от слова «кук» («к1ук1») - «верхушка», а «голова» по лезгинскому «кьил». Так как знак № 3 не «верхушка», а именно «голова», мы «ку» заменяем «кьи». После долгих размышлений и сопоставок мы находим, что слова БІ и БІV читаются «ре-кьи-ми», т.е. «рекьими (р)» - «не умирай, не убивай».

Знак «бегущий человек» (№ 1) Девисом (по /56/) связывается с хеттским прилагательным «лиливант» (спешащий) и получает слоговое значение «ли», «ле», «ри», «ре». На современном лезгинском языке название бегущего (спешащего, кроме неудачного «зверзавайди») человека не сохранилось, но не исключено, что на каком-то малоисследованном его диалекте имеется лезгинское слово, соответствующее, например, слову «почтальон». На урартском языке /69/ профессия человека обозначается идеограммой «лу». Кроме того, на урартском языке «лулуэ» и на хурритском «лул (- аххе)» означает «чужестранец, метек» /74/, в /8, с. 384/ - «лулу» (ур.) - синоним врага - чужеземца. Исходя из этих соображений и, конечно, при помощи интуиции предлагаем следующее чтение слов БІ, БІІ и БІІІ «ре-кьи-ми лу-гьу за-ак-ки-тта-тта-у-ра», которое транскрибируется как «рекьими(р) лугьу(з) зак киттаттаура(й)», что переводится на русский язык -«пусть не трогает (здесь: не задевает) меня, сказав, не умирай».

При помощи обнаруженных таким образом слогов (БІ,1 - «ре», БІ,3 - «ми», БІІ,2 - «гьу», БІІІ,1 - «за», БІІІ, 2 - «ак») удастся частично возобновить названия соответствующих знаков - изображений. Знак № 38 называется «розетка». Может быть само это слово [но несколько

другой формы: «резетка», как его сейчас произносят лезгины) или же слова «резать», «резьба» («орнамент») перешли в русский язык из минойского через греческий.

На крито-микенских надписях /75-77/ имеется слово «ми-ра» (в /75/ - значение не известно, а в /76, 77/ слово «мира» переводится как «тис» или «яшень»). Это слово близко к английскому «mirror» (зеркало). Слово «мира» в смысле «зеркало» не сохранилось в современном лезгинском языке, но, исходя из формы знака №10 (рис. 4) предполагаем, что минойское слово «мира» означает «зеркало». Следует отметить, что в Египте обрабатывали серебро в третьем тысячелетии до н.э., а зеркало получается восстановлением из соединений серебра в виде тонкой пленки на стеклянные поверхности. Если добавить к этому то, что стекло известно человечеству ещё с глубокой древности и то, что микены (минойцы) имели достаточно цивилизованную и богатейшую культуру, то нетрудно полагать, что они пользовались зеркалами. Сохранились этрусские письмена на бронзовых зеркалах /78, с. 83/.

Знак. № 13, передающий слог «гью» (BII,2), выражает пока не поддающийся определению предмет. Предположительно, значение этого знака можно получить путем следующего логического умозаключения. В. Георгиев /68/ отмечает, что к концу 3 и начала 2 тысячелетия до н.э. в крито-микенском письме происходило исчезновение последнего согласного звука. Такое явление происходит не только при назализации звука, но и в других случаях. Возникает вопрос: не связано ли это с тем, что иногда данный слог передается соответствующим знаком в виде не двух, а трех букв - СГС, если эти начальные три буквы названия предмета входят в состав выражаемого слова письма. Например, в слове BI - «рекимир» третий слог «мир» целиком находится в самой названии предмета - «мира» (интересно отметить, что иногда в лезгинских диалектах употребляется слово «рекимира» с тем же значением, что и «рекимир»). Если такое предположение верное, то в следующем слоге - BII - «лугьуз» последний слог «гьуз» целиком выдается в названии предмета - «гьуз» или «гьус». Последнее слово можно идентифицировать с лезгинским словом «хус». Тогда знак № 13, по форме похожий на «кортик» (или «маленький кинжал»), имеет название «гьус» («хус»), исходя из соответствующего глагола «хусун» (воткнуть, вонзить; в /72/ приводится, на наш взгляд, неправильная, форма этого слова - «схун»).

Знак № 21, соответствующий слогу «за», изображает также нам неизвестный предмет: по всей вероятности он имеет форму гребня. На лезгинском языке «гребень» - это «регъ» или «жгъа» /72/. Остается

только предполагать, что последнее слово в древности, может быть, произносилось как «загья».

Следующий слог («ак» - БIII,2) связан со знаком № 37, который в литературе называется «лилия». Однако грубость его изображения (ср. на рис. 3) позволяет называть его «кол», лезгинское название которого звучит как «хак», а в древности произносилось, быть может, как «гьяк» (как и в случае «хус» - «гьус») или «ак».

Согласно современному лезгинскому языку слово БIII (рис. 5) читается как три слова «зак китад ттавурай», но они произносятся почти слитно, что на диске взято как одно слово. Это говорит о том, что у «минойцев» не был сформулирован специальный литературный язык, хотя они имели специфическое письмо и писали так же как говорили. То же самое наблюдалось при дешифровке кавказско-албанской письменности: на мингечаурских (Азербайджан) эпиграфических памятниках читается лезгинская разговорная речь на кабагинском диалекте.

Слово БIII повторяется ещё и в БXV, которому предшествует другое слово, состоящее из двух слогов - БXIV: первый слог получается от слова «колонна», а второй - от «рыба» /56/ или «дельфин» /55/. Имеется ввиду, что «колонна» - это высокий столб, служащий опорой в здании. «Колонна» на современный лезгинский язык переводится как «стун», «дестек», которые являются заимствованными словами из тюркского языка.

Слово «гьяча» на лезгинском языке означает «ризвилистая подпорка» или «подпорка». В этом смысле «столб», «колонна» можно выразить по-лезгински «гьяча», что дает слог «гья». Второй знак БXIV,2 - «рыба» по-лезгински звучит «гьед», «балугь» (тюркское слово). Однако вставка слова «гье» вместо знака «рыба» по всему тексту не дала удовлетворительных результатов. Маленькая рыба по-лезгински называется «клезри» /72/ или «кльузруь». Слог «гья» вместе со слогом «кле» (или «кла»; в таком случае «рыба» по-минойски означает «клазри») в слове БXIV звучит «гьяк1а», т.е. «нарочно», «зря», и со следующим словом: «гьк1а заккиттаттаура(й)», что переводится на русский язык «пусть нарочно меня не трогает (не задевает)».

Следует отметить, что более древний пиктографический знак «рыба» в дальнейшем соответствовал слоговому значению «ха» в шумерской клинописи (по [26, с. 54]).

Слово «рекьими(р)» - БI также повторяется в БIV, чему последует слово БV, где третий слог - «гья». Первый знак в этом слове имеет

косую черточку, следовательно, он является родственным знаку № 35, т.е. слогу «ки». Это может быть «ке», «куь», «кьи», «кье». Хотя «кь» и «кь» производные от «к», они в отличие от «к» дают гортанные звуки. Поэтому родственными с «ки» можно считать «ке» или «куь». Второй слог - BV,2 по В. Георгиеву /68/ дает слог «са». Знак № 19 Г. Ипсен /55/ называют «вилка». Палка с развилкой по-лезгински называется «чуьхвел», что соответствует слогу «чуь». Тогда слово BV читается как «куь - чуь - гьа (или «ке-чуь-гьа»), а слово BIV, BV и BVI - «ре-кьи-ми куь-чуь-гьа лу-гьу-у-ра», что дает предложение с лезгинской транскрипцией «рекими(р) Куьчуьгьа(з) лугьура(й)» и в переводе на русский язык - «пусть «не умирай» Кучуху говорит».

В слове BV - «Куьчуьгьа(з)» последний слог, по всей вероятности, передается в виде трех букв: «... гьаз», так как «з» в данном случае вряд ли назализируется. Однако название знака № 23 «гьача» (колонна) из чего был получен слог «гьа», согласно современному лезгинскому языку, не содержит буквы «з» (или «с»). Если версия о том, что слог может быть передан тремя буквами из самого названия предмета, верна, то можно допустить, что лезгинское слово «гьача» имело минойскую форму «гьаса».

Знак № 25 «корабль» соответствует слогу «»на** («нэ») /56,58/, исходя из греческого названия корабля (может оно связано с именем легендарного Ноя?). На латинском языке «корабль» - navigium /79/, что соответствует слогу «на». По-видимому, пелазгское название "корабль" было близким к «нэви». Лезгинский вариант названия корабля не сохранился. Второе слово лицевой стороны AI читается «нэ-гьа-ца-ва». В третьем слове AIII неизвестно значение знака «женщина» или «женщина с открытой грудью»: «а-гьа-ки-?-ра». Здесь «-ра(й)», как обычно, встречается в конце предложения и служит окончанием какого-то глагола - «...ра(й)», связанного с подлежащим «Аси» (AI): «Аси ... ра(й)». Если было бы «Аси ... ура(й)», то означало бы «Пусть Аси что-то сделает». Однако, очевидно, что знак №6 не соответствует слогу «у». Тогда без особого труда можно установить, что на надписи имеется связка: «Аси ... хьура(й)», т.е. «Аси пусть будет кем-то». В таком случае правильнее было бы название знака AIII, 4 (т.е. знак №6) не «женщина с открытой грудью», а «грудь женщины», что на лезгинском языке имеет название «хуру» (или «хьуру»). Мы получаем первое предложение лицевой стороны диска (AI, AII, AIII): «Аси нэгьацава агькихьура(й)». Очевидно, слова «нэгьацава» и «агьаки» имеют значения, связанные с духовным миром, религией, смысл которых приходится угадывать: «Пусть (Бог) Аси будет вечным на небесах».

Принимая знак №35 со слогом «ки», получаем слово AXXIX - «Киаситта(й)», т.е. из Киасса (из г. Кносса). В следующем слове AXXX

не известны два слога (АХХХ,2 и АХХХ,3). Знак АХХХ,3 (т.е. знак №22), так называемый «корень» или «двойная флейта» по В.Георгиеву соответствует слогу «ти», «ту» [68]. «Корень» на лезгинском языке передается «дувул» (или «ттувул»), что в качестве слогов «ду», «тту» (или же «ди», «тти») согласуется с мнением В.Георгиева. Тогда само слово АХХХ подсказывает неизвестный слог - «къе», с которым получаем слово АХХХ - «акъедура(й)» - «пусть уходит», а совместно с АХХIX - «Киаситта(й) акъедуурай» - «пусть уходит из Киаса». Предмет АХХХ,2 (т.е. знак №40) выглядит не иначе, как «бёдра», что на лезгинском языке звучит как «къекъер» и согласуется со слогом «къе». В [72] «къекъер» переводится как «внутренняя сторона ляжки».

Таким образом, постепенно выявляются не только корни отдельных слов на диске, но и сами слова с полной связкой между ними, на основании чего легко получаются предложения. Если самое первое наше предположение (в нашем примере - «щит» или «хлеб» - «у» и «голова с перьями» - «ра») правильное, то уточняя это предположение в дальнейшем и принимая новые предположения с последующими их уточнениями и т.д., мы свободно двигаемся по всему тексту. выявляя одно за другим неизвестные слова при помощи известных (или частично известных) слогов и, наоборот, уточняя неизвестные слоги в уже дешифрованных словах. Здесь играет роль и априорная информация, и интуитивное решение, и метод «проб и ошибок» с использованием строгого логического мышления. Трудности возникают лишь тогда, когда в неизвестном слове не хватает неизвестного слога.

При дешифровке письма по предлагаемому нами методу сначала получают общие контуры (характерные черты) дешифруемого текста, так как работа идет по всему тексту, а потом постепенно происходит «детализация» содержания. Такая работа напоминает работу художника, который начинает свою работу с подбора эскизов и продолжает её, постепенно выявляя все более четкие и точные изображения. В завершенной картине художника нет ни одной даже мелкой детали, не связанной с общей постановкой картины. Законченный, дешифрованный текст также должен иметь лаконичную и недвусмысленную внутреннюю согласованность: каждый знак соответствует неизменному по всему тексту конкретному слогу, каждая необычная, но характерная только для данного письма, деталь находит свое объяснение, сохраняя стиль древнего языка и т.д. Например, обратите внимание на третье слово лицевой стороны (рис. 3, верхняя часть, третье слово с центра), т.е. AIII - «агъакихъура(й)». Четко видно, что последний слог - «ра» («голова с перьями») добавлена позже пока глина была ещё влажной: в первоначальном варианте слово AIII, очевидно, имело более короткую форму: «агъакихъу(й)». На лезгинском

языке утвердительную часть этого слова можно выразить в двух формах: «хьуй» и «хьурай», которые близки по своим значениям совершенной и несовершенной формам глагола русского языка. «Агьаки хьуй» имеет более конкретное значение, т.е. в данный или ближайший период, а «агьаки хьурай» имеет более общее значение, т.е. всегда, везде, вообще. С другой стороны, на лезгинском языке «хьуй» можно понимать как утвердительную форму «пусть будет», а «хьурай» - желательную форму.

По мнению социалистов, такие поправки на диске осуществлены еще в трех местах: БХХII, БХХIV и БХХVII, причем во всех этих случаях были добавлены «щит» и «голова с перьями» /56, с. 79/. Чтобы выявить причины этих исправлений, сначала необходимо дешифровать эти слова. Если сравнить структуры слов БХХIV и БVIII, то увидим, что слово БVIII заканчивается на «... хьу(й)», а слово БХХIV - «.. хьура(й)». В обоих случаях знаку «женщина с открытой грудью» (слог «хьу») предшествует знак «угол» (№ 18). Мы не нашли в лезгинском языке слова, этимологически подходящего, слову «угол»-слова «пипI» (угол) и «муртI» (угол комнаты) не дали удовлетворительных результатов. В последних четырех словах обратной стороны диска (БХХVIII, БХХIX, БХХХ, БХХХI) неизвестные слоги выражаются знаками «дом» (БХХХ,3) и «угол с косой черточкой» (БХХХI,1).

Знак «дом» (№ 24) по В. Георгиеву /68/ дает слог «ме», исходя из хеттского слова «мегарон» (большой дом, дворец: точнее, мегарон - это сердце дворца, его самый обширный прямоугольный зал /8; 80, с. 323/. Оставшийся неизвестным слог БХХХI,1, т.е. «угол» с черточкой, можно выявить, исходя из смысла предложения: «ца-ва-ва гла-си-ва укье-ме це-лу-гьу-у-ра» и по лезгинской транскрипции - «цавава(й) гласива(з) укьеме це лугьура(й)», что переводится на русский язык: «пусть просит помощи (?) у Бога (букв.: у Аси, который находится на небесах)». Если «угол» с черточкой соответствует слогу «це>», то «угол» без черточки, условно принимаем как «це». Поставка этого слога в других местах текста (вместо знака «угол») показала правильность нашего выбора.

Слово БХХI содержит неизвестный третий слог (знак №41). Опуская подробности наших поисков, можно считать достаточным выявление неизвестного слога, если остальные слоги и слово в целом известны: БХХII - «а - кье - гьуь - лу», т.е. море Аге (Эгейское море!). Тогда читается и следующее слово: БХХII - «ки - чуй - гьуь - у- ра» или же «ки(н) чуйгьуьра(й)» - смывает гнев (обратите внимание, не «чуйхуьрай», как на лезгинском языке, а «чуйгьуьрай», как в. случаях «хус» - «гьус», «хак» - «гьак», «хуру» - «хьуру»). Предложение в целом: «Акье гьуьлуь ки(н) чуйгьуьра(й)», т.е. «пусть Эгейское море смывает

(твой или его) гнев». До исправления слова БХХII (т.е. без двух конечных слогов), предложение читается: «Акье гьульуь ки(н) чуйгуь(й)», т.е. предполагается, что действие должно осуществиться раз, в конкретном случае, а после исправления - «чуйгуьура(й)» означает, чтоб данное действие происходило неоднократно и непременно.

Слово «кин» (гнев, злоба) употребляется и турками-азербайджанцами. В древнетюркском словаре «кин» имеет пять значений /73, с. 307/, но ни одно из них не соответствует словам «гнев», «злоба», на основании чего можно утверждать, что слово «кин» в смысле «гнев, злоба» - лезгинского происхождения. Это естественно, так как этноним турки «появляется лишь в I тыс. н.э. - сначала в Центральной и Средней Азии и лишь к середине средних веков - на Ближнем Востоке» [80, с. 178].

Как в случае АIII, где «хьу(й)» после исправления заменено на «хьура(й)», так же и в слове БХХIV окончание «хьу(й)» исправлено на «хьура(й)». Очевидно, осуществить такое исправление в слове БVIII уже было невозможно для этого, как видим, явно не хватает места. В слове БХХVIII, по-нашему, дополнительно вставлено не два знака («щит» и «голова с перьями»), как это указано в /56/, а один - «щит» (или «хлеб»). Очевидно, «..ра» было на диске до исправления, а после вставки перед этим знаком слога «у» оно стало «...ура(й)», что имеет значение диалектного различия.

Следует еще заметить, что идентичная картина наблюдается и в словах АХХIV и БVI, т.е. «...лугьу(и)» и «лугьура(й)». Однако в конце слова АХХIV заменить «...лугьу(й)» нет необходимости потому, что, как мы увидим дальше из полного текста, слово АХХIV связано с предшествующим словом АХХIII стилистически.

Слова БХI-БХII и БХVIIIУИ-БХVIII повторяются. Все слоги второго слова т.е. БХII или БХVIII нам известны: «цле-гья-ми-нэ-тта-ра» или же: «цлегья(з) минэттара(й)» - «пусть умоляет Козе» (здесь, очевидно, имеется в виду Бог-Коза, см. § IV.3). Предшествующее же слово - БХI (или БХVII) состоит из слогов, первый из которых нам известен - «лу» («бегущий человек»), но здесь этот знак имеет косую черточку внизу. Если его принять за «ла», то можно было бы получить «лацу цлегья(з)», т.е. «белой Козе». Однако второй слог соответствует знаку №28 - «копыта», который на лезгинском языке - «к1ур», соответствует не слогу «цу» (в случае «лацу»), а слогу «к1у». Тогда мы должны принимать «лак1у цлегья(з)», т.е. «пятнистой Козе». Итак, очевидно, богом считалась не любая Коза, а именно пятнистая.

Повторение по два раза слов BIII а BXV («зак киттаттаурай» - пусть не задевает меня), а также BXI - BX и BXVII-BXVIII («лаклу цегъазсз минэттарай» - пусть умоляет Пятнистой Козе) усиливает требование автора письма, дает письму более острый, может быть, и гневный характер.

Таким образом, можно было бы продолжить логическую последовательность поиска названия остальных знаков (изображений) и соответствующих им отдельных слогов. Мы ограничимся здесь указанием некоторых особенностей такого поиска. В некоторых случаях названия и предмета, и соответствующего ему слога точно устанавливаются, но получаемое слово остается не совсем понятным, хотя названия входящих в это слово знаков имеют лезгинское происхождение. Например, знак №26 называется «рог» и лезгинское название «карч» дает слог «ка»; знак №31, называемый «сокол», есть лезгинское «ккард» (сокол), который дает слог «кка», тогда как получаемые с участием этих слогов BVII («уакка») и BXXIII («киакка») имеют непонятные современному лезгину смысловые значения. Очевидно, они архаичны и в лезгинском языке не сохранились. В крито-микенском линейном письме встречается /75/ слово «о-ку-ка» (значение непонятно), близкое к «уаккар».

В других случаях получаемый при помощи известного слова новый слог позволяет уточнить Название соответствующего знака, а иногда, наоборот, слог понятен, а название изображения не определяется. Например, первый слог слова BXIX получается от лезгинского слова «чумарук» (или «чумарук») - лук. Тогда неизвестные слоги BXIX,2 и BXX,3 находим при помощи слов «чу-ни ре-гъа-ту-у-ра» (и нас пусть успокоит), т.е. слог BXIX,2 - «ни», а название соответствующего предмета (знак № 39) по-лезгински неизвестно. Другой пример, слог «ца» (AIV,5) известен, а название соответствующего предмета (знак №9) неизвестно. Наоборот, слог BXX,3 - «ту» уточняет название птицы (знак №32): она не «къвед» (куропатка) и не «лиф» (голубь), а «туртур» (перепел, перепёлка). Оказывается, перепел служил у финикийцев обычным жертвенным приношением /81, с.79/, Другой пример, слог «ви» (или «ву»), т.е. AXII,2, уточняет название предмета №14 (рис. 4) - «вук» или «вик» - ярмо.

Иногда определить ни слога, ни соответствующего предмета не представляется возможным (напр., знак №44, а также соответствующий ему слог и, следовательно, слово BXXV неизвестны). Знак №43 - «треугольник» вернее «треугольник с точками», согласно хеттским идеографическим знакам, означает «город» /I, с. 121/. «Город» по одному из хурритских диалектов звучит как «Кур» /82, с. 18/ (несомненно хурриты имели города-государства /80, с. 174/), а на

урартском языке «Кур» - это «страна» /69/. Исходя из такой версии, «треугольник с точками» дает слог «ку» и, следовательно, такой же треугольник с черточкой внизу соответствует «кью», «кьюь», «кью», «кьюь» и тд. Из этих слогов условно выбираем второй - «кьюь», при помощи которого получаем слово АХХV - «кьюьцегьар», т.е. «старики, старейшины» (очевидно, члены совета старейшин).

Несколько слов о знаках №5, 16 и 20. Изображение №5 «мальчик» встречается только на одном месте и там оно соответствует слогу «га», что также подходит к лезгинскому «гада» (мальчик; не подходит слово «бицлек» - малыш): «...данэди(з) гаакра(й)» - пусть убегает в данэ (т.е. в свою проклятую страну или родину). Как будто все сходится, но только непонятно, почему для слога «га» приводится отдельный знак («мальчик»), тогда как этот слог можно было бы получить от «ге» с добавлением внизу черточки. С другой стороны, знак №5 на диске имеет нижнюю черточку (АХХVIII, I), значит, основное название этого знака не «гада» (как в современном лезгинском языке), а, может быть, звучит в несколько другой видоизмененной форме, напр., «гида», «гиде», «где». Подтверждение этой версии невозможно, так как этот знак в тексте не повторяется.

Изображение №20 (название отсутствует в /55,56/, очевидно, «кувшин») похоже на один из микенских сосудов /45, с.219/ «ге-ра-на» (большой кувшин), что созвучно с лезгинским названием «ге-чин» (кувшин).

Знак №16 «отвес» /55/ определяется исходя из слов АХVII и АХХV. Слова AVI и АХХV, вероятно, похожи по произношению: без последнего слога они соответственно дают - «ме-це-гья-...» и «кьюь-це-гья-...». Слова АХХV-АХХVIII составляют одно предложение, где АХХV является подлежащим в именительном падеже. Если учесть, что оба слова AVI «ме-це-гья-(есть)» и АХХV «кьюь-це-гья-?» не имеют падежных окончаний (согласно смыслу предложения), то последний слог в АХХV, т.е. знак №16 является окончанием множественного числа, а именно «..ар» («кьюь-це-гья-ар» - старики, старейшины). Тогда и слово АХVII находится также во множественном числе - «це ву(н)-ар» или «це-ви(н)-ар» - угли (на лезгинском языке «цивинар»). По-видимому, в данном случае уголь требуется как топливо для металлургических процессов (см. дальше).

Обратите внимание, к словам «цевун+ар» и «кьюьцегья+ар» добавлен специальный знак, чтобы получить окончание множественного числа - «-ар», тогда как в словах «уаккар» (BVII) и «киаккар» (BXXIII) этого не требовалось. Возможно, это связано с тем, что в последних словах конечный слог (-ккар) находится в самом

названии изображения: «ккард» - сокол. Это еще раз подтверждает вывод о том, что в мнойских (пелазгинских) надписях при необходимости (или возможности) использован первый слог названия данного изображения, иногда включая и третью букву. В слове АХХIII - «целугуанач» последний слог получается от названия предмета №15 «начах» (топор; на лезгинском языке - «начъах», а в /72/ - «нажах»). Следует отметить, что такой принцип словообразования на Фестском диске не всегда оправдывается. Например, слово АIX читается «негъацада(л)», а соответствующий последнему слогу знак имеет название «ттагъар», слово АХII читается «гъубева(л)» и слово БХХIХ - «Гасива (з)», тогда как название изображения, соответствующему последнему слогу в этих словах, - «вашах».

Таким образом, знаки, приведенные на рис. 4, согласно нашей дешифровке, имеют следующие названия с соответствующими первоначальными слогами (звездочкой указаны знаки с нижней черточкой).

1 - «лу», «луъ» («лулу» - враг, иностранец, - хурр., ур.). 1* - «ла»; 2 - «ра» (?); 3 - «кьи» («кьил» - голова, -лезг.); 4 - «ци» («цир», минойск., «есир» - пленный, -лезг.); 5* - «га» («гада» - мальчик, - лезг.); 6 - «хьу» («хьуру» или «хуру» - грудь, -лезг.); 7 - «а» (?), 7* - «гла»; 8 - «бе» («бегъле» - перчатка, - лезг.), 8* - «ба»; 9 - «цла» (?); 10 - «ми» («мира» ?, - зеркало (?) минойск.); 11 - «чу» («чумарук», «члумарук» - лук, -лезг.); 12 - «у» («хьу», «гьу» - пелазг., «фу» - хлеб, лезг.); 13 - «гьу» («гьус»? - кортик?); 14 - «ву», «ви» («вук», минойск., «вик» - ярмо, -лезг.); 15 - «на» («начах» - топор, - лезг.); 16 - «ар» (?); 17 - «ма» («мадвар» - приспособление не дающее запутаться канату, -лезг.); 18 - «це» (?), 18* - «це»; 19 - «чуй» («чуйхвел» - развилистая палка, -лезг.); 20 - «ге» («гечин» - большой кувшин, -лезг.); 21 - «за» («загъа»? - минойск., «жгъа» - гребень, -лезг.); 22 - «ди», «ду», «тту» («дувул», «ттувул» - корень, -лезг.); 23 - «гъа» («гъача» - колонна, подпорка, -лезг.); 24 - «ме» («мегарон» - дворец, -хатт.); 25-«нэ» (?); 26 - «ка» («карч» - рог, - лезг.), 26* - «къа»; 27 - «тта», «да» («ттагъар» - мешок из цельной кожи, -лезг.); 28 - «клу» («клур» - копыто, -лезг.); 29 - «ва» («вашах»; минойск., «машах» - рысь, -лезг.); 30 - «са» (?); 31 - «кка» («ккард» - сокол, -лезг.); 32 - «ту» («туртур» - перепел, -лезг.); 33 - «кла» («клязри», -минойск., «клезри» - рыба, -лезг.); 34 - «ца» (?); 35 - «ки» («кипарис» - кипарис, - пелазг.); 36 - «гьи» (?); 37 - «ак» («гъак», «ак», - минойск., «хак» - кол, - лезг.); 38 - «ре» (?); 39 - «ни» (?); 40 - «къе» («къекъер» - бёдра, -лезг.); 41 - «гьуй» (?); 42 - ? (?); 43* - «кьуй» (от «Кур» - город, -хурр.); 44 - ? (?); 45 - «си» («син»? - волна, от «сирнав» - плавание, -лезг.).

Следовательно, текст на Фестском диске имеет следующую транскрипцию.

сторона А

I	II	III	IV
А-си	нэ-гъа-ца-ва	а-гъа-ки-хъу-ра(й)	а-цле-ни-са(н)-цла(л)

V	VI	VII	VIII
ба-а-гъи(з)-ва-ди	ме-цле-гъа-а	гла-си-а(н)	ки-цле-а

IX	X	XI	XII
нэ-гъа-ца-да(л)	ба-а-гъи(з)-ва-ди	гла-си-а(н)	гъу-бе-ва(л)

XIII	XIV	XV	XVI
ба-а-гъи(з)-ва(й)	Лу-тта-цла-ра(н)	кла-ни-ту-ки-хъу(й)	Лу-кла-ва

XVII	XVIII	XIX	XX
цле-ву(н)-ар	Ки-ге-ме-ме-ва(й)	Лу-ре-нэ-да(й)	къе-гъи-ка-ра(й)

XXI	XXII	XXIII	XXIV
Ки-къе-ме-а	Нэ-..-ак-ди(з)	цле-лу-гъу-а-на(ч)	кла-ни-лу-гъу(й)

XXV	XXVI	XXVII	XXVIII
къуь-цле-гъа-ар	у-ге-ме-кла(н)	да-нэ-ди(з)	га-гъа-ак-ра(й)

XXIX	XXX
ки-а-си-тта(й)	а-къе-ди-у-ра(й)

сторона Б

I	II	III	IV
ре-кьи-ми(р)	лу-гьу(з)	за-ак-ки-тта-тта-у-ра(й)	ре-кьи-ми(р)

V	VI	VII	VIII
Куь-чуй-гьа(з)	лу-гьу-у-ра(й)	у-ка-кка(р)	чуй-ма-це-хьу(й)

IX	X	XI
тта-це-ту-ву(н)-тта-у-ра(й)	кьа-кка-у-ра(й)	ла-кly

XII	XIII	XIV
це-гьа(з)-ми-нэ-тта-ра(й)	кьа-кка-у-ра(й)	гьа-кла

XV	XVI	XVII
за-ак-ки-тта-тта-у-ра(й)	кьа-кка-у-ра(й)	ла-кly

XVIII	XIX	XX
це-гьа(з)-ми-нэ-тта-ра(й)	чу-ни	ре-гьа-ту-у-ра(й)

XXI	XXII	XXIII
А-кье-гьуй-луй	ки(н)-чуй-гьуй-у-ра(й)	ки-ка-как(р)

XXIV	XXV	XXVI	XXVII
(ма)-це-хьу-у-за(й)	Ба-...тта	у-а-си-тта(н)	кла-кье-ци-у-ра(й)

XXVIII	XXIX	XXX	XXXI
ца-ва-ва(й)	гла-си-ва(з)	у-кье-ме	це-лу-гьу-у-ра(й)

Русский перевод.

А. (I-III) Пусть Аси будет вечным (?) на небесах. (IV-VI) Кто подозревает огню Ацениса, тот - мецеха (слабоумный, дурак). (VII-X) Кто подозревает (силе) небес, тот - собака (?) (бога) Аси. (XI-XV) Лутацар, который подозревает мощи (бога) Аси, пусть будет разбит в пух и прах. (XVI-XX) Пусть Лукав привозит углей из Луренея, где находится Кигемем. (XXI-XXIV) Кигемеме не смог сказать Нэ...ку «пошел, вон», пусть проявляет любовь. (XXV-XXVIII) Старейшины пусть убираются в проклятую родину Угемека. (XXIX-XXX) Пусть уходят из Киаса.

Б. (I-III) Пусть не задевает меня, сказав «не умирай». (IV-VI) «Не умирай» пусть скажет Кучуху. (VII-VIII) Укаки (?) пускай будут вашим подарком. (IX) Пусть не оставляет (не задерживает) дань. (X) Пусть доставляет. (XI-XII) Пусть умоляет Пятнистой Козе. (XIII) Пусть доставляет. (XIV-XV) Пусть напрасно меня не задевает. (XVI) Пусть доставляет. (XVII-XVIII) Пусть умоляет Пятнистой Козе. (XIX-XX) Пусть и нас оставляет в спокойствии. (XXI-XXII) Пусть Эгейское море смывает (его) гнев. (XXIII-XXIV) Кикаки (?) пусть будут вашим подарком. (XXV-XXVII) Пусть Ба...т удостоится любви Уасита. (XXVIII-XXXI) Пусть просит помощи у Асия, который находится на небесах.

IV.3. Историко-мифологические аспекты дешифрованного текста

Исходя из содержания текста, предполагаем, что диск - это письмо, отправленное с требованием ускорить выплату затянувшейся дани. В тексте непосредственно не указаны ни автор письма и ни адресат, но очевидно, что текст обращен к третьему лицу: «пусть сделает то-то...».

Письмо начинается с упоминания о величии бога - «Аси негъацава агъаки хъурай» - пусть бог Аси будет вечным на небесах. Перевод условный: точно не определены значения слов «негъацава» и «агъаки». Название бога - Аси соответствует минойскому и этрусскому главному богу - Аис /68/. Бог «Аис» созвучен с египетским богом плодородия - «Апис», считавшегося «ба» (душой) бога Мемфиса Птаха и бога солнца Ра /8/, так и с кавказско-албанским богом «Албес» /35/.

Как было указано выше, в лезгинской речи «аси» употреблялось (правда, очень редко) как устаревшее «бог» («аси луклар» - рабы божьи /72/) и по сей день употребляется (в виде «г1аси») как «богохульник, богоотступник». Такое противоречие, наверное, объясняется тем, что лезгины даже после завоевания Кавказской Албании арабами (VIII-IX вв н.э.) упортебляли слово «Аси» (или «г1аси»), как Бог. Арабы запретили албанам (лезгинам) произносить это имя, такие считались богохульниками, и заставили их принять ислам и подчиниться Аллаху (исламскому Богу). Вот почему слово, означающее «бог», превратилось в психологии лезгин как «богоотступник», точнее «аллахоотступник».

Второе предложение - «Кто подозревает (не верит) огню Ацениса, тот - дурак». По-видимому Аценис не кто иной как Осирис - египетский бог загробного царства и судья в загробном мире /8,83/. В /84/ указывается, что почти нет ни одного религиозного текста, где бы не упоминалось имя Осириса. Аценис - это или видоизмененная форма названия Осирис (Осирис - Асерис - Аценис), или имя такого же загробного бога, но на «минойском» (пелазгинском) языке.

Может быть, Аценис отождествлен с Адонисом /7, с.62; 83 с.11/. В некоторых греческих сказаниях, разгневавшийся отец убивает своего сына (прекрасного лучезарного молодого бога Адониса, чтобы снова воскреснуть. В сказаниях говорится о пребывании Адониса некоторого времени под землей и о возвращении его к свету. По одной системе обрядов Адонис умирает осенью, чтобы воскреснуть весной, в другой же - молодое весеннее солнце, оплодотворяющее мать свою - природу, или землю, убивается жестоким палящим отцом своим - летним солнцем, чтобы воскреснуть снова осенью... Но в /7/ отмечается, что культ Адониса вошел в Грецию относительно поздно, не ранее VI в. до н.э.

В шумерской мифологии Асаллухи - божество покровитель г. Куары, заступник человека при заклинаниях, колдовстве и врачевании, изгоняющий злых демонов. В самой древней датированной клинописной хеттской надписи упоминается царь Анитас (около XVIII в. до н.э.) /85/. Допускаем, что имя «Аценис» не связано ни с «Асаллухи», ни с «Анитас». Так как в тексте автор письма напоминает адресату об огне Ацениса (загробного бога), нет сомнения в том, что он предлагает ему не грешить, в противном случае душа его будет сожжена в огнях ада.

Четвертое предложение - «Луцацар, который не верит мощи Аси пусть будет разбит в пух и прах». Кто такой Луцацар? В историческом словаре /86/ упоминается Лот - сын Арана, внук Фарии, который со своим дядей Авраамом вышел из Ура и удалился в землю Ханаанскую примерно в 1920 г. до н.э..... «Лот опять начал жить в Содоме до тех пор, пока беззакония сего города не умножились до такой степени, что Бог решил истребить его вместе с двумя соседними городами».. В /8, 9/ упоминается Мот (Муту) - Угаритский (ханаанский) бог смерти. Будучи одним из первоначальных земных богов, Мот появляется как воплощение бесплодия и засухи в цикле угаритских (хурритских) мифов о боге бури Ваале /9/; в /8/ - главный противник Балу. В угаритских мифах Мот - божество огромного роста, он пожирает все живое, раскрывая пасть от земли до неба, его язык достигает звезд. Борьба между злом (Мот) и добром (Балу) затянулась, так как окончательно победить смерть не представлялось возможным.

По смыслу предложения на Фестском диске Луцацар - это есть и Лот (или Мот). На лезгинском языке, чтобы выразить свою ненависть или неприязнь, к имени человека добавляется суффикс - ацI (-ецI). Следовательно, ЛуцацI - это и есть пренебрежительная форма от Лут, к которому в тексте проявляется крайне негативное отношение.

Пятое предложение - «Пусть Луклав привозит углей из Лурения, где находится Кигемем». Очевидно, здесь автор письма от религиозных упоминаний переходит к конкретным указаниям. Исходя из такого предположения имена Луклав и Кигемем, а также и Луреней (какая-то местность) следует искать не в мифах, а в реальной истории.

Кирена - город Понтаполиса в III в. до н.э. /87, с. 65/. Пирей - крупнейший порт Греции. Первые поселения на месте Пирея появились в глубокой древности. В 86 г. до н.э. Пирей был разрушен СуллоЙ и утратил свое значение /8/. Лерне - древнейший город в Арголиде /7/ (Греция). Развалины Лерне находятся близ населенного пункта Мили в 10 км к югу от Аргоса /8/. Арголида - северо-восточная область древнего Пелопоннеса (рис. 1) с гг Аргос, Микены, Тиринф, Эпидавр и др. (рис. 6). После дорийского завоевания 12 в. до н.э. Арголида распалась на ряд соперничающих городов-государств. По-видимому,

название местности «Луреней» (Лурен, Лурене, Лурне) на Фестском диске связано с городом Лерне. На картах после дорийского завоевания Средней и Южной Греции (с 1200 г. до н.э.) этого города нет.

Согласно Гомеру (по /5, 8/) царь г. Микен Агамемнон возглавлял общегреческий поход на Трои (около 1260 г. до н.э.). После разрушения Трои Агамемнон вернулся в Аргос, следовательно, был в Микенах и в Аргосе. Была ли его резиденция в Лерне, нам неизвестно. С другой стороны Микены достигают наивысшего расцвета в XVI-XIV вв до н. э., когда они, подчинив своему владению весь Пелопоннес, овладели Кноссом на Крите, вступили в сношения с Египтом, Хеттской державой, Кипром, Сирией. По всей видимости имя Кигемем на Фестском диске не соответствует царю Агамемнон. Агамемнон - сын Атрея от Эропы /86/, чьи имена также не подходят. Таким образом, установить связь имен Луклав и Кигимем с древними историческими личностями, к сожалению, не удалось. Слово «гегемон» в Греции употреблялось к людям, наделенным определенной властью /8/.

В следующих предложениях выяснить происхождение имен «Кигеме», «Нэ...ак» и «Угемек» нам также не удалось. В последнем предложении лицевой стороны - «Пусть уходят из Киаса», по всей вероятности, «Киас» идентифицируется с г. Кноссом.

Второе предложение обратной стороны диска - «Не умирай» пусть Кучуху говорит». Ими «Кучух» согласуется с «Кужух» - богом Луны в хурритской мифологии. Обычно он изображается с полумесяцем на головном уборе; является гарантом клятвы (его эпитет - «господин клятвы» /8; 83, с. 196/). Почему здесь автором письма упоминается «гарант клятвы», проясняется из последующих предложений на Фестском диске».

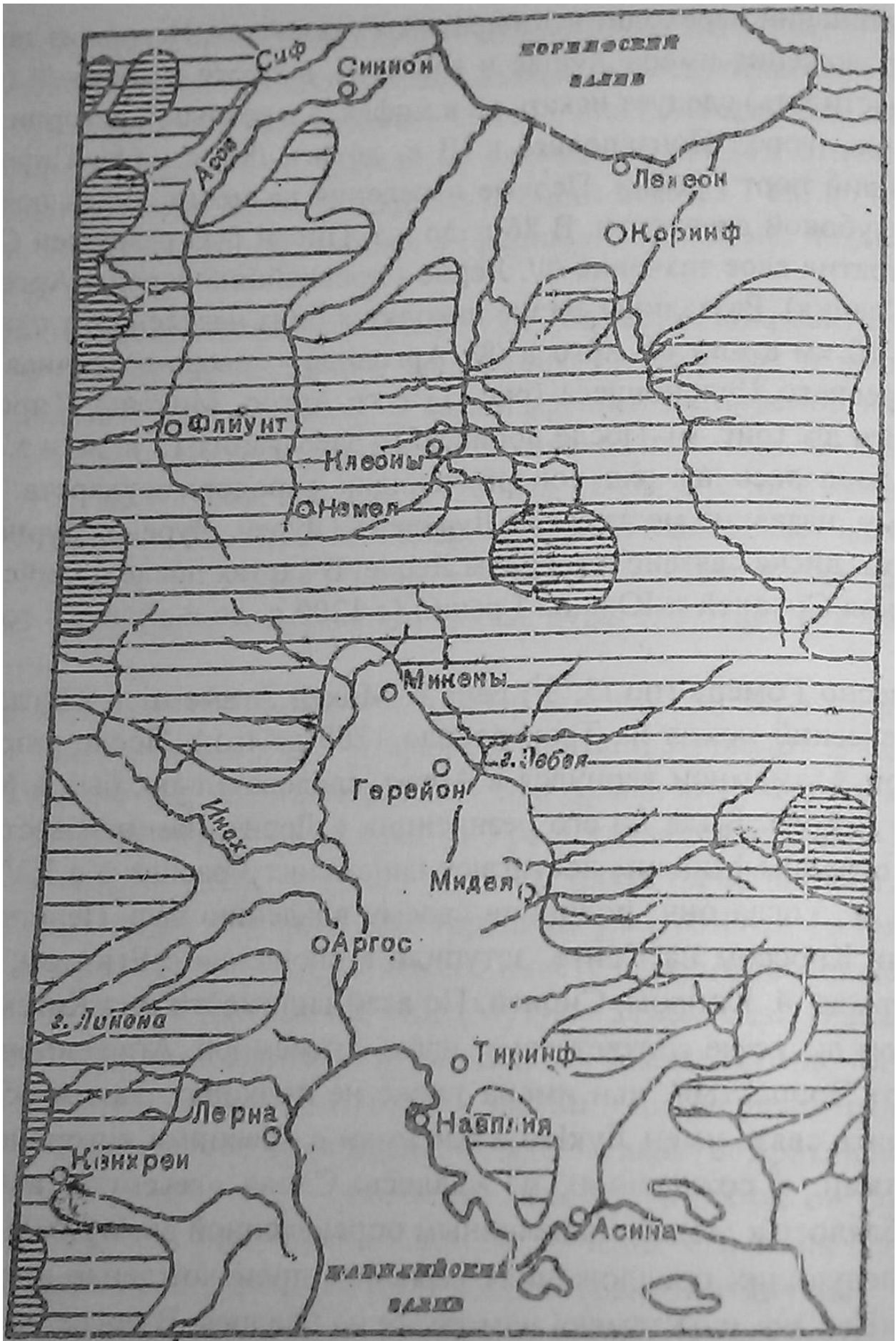

Рис.6. Аргосская равнина /88/.

Следующие третье и четвертое предложения обратной стороны диска - «Укаки (?) пусть будут вашим «маце» (подарком)» и «Пусть не оставляет (не задерживает) «таце» (дань)», по нашему мнению, выражают основное требование автора диска-письма. Слова «маце» и «таце» известны из урартских и хурритских языков /66,69/ (в дешифровке В. Георгиева [59] также имеется слово «дань» - «пасу» полувиийски, но оно находится совсем на другом месте текста). На одном из подсвечников мингечаурских находок остались только последние две буквы («-це», «-ци») поврежденного албанского слова, которое, исходя из смысла предложения, нами было переведено как «подарок» /35/. Неоднократные повторения - «Пусть доставляет», «меня напрасно не задевает (не выводит из себя)», «пусть умоляет Пятнистой Козе» показывают серьезную нетерпимость автора и в какой-то степени гневный характер письма.

Но почему адресат должен умолять Козе? Согласно древнегреческим мифам, именно на Крите, спрятанный своей матерью Реей от жестокости коварного Крона Зевс был вскормлен молоком добродетельной козы Амалфеи /89, с. 18/. В лезгинской же мифологии «Цегь» (Коза) - защитник смелых, храбрых людей. У лезгин существует обычай, по которому в жертву приносят любое животное, кроме козла. В народе говорят: козлы - животные с холодными губами, боги не примут такую жертву. Овцы, наоборот, теплогубые и в жертву рекомендуется приносить их. Следовательно, козел (коза) считается животным священным. Отсюда и название божества смелости - Цегь /90, с. 35/. В хурритских текстах, посвященных различным ритуалам, имеются указания, запрещающие козу или козла в жертвоприношение /91/.

Предпоследнее предложение текста - «Пусть Ба...т удостоится любви Уасита». Имя Ба...т полностью не дешифровано. По Георгиеву /68/ имя царя Баттос - эгейского происхождения! Имя Батг, сын Полимнеста, имеется в рассказах Геродота, как житель острова Феры. То же самое читаем в /86/. Батт основал на ливийском побережье против острова Крита город Кирену. Название г. Кирена напоминает вышеуказанный г. Луреней. Может быть, действительно, Луреней надо идентифицировать не с г. Лерне (в Греции), а с г. Киреной (в Ливии).

Тогда предложение «Пусть Ба...т удостоится любви Уасита», в котором можно предположить, что Уасит - это Фиасит или Феста¹ можно понимать как надежда автора об улучшении отношений между Фестом и основателем города в Ливии Ба...том. Если такая версия верна, то это наводит на мысль о том, что, возможно, письмо-диск отправлено из Ливии (или Кари) в г. Фест.

Можно выдвинуть и другую версию. Слово «Уасс» упоминается в /88/, когда автор пишет о племенах карийцев и лелегов. «И карийцы и лелеги принадлежали к числу племен Анатолийского побережья... Геродот рассматривает лелегов как ответвление карийцев... Главным греческим поселением в Карики был Галикарнас, город, где родился Геродот. Сам историк, вероятно, был по происхождению кариец, так как имена его отца и дяди, Ликс и Паниасис, не являются греческими». Здесь имеется сноска: «Сохранившиеся названия мест, такие, как Уасс и Онзосиас заставляют полагать, что даже в самом Галикарнассе продолжали говорить на карийском языке» /88, с. 164/. Это наводит на мысль о том, что, быть может, город Уасит находился в Карики, т.е. на восточном побережье Эгейского моря напротив острова Крит (см. рис. 1). Предложение «Пусть Ба...т удостоится любви Уасита», по-видимому, означает пожелание о том, что между Ба...том (очевидно, местность или страна) и городом Уасит Карики в дальнейшем развивались дружеские отношения. В Средней Греции вблизи Фессалии (см. рис. 1) была Беотия (также созвучна с Ба...т). «Культ Зевса Карийского, центром которого была Миласа, столица Карики, встречается в Беотии.. Лелеги жили в Левкаде, Акарнании, Локриде, Беотии и Педаса... Изгнанные из Педаса лелеги бежали в Галикарнас... Пелазги упоминаются как древнейшее население Беотии...» /88, с. 166-169/.

Если автор письма настойчиво требует не задерживать дань, то можно допустить, что письмо-диск отправлено в Крит из чужой, очевидно, соседней страны. Это согласуется с известным в литературе предположением о том, что глина, из которой сделан Фестский диск, малоазийского происхождения. В этом отношении представляет интерес и следующая информация, приведенная в /10, с. 117/: «Употребление критянами в XVII в. двух систем письма, одна из которых, пиктографическая, предназначалась специально для сакральных текстов, позволяет нам высказать некоторые соображения об упоминании письма в эпосе «Илиада». Знаменитое послание Пройта, с которым он послал Беллерофонта в Ликий, было написано

---

¹ сравните: Уасит = Фиасит (Фест), у = фу (хлеб).

на свернутой табличке, возможно, бронзовой, «гибельными знаками». Беллерофонт не знал этих письмен, и в эпосе о них говорится с оттенком страха и отвращения. Лоример предлагает датировать рассказ Беллерофонта VIII в. до н.э. (т.е. эпос возник лишь тогда, когда была полностью забыта ахейская письменность). Между тем, логичнее предположить, что Пройт и его тесть пользовались для сообщений старинной пиктографией, уже незнакомой всем жителям Греции в годы жизни Беллерофонта, жившего, судя по эпосу, за два поколения до троянской войны. В этой связи следует вспомнить рассказанное Плутархом предание о письменах, найденных в могиле Алкмены и понятных только египетским жрецам. Вполне логично предположить, что в этом известии сохранились воспоминания о пиктографическом письме, известном в Греции II тыс. до н.э. только лицам, связанным с тайнами ахейских религиозных текстов».

Из этой информации известно, что между Эгейскими островами и западным побережьем древней Анатолии поддерживались связи при помощи пиктографических писем. Может ли быть возможной такая же связь между Египтом и Критом, ведь в информации указывается, что пиктографическое письмо было понятно только египетским жрецам? Если предположить, исходя из возможности такой связи, что Фестский диск отправлен из Египта, то тогда почему он начинается с «Аси» - бога критян, а не с «Ра», главного божества Египта? С возвышением у династии Древнего Царства (26-25 вв до н.э.), происходившей из Гелиополя (центра культа), Ра стал главным богом пантеона и его культ приобрел общеегипетский характер. Его стали считать создателем мира и людей, отцом богов, отцом царя, что отражено в титуле фараона «са Ра», т.е. «сын Ра» /8/.

Логичен вопрос: «Связан ли знак №2 «голова с перьями» с именем фараона Рамсеса, что и дает слог «ра»? Как известно /80, с. 226/ Рамсес II правил Египтом в конце XIV и в начале XIII веков до н.э. (его отец Рамсес I правил только два года). Если учесть, что «Фестский диск» относится к XVII в. до н.э., то вышеставленный вопрос получает негативный ответ. С другой стороны, в тексте «диска» не упоминается имя легендарного Миноса, который царствовал в Крите примерно в XIV-XIII вв до н.э. (по /43, с. 57/) или же до критской катастрофы, т.е. в XVI в до н.э. (по /80, с. 319/). Очевидно, имя Миноса носили многие цари, правившие Критом на протяжении ряда поколений и составляющие одну династию /80, с. 318/. Это еще раз, хотя и косвенно, доказывает, что «диск» относится к более древнему периоду.

IV.4. Некоторые языковые особенности текста Фестского диска.

В основе дешифровки «Фестского диска», как было указано выше, лежит этимологический метод с использованием одного из кавказских языков - лезгинского. Установлено также существование акрофонической связи между изображениями на диске и текстовым содержанием письма. Из 45 изображений диска 22 (49%) имеют сугубо лезгинские названия, 3 (6,6%) названия («гъус» - кортик, «загъа» - гребень, «сир?» - волна от «сирнавун» - плавать) предполагаются лезгинскими, названия 13 изображений (29%) не определены, но известны соответствующие слоги, 5 (11%) названий - хаттского («мегарон»), пелазгинского («кипарис»), минойского («мира»), хурритского и урартского («лулу» и «Кур») происхождения, для 2 (4,4%) предметов неизвестны ни названия, ни слоги.

Весь текст на Фестском диске имеет 61 словораздела, т.е. «слов», из которых 85-90% понимается на основании лезгинского языка. Таким образом, по предложенной нами дешифровке можно считать установленным фактом, что текст Фестского диска имеет лезгиноязычную основу. Такой вывод, вероятно, противоречит праязыковой теории развития и усовершенствования языка, по которой предполагается, что язык в своём развитии меняется до неузнаваемости в течение нескольких сот лет. Однако существуют и другие теории развития языка, пренебрегающие праязыковой основой языков /92/. Не исключено также существование одного праязыка нескольких родственных групп языков, но не в IV-V тысячелетии, а в 35-40 тысячелетий до н.э. Обсуждение этого вопроса не является предметом наших исследований.

По характеру язык текста на Фестском диске, несомненно, относится к кавказской группе языков. Несмотря на небольшой объем текста, он содержит достаточное количество гортанных звуков, наблюдается назализация согласных, имеет место эргативная конструкция предложения и т.д. Эти и другие особенности древнейшего языка постепенно выявлялись и получили необходимые пояснения по ходу дешифровки текста (см. выше).

Фонемный состав языка содержит 6 гласных (а, га, е, и, у, уь) и следующие согласные звуки: б, в, г, гъ, гь, д (тт), з, й (назализируется) к, кI, кк, къ, къ, л, м, н, р, т, тт, с, хь (х), ч, ц, цI, цц. Такое обилие согласных букв, хотя не все консонанты лезгинской фонетики встречаются на диске, создает необходимость применения еще большего числа слогов «согласный-гласный». При такой разнообразии слогов замечательным является то, что для составления данного слова на Фестском диске подобрано именно такое изображение, первый слог названия которого

точно передает соответствующий слог этого слова. Например, для записи слова «уаккар» второй и третий слоги получают при помощи изображений «карч» (рог) и «кюрд» (сокол), а для второго слога «-кла» в слове «гъакла» подобрано «клазри» (рыба). Все идентифицированные названия предметов удивительно точно передают соответствующие слоги в словах текста Фестского диска: этот акрофонический принцип нигде не нарушается. Выходит, что язык текста и язык, по которому подбираем название изображений, в основном, этимологически совпадают. Помимо того выявляются некоторые различия и уточнения. Например, в лезгинском языке, насколько нам известно, нет слова «клазри», а есть «клезри» или «кльзруь» (мелкая рыба).

В современном лезгинском языке не сохранились слова «маце» (подарок) и «таце» (дань), хотя первое из них в виде «меше» ныне встречается в лезгинской топонимике.

На Фестском диске древнейшие слова (их около 10-15%), не сохранившиеся в современном лезгинском языке, переведены в русский язык, исходя из смысла предложения, если, конечно, это представлялось возможным. В противном случае они сохранены без изменений и без перевода. Некоторые из этих слов встречаются в словарях минойского языка /75-77/: агъаки-акаки, клан-ка, кин-ки, Кигеме-кекемена, данэ-дана (дане), уаккар (мн. ч.) - ока, маце-мазо, Уасит-увъасия и др. Словари минойского языка содержат значительное количество других слов, по смыслу и структуре напоминающие лезгинские (см. дальше).

Среди минойских слов линейного письма, фонетическая значимость которых установлена, имеются слова, начинающиеся с «Аси...» /75/: «а-си-йа-ти-йа». «а-си-вьи-йо», но к сожалению, смысловое значение которых не определено. Если первое из них изложить в виде «Асийа (н) ти йа», то можно получить смысловую связку слов на лезгинском языке Асийан (чей?) ти (что?); на современном лезгинском языке значение слова «ти» непонятно, но слово «тил» - «дар природы» встречается в кавказско-албанском языке /35/, а слово «йа» переводится на русский язык как «есть». Итак, «(Это есть) ти (дар) Асия». Как видно из этого примера, незнание древнего языка приводит к искажению незнакомых слов.

Если язык с течением определенного времени меняется постепенно, то между словами с одинаковыми смысловыми значениями должна быть определенная этимологическая (структурная) связка. Однако наблюдается обратная картина. Например, слово «сомневаться» в современном лезгинском языке имеет форму «шак гьун», на кавказско-албанском - «мин гьун» /35/, на Фестском диске -

«баа гъун». Или же слоно «величие» на современном лезгинском языке - «къудратлувал» (слово тюркское), на кавказско-албанском-«мактунвал» /35/, на Фестском диске - «гъубевал».

При дешифровке наблюдалось, что слогосочетание «шлем» + «волна» в тексте диска встречается несколько раз: AI, AVII, AXI, AXXIX, BXXVI, BXXIX, из которых только в слове AI «шлем» не имеет нижней черточки (слова AXXIX, BXXVI не связаны с «Богом») и читаются «Аси», а в остальных случаях - «гласи...». Очевидно, это объясняется двумя причинами: или «а» в слове «Аси» превращается в «Гласи» при склонении по падежам, или же в слове AI по ошибке писца не вставлена черточка (т.е. и оно читается «гласи»). Первое предположение не характерно для лезгинского языка и поэтому мы допускаем второе предположение.

Здесь уместно обратить внимание на один спорный вопрос лезгинской фонетики: ларингальный звук «гI» (') характерен ли для лезгинского языка или же он заимствован из семитического арабского? По мнению специалистов этот звук заимствован из арабского языка, и поэтому многие слова, употребляемые в диалектах с «гI», например, «гласи хъун» (быть богохульным), «гладу хъун» (враждебно встречаться и др., относятся к числу заимствованных слов и пишутся без ларингала, что, по-нашему, неправильно (слова русской речи «орать», «не ори» совпадают с лезгинскими «гIарун», «гIарамир» с теми же значениями). При объяснении минойского происхождения финикийского алфавита В.Георгиев /68/ отмечает: «минойский язык имел, вероятно, только один ларингал «h». Финикийский же, как семитский язык, имел четыре ларингала «'», «'», «h» и «h». Финикийцы при составлении своего алфавита использовали минойские слоговые знаки «ha» и «he» для обозначения своих ларингалов «h» и «h». Для обозначения двух других финикийских ларингалов, для которых не находилось соответствия в минойском языке, были приспособлены знаки для гласных (слогов) «о» и «а». Знак «ГЛАЗ» приобрел значение ларингала «'» совсем естественно, так как финикийцы осмыслили минойское слово «о» (глаз; оно соответствует лезгинскому «ол» - глаз, см. выше), как свое «'айин» (глаз). Равным образом, и минойское слово «алевья» (может быть, «гIаленья» или «гIал» - хижина, палатка, так как «кIвал» - дом; см. выше - Я.Я.) было осмыслено по народной этимологии как «'алеф» (бык, скот) и поэтому минойский знак для гласного «а» обозначает у финикийцев ларингал (')». Если ко всему этому добавить еще и то, что «Фестский диск» содержит два знака для «а» - «гIа» и «а» (т.е. «шлем» с черточкой и без нее), то, учитывая непосредственную связь между языком «Фестского диска» и лезгинским, можно, вопреки мнениям многих лезгиноведов, утверждать, что ларингальный звук «гI» (') является не заимствованным, а характерным для лезгинского языка.

Еще одна особенность пелазгского языка. Естественно, здесь речь не может идти о более или менее полном возобновлении языка четырёх тысячелетней давности, каковы близки не были бы слова сравниваемых языков. Существует ли специальная теория, методика или механизм в историко-сравнительном языкознании для определения архаизма слов? В какой степени правомерны наши доводы при идентификации одних и тех же знаков каким-либо современным языком и отнести их к древнему языку? Очевидно, здесь без ошибок не обойтись, но, исходя из положительного решения общей постановки задачи, уверенно можно сказать, что такие ошибки имеют локальный характер и не выходят за рамки диалектных разногласий. Для пояснения сказанного можно привести следующий пример.

Развилистую палку мы выше называли по-лезгински - «чухел» (согласно кубинскому диалекту), а в литературном языке употребляется как «чихел» /72/. Какое из этих слов (вернее, какой слог «чуь» или «чи») имеет место в пелазгском языке? Знак № 19 (рис. 4), т.е. «развилистая палка» встречается в трех местах: BV, BVIII и BXXII (рис. 5). Слово BVIII можно дешифровать или как «чуьмацеху(й)» (пусть будет вашим подарком), или же «чимацеху(й)» (пусть будет нашим подарком). Какой вариант правильный? Исходя из текста и лезгинской грамматики, оба варианта выражают почти одно и то же - часть дани требуется и оставляется у должника в виде подарка. Другой вопрос - «Какой вариант из них грамматически правильный?» - остается открытым.

Такие два варианта имеют место в случае слова BXXII: «ки(н)чуьгьюура(й)» иди же «ки(н) чигьюура(й)». Оба варианта переводятся на русский язык одинаково - «пусть промывает гнев». На современном лезгинском языке слово «промывает» выражается и как «чуьхуурай» и как «чихирай», хотя первая форма в виде «чуьхуурай» (как пелазгский вариант) грамматически более правильная, чем «чихирай». Третий знак а слове BXXII (знак № 41. рис.4) входит в «состав» слова BXXI - «Акьегьюуль» - Эгейское море (в эргативном падеже). В современном лезгинском языке «море» - «гьюуль». Следовательно, знак № 41 (рис.4) дает слог «гью», (а не «гьи»!) и слово BXXII следует читать как «ки(н)чуьгьюура(й)». Слово BV также подтверждает такой вывод. «Ветвь» без нижней черточки соответствует слогу «ки», а с черточкой - «куь», что дает слово BV - «Куьчуьгья(з)», так как «Куьчигьяз» грамматически неправильно.

Такой логический подход к анализу текста дает основание предположить, что развилистую палку пелазги называли «чухел».

«Женщина с открытой грудью» (знак №6, рис.4) дает слог «хью» (или «ху»). На современном лезгинскоV языке «грудь женщины» (или

вообще «грудь») означает «хур», «хуру», что акрофонически соответствует слогу «ху». Тогда конец слова AIII читается как «...хура(й)». Это дает основание предположить, что язык пелазгов был близок к одному из говоров кабалинского диалекта лезгинского языка. Если предположить, что окончание слова AIII соответствует кубинскому диалекту (как в других местах текста), то оно читается как «...хьура(й)», на основании чего можно допустить, что пелазги «грудь» называли как «хьуру».

Слова текста «минетарай» и «регыатурай» сохранились в современном лезгинском языке без изменений. Считается, что слова «минет» и «регыат» заимствованы лезгинами из персидского языка. Однако, существование этих слов почти четыре тысячи лет тому назад в пелазгском языке даёт основание не согласиться с таким утверждением. Во-первых, албаны (кавказские) и персы были многовековыми соседями и поэтому трудно установить, какие слова перешли из албанского (лезгинского) в персидский и наоборот. Во-вторых до появления ираноязычных индоевропейцев на территории современного Ирана, в основном там жили хурриты и кутии (уди, удины) - лезгиноязычные народы. А древние пелазги имели несомненные этимологические связи с хурритами. Эти обстоятельства дают нам основание констатировать, что слова «минет», «регыат», также как и «вашах» и «кин» являются исконно пелазгскими (лезгинскими).

Таким образом, более подробный разбор текста на Фестском диске представить специалистам-лезгиноведам достаточный материал для более близкого ознакомления с древнейшим языком пелазгов.

IV.5. Миноийский или пелазгский?

Разбор существующего исторического материала по Эгеиде (см. Глава I) однозначно показывает, что догреческое население материковой Греции, Эгейского архипелага (в том числе Крита) и западного побережья Малой Азии можно обобщить под общим названием - «пелазги» с многочисленными родственными с ними племенами. Миноийский же язык - это условное название языка критских надписей в честь Миноса - в греческой мифологии одного из трех сыновей Зевса и Европы, рожденного на Крите и усыновленного критским царем Астерием /8/. Почему на языке пелазгов, живших с доисторических времен вплоть до 450 г. до н.э., не существуют эпиграфические памятники, а для языка обнаруженных на Крите многочисленных письменных памятников придумывается другое условное название - минойский? На этот вопрос в литературе нет убедительных ответов, хотя «некоторые ученые полагают, что язык критских табличек линейного письма А - пелазгский» /8, с.21/. Вот что пишет В.Георгиев /24/: «Следуя за Н.Я. Марром, авторы «Истории Грузии (Т.1, с. 16 и сл.) считают пелазгский язык родственным кавказским языкам. Однако мы ничего не знаем о языке пелазгов» (?!). Л.А.Гиндин /93, с.43/ пишет: «Геродоту были известны какие-то пелазгские населенные пункты, названия которых изменились (т.е. получили греческие наименования). На основании этого..., а также наблюдений над... остатками пелазгов, Геродот приходит к выводу, что пелазги говорили на варварском наречии».

Можно ли изучить язык, от которого не осталось никаких следов, кроме скудных свидетельств античных авторов? Оказывается, следы пелазгского языка все-таки сохранились - в топонимических названиях (Тиринф, Коринф, Парнасс, Кносс и др.) и в самом греческом языке, который как бы наслои́лся на пелазгский язык (напр. слова гиацинт, кипарис, нарцисс, лабиринт, саркофаг и др. считаются пелазгскими). Интересно отметить, что топонимическая единица «Лар», являющаяся основой чисто «эгейского» (доиндоевропейского) происхождения с/93, с.83/, как топонимическое название, встречается как в кавказско-албанском, так и в современном лезгинском языках.

Согласно П.Кречмеру (по /88/), название «пелазги» является этническим производным от «пеласгос». Это индоевропейское слово, обозначающее «плоская поверхность», «равнина» (это же лезгинское слово «паласа» - равнина - Я.Я.), но в греческом языке оно было применено к морю. Обычным греческим словом для обозначения «море» было «таласса» - слово не индоевропейского происхождения. Может быть это слово греки заимствовали у «людей моря» - пелазгов?

Крупнейшие языковеды К. Паули, П. Кречмер и А. Фик разработали и окончательно сформировали теорию о неиндоевропейском характере догреческого пелазгского населения Греции и Эгеиды (по /24/). Доводы П.Кречмера были настолько убедительны, что все крупнейшие лингвисты и историки того времени единодушно приняли эту теорию. Однако после расшифровки памятников малоазийского письма, которые оказались написанными на индоевропейских языках, лингвисты стали заново пересматривать теорию Кречмера и выдвигать свои гипотезы. Например, В.Георгиев приходит к выводу о том, что, хотя пелазги не были греками, но говорили они на языке, который, как и греческий, восходит к общему языку-предку - индоевропейскому языку-основе /43/.

По В.Георгиеву /94, 95/, в греческом языке скрывается другой индоевропейский язык, до сих пор не известный и этот условно называемый (?) «пелазгский» язык занимает среднее место между албанским (балкано-албанским - Я.Я.) и армянским языками и входит в одну группу с ликийским, иероглифическим «хеттским», этрусским, лидийским (карийским), лувийским и хеттским. Оказывается вот почему в статьях о «пелазгском» языке слово «пелазгский» берется в кавычки: здесь, очевидно, имеется в виду язык не коренного догреческого населения, а искусственно полученный язык, но почему-то названный «пелазгским».

С.Я. Лурье /96/ утверждает: «если предположить, что дешифровка Георгиева правильна, то нетрудно убедиться, что реконструированный Георгиевым язык может собой представлять только один из диалектов греческого языка». С.Я. Лурье считает правильным вообще отказаться от сопоставления знаков линейного письма со знаками других систем (В.Георгиев читает минойское письмо при помощи знаков кипрского силлабария) и основываться только на соображениях внутреннего порядка, как поступили Вентрис и Чедвик при дешифровке линейного письма Б. Эти ученые действовали экспериментально, подставляя самые различные значения для знаков, пока не получили такие значения, благодаря которым можно было без внутренних противоречий и нелепого контекста прочесть значительное количество надписей. При таком подходе вовсе не обязательны лингвистические способности дешифровщика. Прекрасным примером тому являлся дешифровка египетского иероглифического письма Шампольоном, не лингвистом по специальности /97/. Рассуждения Шампольона выглядят сегодня чрезвычайно простыми, что и является одним из признаков столь многих великих открытий.

По Ван-Виндекенсу (по /98/), пелазгский язык помещается в середину между германским и балто-славянским языками. В своей

книге о пелазгах Ван-Виндекенс приводит значительное число пелазгских слов, заимствованных греческим и латинским языками. Исследуя этимологические связи пелазгских и греческих слов, он опровергает почти все этимологии В.Георгиева. Из приблизительно 180 этимологий болгарского ученого он окончательно признает только 20 (по /98/).

В /98/ приводится подробный анализ статей и монографий по «пелазгскому» языку. Даже беглый взгляд на этот обзор приводит читателя к мысли о том, что в зависимости от числа и характера этимологически сопоставимых слов и, наконец, языков, можно получить разные, порой и противоречивые толкования родственных параллелей так называемого «пелазгского» языка с греческим, латинским, фрако-фригийским или каким-нибудь другим индоевропейским (или «протоиндоевропейским») языками - ведь непосредственной археологической эпиграфики на пелазгском языке нет! А известные археологические образцы письма (крито-микенские) принадлежат какому-то вымышленному «минойскому» языку.

Так как линейное письмо А и Б почти одинаковы, линейное письмо А читается, хотя получаемые слова «минойского» языка все еще остаются непонятными. Другими словами, линейное письмо А дешифруется, но не поддается интерпретации - язык неизвестен. При сравнении этих слов со словами известных языков как раз получаются разные их интерпретации.

Создается такое впечатление, что лингвисты подгоняют слова пелазгского («минойского») языка как бы под корень индоевропейских слов, с которыми они сравниваются. Если учесть, что пелазгский язык, как писали греки, «варварский» (таким же «варварским», «грубым» они назвали и кавказско-албанский язык) и, что, следовательно, он содержит грубые гортанные звуки (как в кавказских языках), то нетрудно представить возможность искажения этих звуков при неправильной (т.е. не свойственной кавказской группе языков) их интерпретации. Напр., слог «se» может быть озвучен, кроме «се», также «зе», «це», «це», «це», «це», «тсе», «дзе» и т.д. Пелазгское слово «sagan» (царь) В.Георгиевым (по /98/) идентифицируется с греческим «каранос». Его сравнение с кавказско-албанским «шарвал» (корень - «шар») и хуррито-урартским «шару» - царь (буквы «с» и «ш» в древних письменах часто путаются, чередуются) выглядит более убедительным. Кстати, известное греческое имя Цезарь, по-видимому, состоит из лезгинского «цїй» (новый) и пелазгского «зар» (царь), ведь существует несколько Цезарей - «Новых царей» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей...). Пелазгское слово «кипарис» в /98, с. 106/ сравнивается с латинским «кипрессус», что, по-видимому, имеет

пелазгское происхождение. Слово «кипарис» - «кипариш» есть слово лезгинское: «Кипа(н) риш» - дочь Кипа (или Кипра), вероятно, из-за стройной фигуры дерева.

Пелазгское («минойское», этрусское, египетское) слово «саркофаг» очень напоминает лезгинские слова: «сар» - могила, «кафан» - материал, в который становится покойный (очевидно, русское слово «саван» этимологически совпадает с пелазгским или лезгинским «кафан»). Легендарный Бог-Небо «Зевс» («Зевос», «Зевс» - греческие формы слова «Зеи») созвучен лезгинскому «Цав-небо» (Цав-Цев-Зев). Пелазгское слово «нарцисс» по-лезгински звучит «нергиз». Как известно из древнегреческих мифов, Нарцисс - юноша гордый и самовлюблённый. Он любит только своё отражение и умер от этой странной любви. Цветок, выросший на его могиле, называли «нарциссом» - цветком смерти.

Слово смерть по-лезгински - «рикьин», «рекьин» («...ргиз» = «рекьиз»). Первая же часть слова «Нергиз» (т.е. «не...»), по-видимому, восходит к «негь» - порочный, безнравственный. Тогда «нергиз» = «не(гь)р(е)кьиз» означает по-лезгински: «порочная (странная) смерть», или же «пусть будет проклят (такая) смерть».

Обратите внимание: «...царь Арголиты Пелазг, сын Палехтона» /89 с. 107/ согласуется с лезгинской грамматикой: «Пелазг Палехтан» с окончанием «-ан», показывающим принадлежность на лезгинском языке.

Неужели все эти аналогии можно назвать случайными совпадениями? Возьмем слово «иридий» (металл или химический элемент «иридиум»). Первая половина этих слов «ирид» - идентична лезгинскому «ирид» (семь), а порядковый номер этого элемента в Периодической системе Д.И. Менделеева - 77. Это - случайность. Но откуда произошло само название? Оказывается, соли этого элемента в разных условиях окрашивались в различные цвета и поэтому его первооткрыватель (Теннант, 1804) дал ему название «иридиум», что по-гречески означает «радуга» /99/. Радуга, как всем известно, состоит из семи цветов и поэтому ее иногда так и называют: «семицвет». Таким образом, не вызывает никакого сомнения сходство слов «иридий» (металл) и «ирид» (семь) и то, что слово «ирид» древние греки заимствовали у пелазгов.

Наличие в древнегреческом языке значительного числа пелазгских (разумеется, также и лезгинских) слов является убедительным доказательством этого. Даже беглый взгляд в /100/ обнаруживает около 60 греко-лезгинских этимологии:

1. αἰωρα («аивъра») - качели, качание; «агъура» - покачай.
2. ακαθαρσία («акадар-») - загрязнение, нечистота; «акадарун» (лезг.) - смешивать.
3. ακαίνα («акаина») - стрекало; «акаина» (лезг.) - открыл.
4. ακολος («аколос») - кусок; «κίус» (лезг.)-кусок.
5. ακολουθος («аколоитус») - сопутствующий, сопровождающий; «акъвала(й) атуз» (лезг.) - рядом.
6. καρ («кар») - волос; «члар» (лезг.) - волос.
7. κατω («капу») - тяжело дышать; «каш къун» (лезг.) - тяжело дышать.
8. ακουσίως («аконтус») - против воли, неохотно; «кан туш» (лезг.) - не желает, не хочет.
9. ανα («ана») - наверху, сверху; «ана» (лезг.) - там.
10. αναγω («анагу») - приводить, доставить кого-либо живым к кому-либо; «анагъ гъун» (лезг.) - привести оттуда.
11. αναμσσω («-ассу») - стирать, вытирать, лепить; «асун» (лезг.) - побелка.
12. αντιγεγωνα («-гегуна») - закричать в ответ; «куьгъуьна» (лезг.) - вслед, следом.
13. антиколаκευω («-колакеиу») - льстить в ответ; «къулай клелун» (лезг.) - удобно читать, правильно произносить.
14. αντιλογία («-логия») - возражение; «луькльун» (лезг.) - говорить.
15. λογαριον («лог-») - словечко, маленькая речь; «луькльун» (лезг.) - говорить.
16. λογιζομαι («логизумаи») - считать; «лугъузма» (лезг.) - еще говорит.
17. το κατα λογον («ката логон») - по (общему) счету, в итоге; «κίватIа лугъун» (лезг.) - сказать складывай.

18. ανωγω («анугу») - приказывать, требовать; «ану гун» - слово «ану» не сохранилось в современном лезгинском языке; может быть, что оно означает «приказ». Вторая часть слова «гун; переводится с лезгинского «давать».

19. απατα («-пат-») - обман, ложь; слово «пат» в перевертыше дает «тап», «ттаб» (лезг.) - обман, ложь.

20. απαταω («-пату») - обманывать; «тапарун» (лезг.)- обманывать.

21. απερρω («-пэрру») - уходить; «пэрун» (кавк.-алб.) -расходиться.

22. καλια («кал-») - деревянный домик, хижина; «квал» (лезг.) - дом.

23. κηλη («келе») - горб, опухоль; «келе» (лезг.) - крепость.

24. καρδια («кар-») - сердце; «кир» (хатт.) - сердце; «рикI» (лезг. в перевертыше) - сердце.

25. ιριδος («ирид-») - радуга; «ирид» (лезг.) - семь.

26. αρχα («арха») - происхождение; «арха» (лезг.) - родственник (ср стороны отца).

27. αρω («ару») - пахать, обрабатывать, сеять; «ару: ару авун» (лезг.) - убирать урожай.

28. αχανης («аха-») - широко раскрытый; «ахья» (лезг.) - открытый.

29. γαμεω («гам-») - жениться, «ччам» (лезг.) - жених.

30. γομφος («гумп-») - гвоздь, болт, колышек; «кIумп» (лезг.) - пробка.

31. διχηλος («-хел-») - раздвоенный конечностями; «хел» (лезг.) - ветвь, ответвление; «кье хел» (лезг.) - два ответвления.

32. εζω («эзу») - сажать, усаживать; «цун» (лезг.) - сажать.

33. ειλλω («эилун») - вращать; «элкьюн» (лезг.) - вращать.

34. λευκο («леи-») - белый; «лацу» (лезг.) - белый.

35. εχω («эху») - держать, держаться на острие бритвы, т.е. «на волоске»; «эхун» (лезг.) - терпеть.

36. ξοφος («суф-») - мрак, тьма; «йиф» (лезг.) - ночь.
37. ηρεμα («эрема») - тихо! спокойно!; «гьарамир» (лезг.) - не кричи!
38. κεραμικος («кер-») - гончарный; «клири» (урарт., лезг.) - гончарный.
39. κεραμικος («кеф-») - голова; «кеф», «киф» (лезг.) - коса; «кьил» - голова.
40. κολετραω («кул-») - топтать ногами; «кьуьл гун» (лезг.) - топтать ногами.
41. κικαω («кикау») - смешивать, мешать; «кикадрун» (лезг.) - смешать.
42. κυνικος («кин-») - собачий; «кици» (лезг.) - собака.
43. κυφαγωγος («киф-агугу-») - держащий голову вниз; «кьил агъузун» (лезг.) - опускать голову.
44. κυφελλα («киф-») - облако, туман; «циф» (лезг.) - облако, туман.
45. κπα («кпа») - внутренняя сторона лодыжки; «капа» (лезг.) - в ладони.
46. κωλην («кул-») - бедро, окорок; «ккул» (лезг.) - лопатка (анатом.).
47. λεγω («легу») - говорит, рассказывать; «луйклуйн» (лезг.) - говорит.
48. μεγαρον («мегарон») - главный зал дворца; «мегарон?» (пелазг.) - главный зал дворца; «мег» (лезг.) - прическа (у мужчин).
49. μεθη («мет-») - крепкий напиток; «метI» (лезг.) - сладкий густой напиток.
50. ναυτικος («наи-») - мореходный, моряк; «навьи» (пелазг.?) - корабль.
51. νιφετος («ниф-») - снег; «жив» (лезг.) - снег.
52. περι («пер-») - вокруг, около; «перун» (кав.-алб.) - разгонять.
53. πιλος («пил-») - валяная шерсть; «пилте» (лезг.) - кусок шерсти.

54. ραφίς («рап-») - игла; «раб» (лезг.) - игла.
55. ραχία («рах-») - скалистый берег; «раг» (лезг.) - скала, утес.
56. ρυμίτιν («рег-») - скалистый берег; «раг» (лезг.) - скала, утес.
57. σακτάς («санта-») - мешок; «чанта» (лезг.) - сумка, мешочек.
58. πονώ («паиу») - заставлять, умолкнуть; «пlэсун» (кав.-алб.) - настаивать.
59. σιωπάω («сивь пау») - молчать; «сив пlэсун» (кав.-алб.) - настаивать, закрыть рот; «сив» (лезг.) - рот.
60. σπλίν («сплен») - селезёнка; «цlуьлез» (лезг.) - селезёнка.
61. σταύμα («ста-») - капля; «стlал» (лезг.) - капля.
62. στάλαω («сталау») - лить по каплям; «стlаларун» (лезг.) - капать.

Нам кажется, что не только древнегреческий язык, как мост к индоевропейским языкам, но и латинский язык содержит значительное число заимствований из пелазгинского языка. Предлагаем вниманию читателей часть латинских слов, взятых даже из учебника /79/ и имеющих пелазгское (лезгинское) происхождение:

1. dolor (боль) - тталар (лезг., боли).
2. facilis (легкий) - кьезил (лезг., легкий).
3. finio (ограничивать, кончать) - фини (кав.-алб., последний).
4. servio (быть рабом, служить) - цир (пелазг., пленный) - есир (лезг., пленный).
5. cēdo в транскрипции «кедо» (идти, ступать) - кьведа (лезг., придет).
6. lēgūi (говорить, беседовать) - луькlуьн (лезг., говорить).
7. in (в) - ина (лезг- здесь).
8. incola (житель) - ин кlвала (лезг., в этом доме).
9. oculius (глаз) - экв (лезг., свет).

10. arud (у, при, около) - а пад (лезг., та сторона).

11. partis (часть, сторона.) - пад (лезг., сторона).

12. navis (корабль) - на (пелазг., первый слог названия «корабль» - навьи (?) пелазг., корабль).

13. сог (сердце) - кир (хетт., сердце) - рикI (лезг., сердце).

14. асег в транскрипции «асер» (острый, едкий) - серг (лезг., чеснок).

15. cornu (рог) - карч (лезг., рог).

16. e-vado (выходить, выскальзывать) - аватун (лезг., упасть).

17. hic haec (этот, такой) - гьакI (лезг., так), гьикI (лезг., как).

18. labor (скользить, медленно падать) - алабар (лезг., упасть).

19. nasus (нос) - нар (лезг., нос).

20. quadraginta (сорок) - кьудра (лезг., четырежды).

21. quattuor (четыре) - кьуд (лезг., четыре).

22. vahius (разнообразный) - вари (лезг., все),

23. ver (весна) - йар (лезг., весна).

24. ragus (сельская община, деревня) - Паку (кав.-алб., лезг., Баку).

25. terreo (пугать, устрашать) - кьучIуьрун (лезг., пугать, устрашать).

При сравнении пелазгского языка (и других древних «алародийских» языков;) с современным лезгинским языком (или другими кавказскими языками) следует обратить внимание, на наш взгляд, на очень важное неблагоприятное обстоятельство - возможность искажения языка. Искажение слов неизвестного, в большинстве случаев считавшегося «вымершим», языка происходит в основном по следующим причинам. Во-первых, древние языки, относящиеся к кавказской группе, пользовались знаками, недостаточно охватывающими консонансную фонетику этого языка. Напр., урартийцы пользовались ассирийской (семитской) клинописью и поэтому вынуждены были придать одному и тому же знаку разные

произношения, так как кавказской группы урартский язык более богат консонантными звуками чем ассирийский /66, 69/. Как отличить эти дополнительные звуки если особенности «ожившего» языка не знаем? Во-вторых, древний самобытный язык передается через резко отличающийся другой язык. Напр., хаттский язык в настоящее время «выявляется» при помощи неситского (индоевропейского) хеттского языка, а «минойские» надписи пелазгского языка читаются на древнегреческом (индоевропейском) языке. В-третьих, подход самого дешифровщика к воспроизведению неизвестных ему слов, к сожалению, оказывается этимологически несоответствующим особенностям древнего языка.

Допустим, что пелазгские (лезгинские) слова «карч», «ккард» и «кларз» при дешифровке древнего письма транскрибируются как слог «ка». Тогда, непонятно, как можно его идентифицировать, если фонетические особенности данного языка неизвестны? Или же, в случае, когда дешифровщик выявляет три разные знака, предположительно дающие близкие друг другу, но различные, слоги, как их можно идентифицировать, если морфологический состав данного языка неизвестен? В лучшем случае, когда специалист-языковед при помощи особых лингвистических приемов точно устанавливает, что язык дешифруемого письма имеет близкое родство с кавказскими языками, он продолжает свой поиск по соответствующим справочникам (словарям), так как он вряд ли может знать каждый из свыше 20 кавказских языков как свой родной язык. А в каком состоянии находятся сегодня наши словари? Судя по современному лезгино-русскому словарю /72/, можно констатировать, что литературный лезгинский язык со своей уродливостью отличается от разговорного лезгинского языка. Этот вопрос требует особого внимания и обсуждения, ибо, к великому сожалению, лезгинский язык на страницах многочисленных газет, журналов и книг, на сценах национального театра «обогащается» не за счет богатого диалектного наследия, а за счет арабских, тюркских и русских слов.

Таким образом, частые искажения выявляемых из дешифруемых текстов слов происходит из-за, именно, не знания не только древнего языка, но и этимологически связанного с ним современного языка.

При подготовке книги /35/, сначала интуитивно (нельзя отрицать роль интуиции в исследовательской работе), а затем, тем убедительнее, чем глубже ознакомление с имеющейся в литературе информацией, мне удалось уловить «красную ленту» лезгинского языка (точнее лезгинскую группу кавказских языков) в древних «вымерших» пелазгском («минойском»), хаттском, хурритском, урартском и кавказско-албанском языках. В настоящее время эта «красная лента»

скрыта от языковедческой общественности именно потому, В древние языки при дешифровках искажаются, так как они исследованы лингвистами-нелезгинами. Справедливо отмечают авторы работы /26, с47/: «К сожалению, ни один лезгин, специалист по родному языку, не занимался поиском его корней, сравнением его с шумерским и другими языками Передней Азии и Кавказа».

Немаловажным источником искажения древних языков, как было указано выше, является передача «местного» языка при помощи чужого «пришлого» языка. Наблюдающиеся в хаттском, хурритском, урартском и др. языках слова с лезгино-язычной основой в большинстве случаев сильно искажены под действием индоевропейского хеттского, семитического ассирийского и других языков не кавказского происхождения. Из многочисленных примеров считаем достаточным привести следующие. Лезгинское слово «кьегьал» (герой) в хаттском звучит «теккехал», лезгинское «фу» (хлеб) на хаттском - «фулашне». Последний слог «-не» (неъ) означает по-лезгински «ешь, кушай» и, следовательно, слово «фулашне», по-видимому, означает не «хлеб», а действие (или просьбу), связанное с употреблением и хлеба (пищи). Хурритское слово «Лалападува» (название священной горы, где жили боги) /85, с.311/ можно осмыслить как «Лапа паттува(й)», т.е. - «находящийся на стороне Лала». Очевидно, что название горы - Лала, а не «Лалападува». «Бурушханда» - древнейший город Малой Азии, важнейший центр с населением хатти /85, с.309/. На основе лезгинского языка это слово читается: «Бурушганда», где «ган» - суффикс показывающий местность, «да» - окончание, показывающее место действия. Кавказско-албанское «Кьвепеле» - «(город) на двух холмах» приводится в литературе как «Кабала» (смысл непонятен), лезгинское топонимическое название «Ахцагь» везде употребляется как «Ахты» и связывается с персидским словом «Ахтун» (сестра), гора «Пармак» (папаха) превратилось в «Бешбармаг» (пять пальцев), «Кцлар» (Касар) в «Кусар» и т.д.

Предложение из урартских текстов /66/ «Менуаше Ишпуинихинише ини пили агуини» не что иное, как лезгинское «Менуа Ишпуинахичи ин пили эгьюний», что переводится в русский язык, как и первый, «Менуй, сын Ишпуина, этот канал провел». Или же, урартское «манкали шамну» (как «особый вид масла» это выражение вошло во многие словари урартского языка /69/) идентифицируется по-лезгиински как «(XX) ман кали(н) ччем», т.е. «20 ман коровьего масла («там » = «ччем») или же, по-современному, «60 кг коровьего масла» /66/. Видеть в древнегреческих словах, напр., «аконтус» (против воли, неохотно) лезгинское соответствие «клантуш» (не хочется) и «колетрао» (топтать ногами) - «кьюль гун» (топтать), в латинском «инкола» (житель) - «ин

квала» (в этом доме) и др. может, по-моему, только лезгин. Уверен, что почти к такому же выводу пришел бы любой человек, язык которого относится к нахско-лезгинской группе кавказских языков, если бы он близко ознакомился с древними «алородийскими» языками.

Теперь обратим внимание на словари минойского языка /75-77/, где приводятся слова крито-микенских надписей, часть которых имеет некоторую интерпретацию /75, 77/. Значительная часть этих слов имеет лезгиноязычную основу (для удобства, приведенные ниже слова даются в русской транскрипции).

- /75/: 1. а-ко-ра-йа - «акурай» (лезг.) - пусть увидит.
2. а-йа-ме-на - «айа» (лув., иер. «хетт.») - делать; «айаман» (лезг.) - сделай-ка.
3. а-ка - «акла» (лезг.) - так; «акай», «ахьай» (лезг.) - открой.
4. а-ка-то - «акату(н)» (лезг.) - попадать; «акъату(н)» (лезг.) - выходить, выступать.
5. а-ка-вьу - «ахъаву(н)» (лезг.) - открывать.
6. а-ка-вьу-не - «ахъавуна» (лезг.) - открыл.
7. а-ке-а - «ахъайа» (лезг.) - открой.
8. а-ки-вьа-та - «акизватла >, «аквазватла» (лезг.) - если видит
9. а-ко-ра - «акурай» (лезг.) - пусть увидит.
10. а-ко-ра-йа - «акурайа» (лезг.) - показывай.
11. а-ко-ро - «акуру(н)» (лезг.) - показывать.
12. а-ко-ро-го-ро - «акуру(з)гурун» (лезг.) - заставить (просить) показывать.
13. а-ко-ро-та - «акурайтла» (лезг.) - если (он) покажет.
14. а-ко-со-не - «аквазвани» (лезг.) - видишь ли?
15. а-ко-со-та - «аквазватла» (лезг.) - если видит.
16. а-ко-вьо- «акувун» (древне-лезг.) - искать.
17. а-ма - «ама» (лезг.)» осталось; «ама» (лезг.) - тот.
18. а-ма-ту-на - «аматзуна» (лезг.) - оставил как есть.
19. а-мо-та - «аматла» (лезг.) - если осталось.
20. а-на-ке-те - «анайката» (лезг.) - беги оттуда; «анайкъата» (лезг.) - уходи оттуда;
    вьа-на-ка-те - «ванайката» (лезг.) - беги сверху.
21. а-но-го(ко)-та - «анак кватла» (лезг.) - если находится там; если включен туда.
22. а-ну-вьа - «анава», «гъанава» (лезг.) - есть там.

23. а-ну-вья-тла - «анаватла» (лезг.) - если есть там.
24. а-па-та - «апата» (лезг.) - на той стороне.
25. а-па-та-вья-йо - «апатавай» (лезг.) - находящийся на той стороне.
26. а-па-та-вья - «апатава» (лезг.) - находится на той стороне.
27. а-ги-зо-вье - «гъизава» (лезг.) - приносят; «къегъизава» (лезг.) - возвращает, приносит.
28. а-го-та - «агата» (лезг.) - подходи, приближайся.
29. а-ри-вьо-не - «арувуна» (лезг.) - убирал урожай.
30. а-та - «атла» (лезг.) - тот; «атай» (лезг.) - приходивший.
31. а-та-зе-у- «атлазийа» (лезг.) - это - тот.
32. а-та-ма-не-вье - «атламани эвей» (лезг., ахт. д.) - он тоже был.
33. а-та-ма-та - «атламан тай» (лезг.) - ровесник того; «атламан ттай» (лезг.) - жеребенок того.
34. а-та-на - «атлана» (лезг.) - там; порезал; «атана (лезг.) - пришел.
35. а-то - «атун» (лезг.) - приходит; «атлун» (лезг.) - резать.
36. а-ту-ко - «ацукьун» (лезг.) - сесть, садиться.
37. а-вьо-ро - «авурун» (лезг.) - заставить сделать; «агьурун» (лезг.) - шатать.
38. а-зе-та - «къезетла» (лезг.) - придет ли?
а-ке-та - «аката» (лезг.) - попадайся.
39. да-ко-ро - «дакурун» (лезг.) - вздуть;
«ттакурун» (лезг.) - не показывать.
40. да-на - «дане» (на Фестском диске) - Родина?
41. да-вью - «ттавун» (лезг.) - не сделать.
42. ке-ке-ме-на ко-то-на - «Кекемена кутуна» (лезг.) - Кекемен вложил.
43. де-ке-се-у - «декесиб», «денесиб» (кав.-алб.) - развитие, прогресс.
44. ди-па - «циб» (лезг.) - горшочек.
45. ди-ка-та-де - «ни катада» (лезг.) - кто побьет?
46. ду-ни - «дуьне» (лезг.) - мир.
47. е-ке-а - «акегья» (лезг.) - черпай.
48. е-ме - «эме» (лезг.) - тета (сестра отца).
49. е-ме-де - «эмеди» (лезг.)- тетя (в эргативном падеже).
50. е-ми-йа-та - «эми (ими) йатла» (лезг.) - может быть дядя (брат отца).

51. е-пи-ки-то-ни-йа - «епи(нив) кутунва» (лезг.) - завязан веревкой, подчинен (перен.).
52. е-пи-ко-о - «епикун» (лезг.) - подчинить (перен.).
53. е-пе-ге - «епиква» (лезг.) - находится в подчинении.
54. е-ге-та - «экъечла» (лезг.) - выходи; «агата» (лезг.) - сплотись.
55. е-ге-та-и - «экъечлай» (лезг.) - выходящий; «агатай» (лезг.) - сплотивший.
56. е-ре-та - «клеретла» (лезг.) - разгроми.
57. е-вья-ра-йо - «эверай» (лезг.) - пусть вызовет.
58. и-йа-ко - «ийакван» (лезг.) - сделай-ка.
59. и-йе-ре-йа - «иер айа» (лезг.) - сделай хорошо.
60. и-йе-ро - «иер авун» (лезг.) - сделать хорошо.
61. и-на - «ина» (лезг.) - здесь.
62. и-йе-то - «айатлун» (лезг.) - сделай-ка.
63. и-на-не - «инани» (лезг.) - и здесь.
64. и-го(ко) - «иклун» (лезг.) - сделать так.
65. и-вья-ка - «ивакай» (лезг.) - с ночи.
66. йа-ру - «йару» (лезг.) - красный, алый.
67. ка-ка-ре-а - «къакарай» (лезг.) - из ножи.
68. ка-ко - «какун» (лезг.) - сгибаться.
69. ка-ко-де-та - «каквадатла» (лезг.) - будет ли сгибаться.
70. ка-ма - «кламао» (лезг.) - плохой; «камай» (лезг.) - желаемый, необходимый.
71. ка-па-ри-йо-не - «капар йана» (лезг.) - аплодировали.
72. ка-пи-ни-йа - «кап» (лезг.) - ладонь; «капи» (ур., древне-лезг.) мера емкости.
73. ка-по - «капун»еи. (лезг) - ладони.
74. ка-ро - «кларун» - разгромить.
75. ка-ро-го - «клур гун» - растоптать.
76. ка-ру-са - «каруша» (лезг.) - наматывать нитки.
77. ка-са-но - «ксана» (лезг.) - спит, не сообщает о себе.
78. ка-си-ко-но - «къасид къуна» (лезг.) - стал грязным.
79. ка-со (1) - «класун» (лезг.) - укусить.
80. ка-со (2) - «къазун» (лезг.) - рвать.
81. ка-та-ри-и - «катарай» (лезг.) - пусть убегает, «катурай» (лезг.) - пусть побьет, пусть сражает.

82. ка-у-да - «къада» (лезг.) - захватит, возьмет; «къачуда» (лезг.) - возьмет, завоевывает.
83. ка-у-на - «къачуна» (лезг.) - завоевывал, брал.
84. ка-въа-до-ро - «кавадарун» (лезг.) - потерять.
85. ка-за - «клаза» (лезг.) - бадья (деревянная)
86. к'е - «къе» (лезг.) - сегодня, в нынешнее время.
87. ке-е - «къей» (лезг.) - погибший.
88. ке-и-йа-ка-ра-на - «къейикарна» (лезг.) - убивал.
89. ке-и-йо - «клевивун» (лезг.) - упрочнять.
90. ке-ки - «кикин» (лезг.) - борьба, воевать.
91. ке-ки-да - «кикида» (лезг.) - будет (будем) воевать.
92. ке-ки-йо- «кикин йа» (лезг.) - (есть) борьба.
93. ке-на-йо- «къенай» (лезг.) - убил (убит).
94. ке-ну-въа-со - «къуънева зу» (лезг.) - я в долгу.
95. к'е-пуй-ро - «къепирун» (лезг.) - дело исказить.
96. ке-ре - «кири» (урарт.) - керамика.
97. ке-ре-а - «кири йа» (ур.) - керамический (есть).
98. ке-ре-та - «клеретла» (лезг.) - разгроми.
99. ке-ре-те-у - «клеретлун» (лезг.) - разгромить.
100. ке-ре-у - «къеривун» (лезг.) - разредить.
101. ке-ре-въа - «къерева» (лезг.) - находится на берегу.
102. ке-ре-за - «къвериза» (лезг.) - придет.
103. ке-ро - «келун» (лезг.) - читать, учиться, изучить (происходит - р/л- чередование, как в урартской клинописе).
104. ке-се-ну-въа - «къеженва» (лезг.) - промокло.
105. ки - «ки(н)» - (лезг.) - гнев.
106. ки-ни-ди-йа - «кенидийа» (лезг.) - любимый (есть).
107. ки-ри-йа-си - «кири» (лезг.) - наем.
108. ки-ри-та - «кирита» (пелазг.) - успокой (?).
109. ки-ри-та-и - «киритай» (пелазг.) - успокоенный (?).
110. ки-тс - «кыитун» (лезг.) - уменьшить по количеству, разорить.
111. ко - «ккун» (лезг.) - гореть.
112. к'о, к'а - «къун», «къан» (лезг.) - держать.
113. коа - «квал» (лезг.) - дом.
114. ко-а-та- «куватла» (лезг.) - если состоит; «кватла» (лезг.) - собирай (клатла = кватла).
115. ко-дс - «кудун» (лезг.) - повесить.

116. ко-ка-ро - «кукларун» (лезг.) - громить, наносить поражение.
117. ко-ки-да - «кукларда» (лезг.) - разгромим.
118. ко-ма-то - «куматла» (лезг.) - если осталось (там).
119. ко-на - «къуна» (лезг.) - взял, арестовал, завоевал.
120. ко-не-вья-та - «къунватла» (лезг.) - если завоевал.
121. ко-ни-йо - «къуний» (лезг.) - завоевал, взял.
122. ко-но - «гунув» (от «гун», лезг.) - давать.
123. ко-ри-а-да-на - «кури(?) атана» - пришел Кури (?).
124. ко-ро (1) - «клуру(в) (лезг.) - копытом.
125. ко-ро (2) - «клурук» (лезг.) - под властью (букв.: под ногой, под копытом).
126. ко-ро-ки-но - «клурукна» (лезг.) - захватил, поставил под власть.
127. ко-ро-та I - «клуруктан» (лезг.) - оставить под властью.
128. ко-ро-ту-на - «клурук туна» (лезг.) - оставил под властью.
129. ко-ти - племя «кути» (удины).
130. ко-то - «кутун» (лезг.) - вложить, сажать, начинать.
131. ко-то-и-на - «кутлунна» (лезг.) - завязал, задержал.
132. ко-то-на - «кутлуна» (лезг.) - завязывай, заключи (соглашение); «кутуна» (лезг.) - подставил, «(кланик) кутуна» - одержал победу.
133. ко-то-но - «кутлунун» (лезг.) - завязывать, привязывать.
134. ко-ту-рйо - «кутурай» (лезг.) - (пусть) подставляет, (пусть) включает, (пусть) одерживает победу.
135. ко-ту-вьо - «гутлунун» (лезг.) - пристраивать.
136. ко-вья - «кува» (лезг.) - находится; «клурук кува» - находится под властью.
137. к'о-вья- «гува» (лезг.) - есть, имеется; «(зав) гува» - находится у меня.
138. ку - «кун» (лезг.) - сборище; «кук» - верхушка, голова; «ккун» - гореть.
139. ку-ко - «куклун» (лезг.) - бороться, драться.
140. ку-ка-ро - «кукларун» (лезг.) - разгромить.
141. ку-на-ке-та-и - «куьне катый» (лезг.) - (который) вы побили; «къуна катый» (лезг.) - (который) захватили и побили; «къуна катый» (лезг.) - (который) взял и убежал.
142. ку-па-ри-се-Купа - «Купа(н) риш йа» - (Она есть) дочь Купа.

143. ку-сс - «кусун» (лезг.) - спать; «кьусу» - большая лопата; «кьуьзуь» - старый.
144. ку-су-а-та-о - «кьуьзуь йатIа вун» - если ты старик.
145. ку-су-па-та - «Кушу(н) пата» - на стороне Куша («Куш» - возвышенность по-урарт.).
146. ку-су-ро - «кусурун» (лезг.) - уложить спать, обнадеживать(перен.).
147. ку-та-и-йа - «куьтягъа» (лезг.) - заканчивай.
148. ку-та-и-то - «кутягътIун» (лезг.) - ну заканчивай.
149. ку-то - «кутун» (лезг.) - вложить, сажать; «(кьил) кутун» - начинать.
150. ма - «ма» (лезг.) - на, возьми.
151. ма-на - «ман» (урарт.) - мера веса; «ман» (ур., лезг.) - употребляется после глагола и отдельно не имеет перевода: «кьачу ман» - возьми да.
152. ма-ке-ра - «мехъера» (лезг.) - женись, сыграй свадьбу.
153. ма-ра - «мара» - ежевика.
154. ма-ра-не-ну-вье - «мара незва» (лезг.) - кушает ежевику.
155. ма-са - «маса» (лезг.) - другой.
156. ма-со-ге(ке) - «масакIа» (лезг.) - по-другому.
157. ма-со-де - «масада» (лезг.) - другой (в эрг. п.).
158. ма-зо - «маце» (хурр., ур.) - подарок.
159. ме-ке-йа - «микъи йа» (лезг.) - холодно.
160. ме-те - «мет» (лезг.) - колено; «меце» - на языке.
161. ми-ра - «мира» (пелазг.) - зеркало? (на Фестском диске).
162. му-ка-ра - «мукъара» (лезг.) - в ближайшее время.
163. му-ко - «мукъва» (лезг.) - близкий.
164. на-вьи-йа - «нави йа» (пелазг.) - (это есть) корабль (на Фестском диске).
165. о-ка - «чуква» (лезг.) - кастрюля из жженной глины; «чуквар» (лезг.) - младенец.
166. о-ка-ра- «чуквар» - кастрюли из жженной глины (мн. ч.); «чукара» (лезг.) - беги быстрее.
167. о-ке-у - «чуькьуьн» (лезг.) - сжать, пожимать (руку).
168. о-ке-вьа - «чуькьвенва» (лезг.) - сжато, втиснуто.
169. о-ку - «аку» (лезг.) - смотри, гляди.
170. о-ку-ка- «акукван» (лезг.) - гляди-ка.

171. о-ку-на-вьо - «акунва» (лезг.) - видел.
172. о-на-та - «унатIа», «авунватIа» (лезг.) - если сделал.
173. о-ре-е-вьо - «уьрева» (лезг.) - находится в озере.
174. о-ро - «уьруьн» (лезг.) - озерный.
175. о-ро-ке-вье - «уьруькува» (лезг.) - находится у озера.
176. о-ре-те-у - «уьретун» (лезг.) - оставить на (в) озере, впустить в озеро.
177. о-та - «утIа» (лезг.) - тот.
178. о-ти-на-вьо - «утIанава» (лезг.) - находится там.
179. па-ка - «пака» (лезг.) - завтра.
180. па-ка-на - «паканан» (лезг.) - завтрашний.
181. па-ку - «Паку» (лезг.) - Баку; «паку» (лат.) - сельская община.
182. па-ко-вье - «пакуви» (лезг.) - бакинец.
183. па-ра - «ппара» (лезг.) - много.
184. па-ра-йа (1) - «ппара йа» (лезг.) - много (есть).
185. па-ра-йа (2) - «пара йа» - (это есть) доля, часть.
186. па-ра-ке-се-вье - «ппара кьвезава» (лезг.) - много приходят.
187. па-ра-ко - «ппара хьуй» (лезг.) - пусть будет больше.
188. па-ра-ку-йа - то же.
189. па-ра-ку-вье - «ппара кува» - много осталось (в чем-то), «ппара гува» - (Он) много держит, (у него) много.
190. па-ро I «ппару» (лезг.) 1 забор, ограда.
191. па-та - «пата» (лезг.) - на стороне.
192. па-ти - «патин» (лезг.) - сторонний; половинный.
193. га/ка-да-ро - «гадарун» (лезг.) - бросить. «квадарун» - потерять.
194. га-мо - «гам» (лезг.) - ковер; «гамун» - ковровый.
195. га-ни-ко - «кланиква» (лезг.) - находится под чем-то.
196. го-та - «кутIа» (лезг.) - молоток.
197. ра-мо - «рамун» (лезг.) - покорить, подчинить.
198. са-по - «са пай» (лезг.) - одна часть.
199. си-ра - «сира», «сура» (лезг.) - в могиле.
200. си-ре-вьа - «сирава» (лезг.) - находится в могиле.
201. су-за - «суза» (лезг.) - стон.
202. та - «тан» (лезг.) - тело.
203. та-за - «таза» (лезг.) - свежий.
204. то-ке-у - «туькей» (лезг.) - улаженный.

205. ту-ка-на - «тукуна» (лезг.) - зарезал.
 206. ту-ни-йо - «туний» (лезг.) - оставил.
 207. ту-вьо - «тувун», «тун» (лезг.) - оставить.
 208. у-та-но - «утлана» (лезг.) - там.
 209. у-вьа-та - «аватла» (лезг.) - если есть.
 210. вья - «ваъ» (лезг.) - нет; «ван» - звук, голос.
 211. вьи-да-ма - «фидаман» (лезг.) - ну, ладно, пойду.
 212. ви-да-ма-та - «вид аматла» (лезг.) - если твой остался.
 213. вьи-ри-йа-но - «вири йана» (лезг.) - всех перебил.
 214. вьи-ри-ки-но - «вири кьена» (лезг.) - всех убил.
 215. вьи-ре-не-о - «вирина» (лезг.) - везде.
 216. вьи-ри-ни-йо - «вирини» (лезг.) - (эти) все.
 217. вьи-ри-за - «вириза», «вирида» (лезг.) - все.
 218. вьо - «вун» (лезг.) - ты.
 219. вьо-и-ко-де - «вун иквада», «вун аквада» (лезг.) - тебя увижу.
 220. зе - «за» (лезг.) - я (в эрг. п.).
 221. зе-ро - «зверун» (лезг.) - бежать.
 222. зо-а - «зу» (лезг.) - мой; «зун йа» - (это) я.
 223. зо-вьа - «жува» (лезг.) - сам (в эрг. п.).
 224. зо-вьо - «жуву» (лезг.) - себя.

/76/ (без повторений):

225. а-не-та-де - «ана тада» (лезг.) - там оставлю; «ана твада» (лезг.) - туда положим (во всех лицах звучит одинаково).
 226. а-но-вье - «анова» (лезг.) - там есть, находится там.
 227. а-ро-у-ра - «ару урай», «ару авурай» (лезг.) - пусть убирает урожай.
 228. а-ки-па-та - «Аки пата» (лезг.) - на стороне Аки; «эрчи пата» (лезг.) - на правой стороне.
 229. до-зе - «даце», «ттаце» - дань (на Фестском диске).
 230. и-ги/ки-йа - «икли йа» (лезг.) - так (есть); «гьикли йа?» - как (есть).
 231. йо - «йа» (лезг.) - есть.
 232. ка-на-то - «клана тун» (лезг.) - оставить на дне.
 233. ка-пи-ни-йа - «капи» (урарт.) - мера веса.
 234. ки-та-но - «китланун» (лезг.) - завязывать.

235. о-ре-и - «урай», «авурай» (лезг.) - пусть сделает.
236. ку/гу-у-ка-ра-а-ни - «кукларай» (лезг.) - растерзанный, потерпевший поражение.
237. го-о - «гун» (лезг.) - давать.
238. ре-ке-то-ро-те-ри-йо - «рекье тура(й) Терийа» (лезг.) - пусть Терийа провожает.
239. са-са-мо - «сасама», «сасад» (лезг.) - по одному.
240. те-ме-но - «теменун» (лезг.) - поцеловать.
241. то-но - «туна» (лезг.) - оставил; «ттуна» - клал, положил внутрь.
242. то-па - «туплал» (лезг.) - кольцо.
243. то-са-вья - «твазва» (лезг.) - кладет.
244. вья-на-ка - «ванакай», «виникай» (лезг.) - сверху.
245. вьо-и-ко-де - «вун иквада», «вун аквада» (лезг.) - тебя увидит.
246. вьо-йо - «вун йа» (лезг.) - (это) ты.
247. вьо-ка - «вакай» (лезг.) - о тебе.
248. вьо-на-си - «вуна зи» (лезг.) - ты мой.
249. вьо-не-вье - «вун эвей», «вун авай» (лезг.) - ты был.
250. вьо-зе - «вужа» (лезг.) - (это) кто?

Все эти слова из «минойских» (пелазгских) текстов, которые «читаются, но понять невозможно». Несомненно, среди пелазгских слов имеется еще большее количество выражений и архаичных слов, не сохранившиеся в современном лезгинском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскрыта тайна одного из уникальных писем носителей самых древних европейских культур - догреческого населения Эгеиды. Несмотря на большое число (несколько десятков) вариантов дешифровки надписи «Фестского диска», все еще оставались без ответа основные вопросы его таинственности: каковы названия изображенных на диске рисунков, их акрофоническая связь с текстом, язык этих названий и язык текста, грамматический строй, фонетическая и морфологическая особенности этого языка и, наконец, кто являлся носителем этого языка и их преемником в современном мире? Внимательный читатель, вероятно, получил на все эти и другие не менее интересные вопросы убедительные ответы на страницах настоящей книги.

Несомненно, полученные нами результаты нуждаются в признании со стороны занимающихся в этой области исследователей. Автор настоящей дешифровки, понимая ответственность своих выводов, считает, что данное исследование является началом нового этапа в криптологии. Это начало, на наш взгляд, значительно облегчает интерпретацию «дешифрованного» линейного А, успешную расшифровку иероглифического критского письма, кипрского варианта линейного А, а также «оживление» этрусского, карийского, хаттского, хурито-урартского языков при помощи только нахско-лезгинской группы кавказских языков.

Нет сомнения в том, что дешифровки, в первую очередь, линейного письма А, предшествующей ему критской иероглифики и Энкомийской таблички Кипра будут свидетельствовать о близком родстве древнего пелазгского и современного лезгинского языков, спустя почти 4 тысячелетия. Поисковые работы автора настоящей книги в данном направлении дали предварительные обнадеживающие результаты, что дает основание уверенно продолжить исследования. Положительный исход этих работ позволит, с одной стороны, «оживить» пелазгский язык и «лечить» современный лезгинский и, с другой стороны, «пересмотреть» тезис сравнительно-исторического языкознания о том, что язык меняется почти неузнаваемо в течение нескольких сот лет.

В языкознании не считается случайной идентичность названий Испанской Иберии и Кавказской Иберии - наоборот ведутся исследования по поиску родства между Пиренейскими басками и предками грузин - иберами. Из-за сходства названий греческий философ Сократ высказал мысль, что «иберы, живущие у Понта Евксинского, выходцы из тех же иберов, которые находятся в Испании»

(по /101/). «В настоящее время, - пишет Кондратов А., - есть новый также спорный вариант решения этого вопроса. Ни предки басков, ни предки кавказцев не совершали длительных путешествий через все Средиземноморье. А черты сходства их языков и культуры объясняются тем, что Пиренейские и Кавказские горы - это своего рода «естественный заповедник», где сохранились черты быта и язык древнейших обитателей Европейского континента». «Живые свидетели древней истории остались на Пиренейском полуострове и Кавказском перешейке, - пишет акад. А. Чикобава. - Их показания важны не только для истории соответствующих народов, но и для истории одного из древнейших очагов цивилизации» /101/. По мнению Кондратова А. «недостающие звенья» между двумя иберами можно искать в урартском, хурритском, хаттском, минойском и этрусском языках.

Может быть идентичная ситуация имеет место и в случае родства Балканской Албании и Кавказской Албании, т.е. между пелазгами и лезгинами. Еще в 1924 г. В.В. Бартольд на вопрос: «Нет ли исторической связи между албанами прикаспийскими и балканскими?» ответил: «Это вопрос, на который очень трудно ответить. Связь предполагается, и проф. Марр об этом довольно много писал. Стараются установить первоначальное происхождение этого названия, но положительно сказать, что связь существовала, нельзя, также и нельзя сказать, что ее нет. Во всяком случае, албанцы, которые жили у Каспийского моря, народ того же происхождения, что и грузины и кавказские горцы, которые все входят в число народностей, известных под названием «яфетических», как мы увидим в дальнейшем, язык албанцев исчез, несмотря на то, что у них была своя письменность и Библия была переведена на албанский язык» /29/.

Что касается названия «Албания», то можно привести отрывок из вышеупомянутой (см. «Албаны на Балканах и Кавказе») «Албанской книги» /35/: «1. Бог создал Адама. Десятый потомок Адама был Ной. Третий сын Ноя был Яфиз. У Яфиза было 8 сыновей. Его младший сын - Гемер. У Гемера было 3 сына. Его младший сын - Таргум. У Таргума было 8 сыновей. Его младший сын - Алуп. При разделении владений земли от нижнего до верхнего морей и от нижних и верхних гор были переданы Алупу.» И далее. «2. Ран (один из потомков Алупа - Я.Я.) объединил вокруг себя влиятельные племена. Он создал мощное царство в Междуречье Арц (Аракс - Я.Я.) и Кюр (Кура - Я.Я.). За ним пошли племена гарг, уд, кюр и арц. Ран назвал свое государство «Дом Алупи» («Алупан квал»)....». Очевидно в дальнейшем, слово «Алупан» превратилось в - «Алупания», «Албания».

Все кавказско-албанские письменные памятники читаются на лезгинском языке /35/. Живут ли в настоящее время на территории

Балканской Албании представители лезгино-язычных народов? В древности - 4 тысячи лет тому назад (!), несомненно, такие народы (пелазги составляли большинство населения не только территории нынешней Балканской Албании, но и на Средних и Южных Балканах, Эгейском архипелаге и западе Малой и Передней Азии. Оказывается Балканы и Кавказ являются «естественным заповедником» и для лезгинской группы языков.

По изменению языка можно выдвинуть следующую версию. Следует предположить, что изменение языка происходит в зависимости от оседлого или кочевого образа жизни носителей этого языка. Кочевники обычно побывают на территориях не одного, а нескольких народов и каждый раз, в зависимости от времени пребывания на данной «чужой» территории, происходят изменения в их родном языке. В таком случае на последнем месте кочевания язык «пришлого» народа уже подвержен изменению и язык продолжает деформироваться при смешивании с новым «местным» языком. Очевидно, «местный» язык тоже заимствует какие-то слова из «пришлого» языка, но он не претерпевает существенных изменений. Сохранность лезгинского языка в течение даже нескольких тысячелетий может быть объяснена именно этим обстоятельством: в течение нескольких тысячелетий лезгины живут на исконно своих землях, а именно на территорию Дагестана, Закавказья, Северного и Восточного Ирана (Месопотамии), Малой и Передней Азии, Эгейского архипелага и Балканского полуострова. Если даже они кочевали (Кавказ - Малая и Передняя Азия - Эгеида или в обратном направлении), то они остались на территориях родственных им племен. «Пришлые» же языки заимствовали слова из «местного» языка: греческий из пелазгского, хеттский от хаттского, иранские языки, ассирийский, армянский из хурритского, турко-азербайджанский из албано-лезгинского и т.д. Этих заимствований можно привести достаточное число примеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. 656 с.
2. Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М. 1966. 174 с.
3. Борухович В.Г. Зевс минойский (следы культа верховного критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах). //Сб.: «Античный мир и археология» (межвузовский научный сборник). Вып. 4. Саратов, 1979. С.3-26.
4. Никулина Н.М. Искусство эгейского мира и его связи с искусством древнего Востока. // ВДИ, М., 1977. №3. с. 133-145; Его же, В сб.: «Античная балканистика. Предварительные материалы». М., 1975. с. 50.
5. Богаевский Б. Крит и Микены (Эгейская культура). М.-Л., 1924. 257 с.
6. Страбон. География в 17 книгах. Перевод с греческого с предисловием и указателем Ф.Г.Мищенко. М., 1879.
7. Властов Г. Теогония Гезиода и Прометей. СПб., 1897. 579 с.
8. Гладкий В.Д. Древний мир. Энциклопедический словарь. ТТ.1 и 2, М., 1998.
9. Словарь мифов. Под ред. Питера Бентли. М., 1999. 429 с.
10. Блаватская Т.В. Греческое общество второго тысячелетия до н.э. и его культура. М., 1976. 175 с.
11. Геродот. История в 9-ти книгах. М., 1888. ТТ. 1,2.
12. Нойман Г. Ликийский язык. // Сб.: Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 322-353.
13. Немировский А.И. Этруски.От мифа к истории. М., 1983. 261 с.
14. Камменхубер А. Хаттский язык. // Сб.: Древние языки Малой Азии. М., 1980.
15. История Древнего Востока. М., 1988. 247 с.
16. Иванов Вяч.Вс. К изучению следов хеттского влияния на древнегреческую культуру. // Сб.: Античная балканистика 2. Предварительные материалы. М., 1975. С. 12-14.
17. Блейхштейнер Р. Субары древнего Востока в свете изучения яфетидов // Сб.: Язык и история. 1.Л., 1936. с. 186-202.
18. Миллер В.Ф. Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии Передней Азии (отдельный оттиск).
19. Бадалов Ф А. История лезгинского народа и государства (V тыс. до н.э.- X в. н.э.). Дербент, 1998.439 с.

20. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока Ч.3. Языковая ситуация в Передней Азии в XIV тысячелетиях до н.э., М., 1984. 51 с.
21. Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // Сб.: Древний Восток, т.3, Ереван, 1978. С.25-38.
22. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Сб.: Древний Восток. Этнокультурные связи, 80. М., 1988, с.164-207.
23. Алародии. Махачкала, 1995.
24. Георгиев В. Вопросы родства средиземноморских языков. // ВЯ, 1954. №4. с.42-75.
25. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. // СА. 1964. №1. с.26.
26. Абдурагимов Г.А., Абдурагимова Д.Г. Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии (история, были, мифы, сказания). М., 1998. 479 с.
27. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т.1, Л., 1935. 339 с.
28. Марр Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры. Избранные работы. Т.1, М.-Л., 1933.
29. Бартольд В.В. Сочинения. Т.2, ч.1. М., 1963. 1020 с.
30. Марр Н.Я. Об яфетической теории. Новый Восток, Кн. V. М., 1924 с.303-339.
31. Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 240 с.
32. Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л., 1970. с.191.
33. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 264 с.
34. Эпоха бронзы Кавказа и Средний Азии. Ч. 1. Ранняя и Средняя бронза Кавказа. М., 1994. 383 с.
35. Яралисв Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность и лезгинский язык. Махачкала, 1995.
36. Майяни З. Этруски начинают говорить М., 1966. 335 с.
37. Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992. 190 с.
38. Evans A.J. The Palace of Minos at Knossos. London, v. 1-4, 1921-1935.

39. Молчанов А.А. Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и «эгейский») // Сб.: Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. М., 1984. с. 312.
40. Златковская Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961. 168 с.
41. Поуп М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности. // Сб.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. с. 85-96.
42. Кондратов А. Книга о букве. М., 1975. 224 с.
43. Георгиев В. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954. 96 с.
44. Кондратов А.М. Погибшие цивилизации. М., 1968. 312 с.
45. Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б // Сб.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 105-254.
46. Кондратов А.М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письма. Загадки Эгеиды. М., 1970. 227 с.
47. Георгиев В. Проблемы минойского языка. София, 1953. 193 с.
48. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат (у истоков европейской цивилизации). Л., 1988. 263 с.
49. Шеворошкин В. Остров неразгаданных тайн. // «Знание-сила», 1965, №10.
50. Нойман Г. О языке критского линейного письма А. // Сб.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 32-65.
51. Молчанов А.А. Методика работы с минойскими текстами. Дешифровка и интерпретация. // Сб.: Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980., с. 42-44.
52. Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.
53. Александровский Г. Вестник далеких времен. Вечная красота. // «Наука и жизнь», 1998. №1. С. 70-73.
54. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. 215 с.
55. Ипсен Г. Фестский диск (опыт дешифровки). // Сб.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 32-65.
56. Нойман Г. К современному состоянию исследования Фестского диска. // Сб.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 66-82.
57. Грумах Э. К происхождению Фестского диска. //ВДИ. 1968. №2.
58. Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. М., 1980. 119 с.

59. Георгиев В.И. Дешифровка текста диска из Феста. //ВДИ, М., 1977. №1, с.52-60.
60. Суриков И. Раскрыта ли тайна Фестского диска? // «Наука и жизнь». 2000. №2, С. 46-47.
61. Хохлов Л. Фестский диск. Еще одна дешифровка. Последняя? // «Знание-сила», 1977. №11, С.47.
62. Дьяконов И.М. О методах дешифровки древних текстов // Сб.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, С.11-29.
63. Иберийско-кавказские языки. БСЭ, 1952. Т. 17. с.250.
64. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала. 1976. 369 с.
65. Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания - Лезгистан. История и современность. С.-Петербург, 1995, 607 с.
66. Яралиев Я.А. Родство урартского и лезгинского языков // «Отечество», 1998, №2, С. 21-33; 1999. №1, С.27-32.
67. Садыки М.-А. Древняя история лезгин и античные письменные источники. М., 1996. 255 с.
68. Георгиев В. Происхождение алфавита. 1. Финикийские буквы и их названия. // ВЯ. 1952, №6 С.48-83.
69. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. 504 с.
70. Казанский Н.Н. Об одном названии хлеба в языках восточного Средиземноморья. // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 27-28.
71. Фаиз Куреви (Фейзуддин Нагиев). Лезгинский хлеб и историческая кухня // «Возрождение», №6, 2000. С.72-74.
72. Лезгинско-русский словарь (28 тыс. слов). Составители Б.Талибов и М.Гаджиев. М., 1966.
73. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
74. Дьяконов И.М. Алародии. В /23/.
75. Георгиев В.Словарь крито-микенских надписей.Соф., 1955. 96с
76. Молчанов А.А., Нерознак В.И., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988. 191 с.
77. Предметно-понятный словарь греческого языка. Крито-микенский период (составители: В.П.Казанскене, Н.Н.Казанский), Л., 1986. 207 с.
78. Харсекин А.И. Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставрополь. 1963. 92 с.

79. Латинский язык (учебник для студентов педагогических вузов). М., 2000. 384 с.
80. История древнего мира. Т.1. Ранняя древность. М., 1989. 471 с.
81. Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М.. 1988. 176 с.
82. Нозадзе Н.А. Вопросы структуры хурритского глагола. Тбл, 1978.
83. Словарь всемирной мифологии. Н.Новгород, 1997. 496 с.
84. Рубенштейн Р.И. О чем рассказывают памятники древнего Востока. М., 1964. 183 с.
85. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Перевод В.В.Иванова. М., 1977. 317 с.
86. Словарь исторический. ТТ. 1-13. М., 1807.
87. Древний Восток и античный мир. М., 1972. 255 с.
88. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958. 659 с.
89. Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. Ростов. 2000. 480с.
90. Ризванов З. Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990. 58 с.
91. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. 252с.
92. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка. М., 1977.
93. Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга балканского полуострова. М., 1967. 199 с.
94. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1953.
95. Георгиев В. Проблема возникновения индоевропейских языков // ВЯ, 1956, №1, С. 66.
96. Лурье С.Я. Рецензия на книгу акад. Вл.Георгиева «Проблема минойского языка». София, 1953 // ВДИ, М., 1954, №3, С.104-114.
97. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки. М., 1963. 386 с.
98. Гиндин Л.А. Обзор литературы по «пелазгскому» языку // ВЯ. 1959. №5. С. 105-114.
99. Таубе П.Р., Руденко Е.И. От водорода до...? М., 1968, с. 316.
100. Древнегреческо-русский словарь. ТТ.1,2.М.,1958(ок.70тыс. с.).
101. Кондратов А. Земля людей - земля языков. М., 1974.191 с

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I ЭГЕИДА И ЕЕ СВЯЗЬ С ЕГИПТОМ, ПЕРЕДНЕЙ АЗИЕЙ, МАЛОЙ АЗИЕЙ И КАВКАЗОМ	7
1.1. Крито-микенская культура.....	7
1.2. Догреческое население Эгеиды	9
1.3. Этническая общность древнейших народов Эгеиды, Малой и Передней Азии и Кавказа.....	16
ГЛАВА II КРИТО-МИКЕНСКАЯ ПИСМЕННОСТЬ	23
ГЛАВА III «ФЕСТСКИЙ ДИСК» И ПОПЫТКИ ДЕШИФРОВКИ НАДПИСИ.....	31
III.1. О надписи на Фестском диске.	31
III.2 Попытки дешифровки надписи на Фестском диске	36
ГЛАВА IV ДЕШИФРОВКА И ИНТЕРПРИТАЦИЯ НАДПИСИ НА ФЕСТСКОМ ДИСКЕ	48
IV.1. Этимологический подход при помощи лезгинского языка.....	48
IV.2. Дешифровка надписи на Фестском диске.	55
IV.3. Историко-мифологические аспекты дешифрованного текста.....	75
IV.4. Некоторые языковые особенности текста Фестского диска.	82
IV.5. Минойский или пелазгский?	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	107
ЛИТЕРАТУРА	110

Подписано в печать 03.10.01г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная № 1 Отпечатано на дубликаторе.
Усл. печ. я. 6,86. Тираж 1000. Заказ № 3403
ЦЕНА СВОБОДНАЯ.

Эл. версия - добровольное патриотическое движение
"ДУСТВАЛ" (<http://vk.com/dustval>, э/почта dustval@mail.ru
). Первая редакция. 08.12.2013

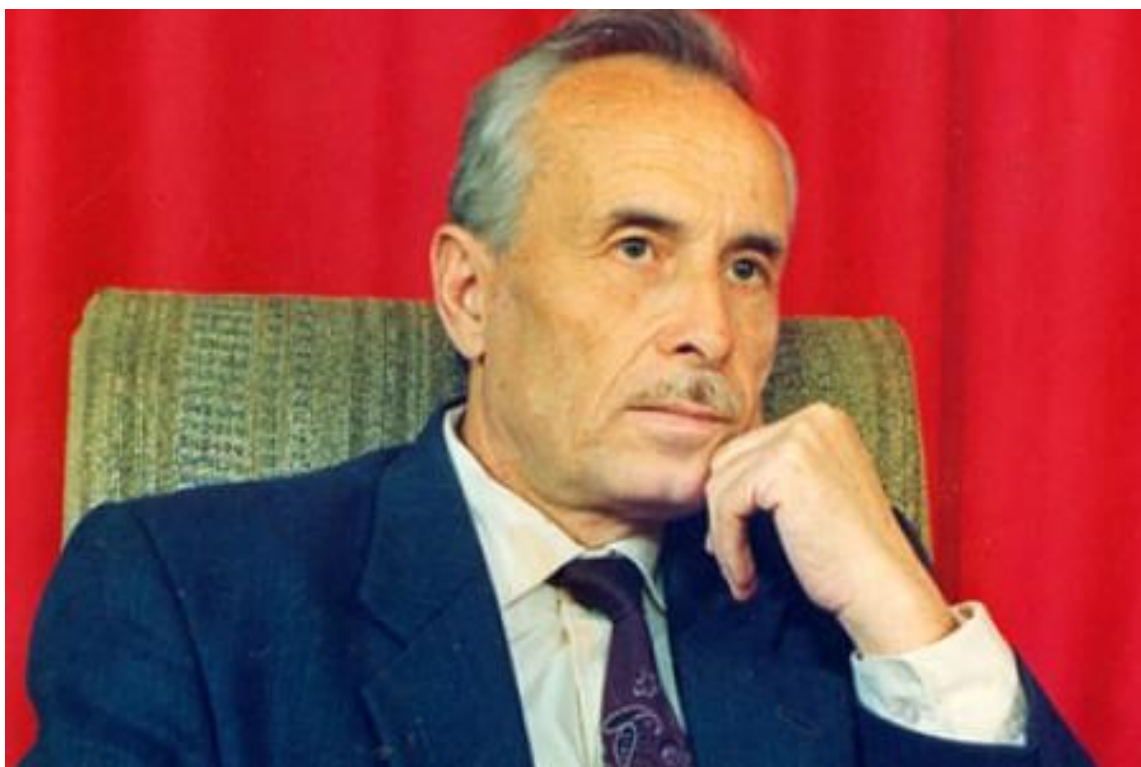
Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03707
от 9 января 2001г.
ГУП «Типография № 3»
Министерство по национальной политике информации и
внешним связям РД.
368600, г. Дербент, ул. Коммунаров, 25.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

1. Электронная версия книги создана добровольным патриотическим движением "ДУСТВАЛ" (<http://vk.com/dustval>). Первая редакция. 08.12.2013
Найденные неточности и замечания отправляйте на э/почту dustval@mail.ru

Сторона Б (сторону А см. на передней обложке)

Яралиев Ярали Алиевич родился в 1941г. в сел. Верхний Тагирджал Кусарского района Азербайджана. В 1959г. поступил на химико-биологический факультет Азербайджанского ГПИ им. В.И. Ленина, а после окончания его с отличием - в аспирантуру ИНФХ АН Азербайджана. Защищает кандидатскую и докторскую диссертации по специальности "Электрохимия".

В 1993 году проф. Яралиевым Я.А. сделано первое открытие: дешифрована кавказско-албанская письменность. Им однозначно доказано, что все известные до сих пор албанские письменные памятники буква в букву читаются на древнелезгинском языке /Яралиев Я.А. Алупанская (кавказско-албанская) письменность и лезгинский язык. Махачкала, 1995 г./.

Этот успех направляет проф. Яралиева Я. А. в довольно увлекательный и почти неисследованный мир древних письменностей лезгиноязычных народов.

И вот новое, второе, открытие, чему посвящена настоящая книга, - заговорил "Фестский диск", который уже 90 лет поражает весь мир своей таинственностью. Успешная дешифровка надписи на Фестском диске оживила почти забытый и давно отброшенный в неизвестность догреческий пелазгский язык, родственной... лезгинской подгруппе кавказских языков. Это дает творчеству Яралиева Я. А. новый импульс.

В настоящее время, работая в институте "Юждаг" (Россия, Дагестан, г. Дербент, Советская II), Яралиев Я.А. закончил дешифровку кипро-минойского письма из Энкоми и продолжает поиски по расшифровке других образцов пелазгского письма, а именно: пикто-слового письма критских печатей и "линейного письма А".